

ЛАУРЕАТ КОНКУРСА 2017 ГОДА

Александр Казаркин

ЕРМАКИ-КУЧУМЫ

Рассказы краеведа

Сирень
Томск – 2018

ББК 4774

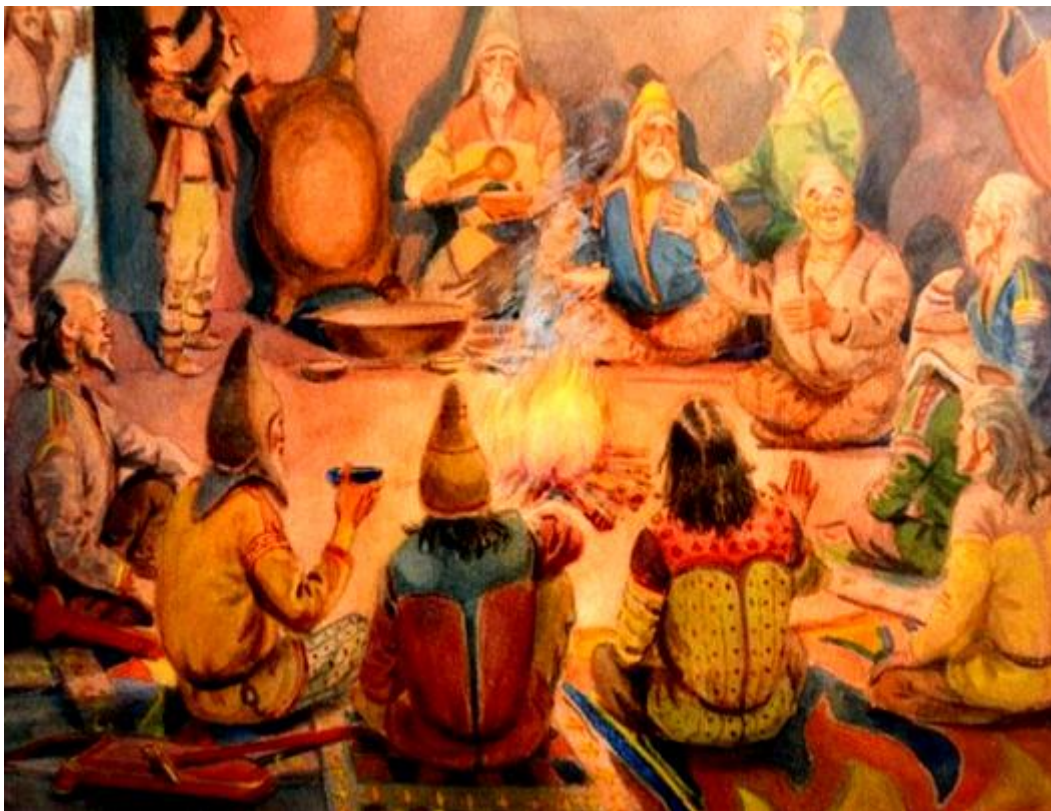
С 34

Александр Казаркин. Ермаки-Кучумы. Рассказы краеведа. Томск: Сибирика, 2018. 195 с.

Книга об открытии Сибири, об истории отдельных областей её и народов. Для старшего школьного возраста.

Казаркин А. П.
ISBN 978-5-7422-3280
Сирень - 2018

ГОЛОСА СКАЗАНИЙ

Страна за Камнем

«Милостию князя велено было мне, Ефимке сыну Игнатову, пригнати из Пермския земли монаха немчина, иже языкам научен. И как было мне туда приехати, то поносил меня немчин сей вельми ругательски. А того ради сором учинил, что нас русичей за скотин почитает.

Слух обрётён здесь, государь княже, яко побывал он за Камнем в стране, кою татаре именуют Шибирь, а черемисы Сабир. Видели людишки у него чертёж земель закаменных, а хоцет чертёж к себе в Немецину везти. Идти же в Шибирь многия дни в горах щелием, а которым обрываю тамо и дна не видати. Православных нету, и языки, государь княже, все не знаемы, живут человеки малы и невзрачны. Сказывал монах, что и дале есть большая страна, правит игумен латынская веры, имя толи Полкан, толи Яган. А города у него богаты, и подать с торгов и с паромов на себя берёт. Монаха того, Поганкой зовомого, пригнал я, и сидит он за сторожею, ожидаючи суда твоего, государь княже».

- Сам писал, сотник? – спросил дьяк, свёртывая челобитную. Потный, плечистый, с кудлатой бородой, тот завозился в углу, дважды крякнул для прочистки горла:

- Зачем самому-то? Писцы на то заведены. А сказано всё, как оно стало.

Думный дьяк растопырил пальцы, процедил сероватую бороду, потом оттолкнул свиток и повернулся к колоднику:

- Откуль ты взялся? Кто тя на Русь послал?

- По чину монастырскому и любознания ради пошех аз в вашу Сарматию.

- Говори по-простому, не книгу читаешь. Старославянской язык, он для святого писанья, а ты здесь на расспросе. Вдругорядь спрошаю: кто тя послал?

Судьба не раз зло шутила над бедным Иоганкой, и он знал: так небо испытует его терпенье. Был в самом дальнем русском монастыре, когда нашёл его гонец. Разберись вот с этими руссами: кафтан пыльный, голос хриплый, кто поверит, что он княжий гонец:

- Ты, что ли, монах Поганка?

Ответил ему смиренно, но с достоинством: - Если я, служитель Господа, поганка, то не поганец ли и ты?

- Ах ты, морда немчинская! – И взвилась над головой монаха нагайка. – Да я тебя до самого Нижнего гнать буду.

Почти сто вёрст прошёл Иоганка под толчки коня. И отдалялась Пермия, ради которой так долго шёл в царство московитов. Покорилась она Новгороду и Москве, стояли в ней храмы схизматиков, но по лесам ещё молились старым идолам.

- А ты, сотник, нашто нагайкой-то замахал? Ругать, обзывать сразу стал? Тут писано: привести угорского монаха Иоганку.

- Как, как?.. Так это, выходит, И заместо П?.. Напущенье, видать, - не нашей он веры-то.

- Про то не мне, князю ответишь. А ты прочитай нам вот это посланье, что отнято у тебя. Кому оно и про что писано?

- Брату-монаху Мисаилу, на случай невозврата моего. Добро, читаю. Сальве, Михеле, фратре эт амице!

- Стой, стой! Забубнил. Римской, что ли, язык-от? Мы тебе не латынцы какие. Язык наш славянской, он простой и понятной, раз ты его знаешь.

- Я, кроме родного венгерского и латыни, говорю на германском и по-италийски читаю.

- Ишь ты! Вот и толмачь сам сразу. Да врать не вздумай, князь всё едино дознается. У него свои толмачи добры.

- Для того ль от мира в монастырь уходят, чтобы врать? Кхе, начинаю. Брату Мисаилу из ордена миноритов смиренный Иоганка поклон свой шлёт. Не поверишь ты, брате Мисаил, сколь обширны земли, сотворенные Господом на благо человекам, доколь сам не узришь их. Прошёл я поперёк страну схизматиков-руссов и дивился здесь премного. Города в стране сей не обширны, а лесам меры нет.

И пришёл я к Каменному поясу земли. Живёт за ним самоядь, народ выносливый, во льдах и снегах житие его. Соседям их имя

астяк, и язык их нашему сродный. Сарацинский купец написал «Книгу путей и стран», когда Русь ещё не была крещена. Он поведал о стране Сибур, в коей чудес многое множество. Ал-Руми говорил также о великой стуже в земле Сабирской ещё в седьмом веке от Рождества Христова. В лексиконе мордовском слово «савир» всё ещё обретается, татары говорят о царстве Шибир у великой холодной реки. Влечёт меня, брате Мисаил, народ сабир, вижу в нём предков наших. За сим пребывай здоров, да будет на тебе благословение Божие.

- Нет туды дорог. Ехать там некуда. Мёртвое царство, безвидное. На что оно? – Сотник тёр подолом рубахи взмокшую шею и косился на думного дьяка.

- Через Сибур пролегла дорога в Индию. Александр Великий, царь Македонский, по пути из Индии загнал в горы злые народы Гог и Магог. Это им на тысячу лет нет пути, но скоро высекут они выход и пойдут на города ваши.

- Царь Македон, он наскрозь земли прошёл, в Шибир, говорят, захаживал, а на Русь — шиш ему, нет ходу.

- Это пока другой воитель не явится. А он уже приходил — царь мунгальский.

- Спаси и сохрани! Неуж ещё кто страшней мунгалов придёт? А скулы-то у тех каковы?

- Того не ведаю: они близко к себе не подпустят. А за Земным Поясом народы мирные, про убийства не ведают. Зверя и рыб там столько, что нет нужды драться за них. Золото им ни во что станет, у них искони обмен едой и шкурами.

- Самоед у тя вышел добрей русского?! Пойди, пойди, там чужака приголубят! Брюхо вспорют — глазом не моргнёшь. Злобны пуще зверей лютых. А как им не быть злыми, коли всю зиму ночь там? А зима, слышно, полгода. Самоядь, она тепла не выносит, летом у Студёного моря живёт, потому кожа у них пузырится, как снег таять зачнёт. А другая самоедь, те на зиму засыпают. Где кто шёл, тут и сел, как помер. Весной отгает, отряхнётся и дале идёт себе. А золота для того и не знают, что звери сущие. Им что жить, что не жить, всё едино, как траве.

- Так и учили в древности: не бойся смерти, почитай себя частью леса. Богатство копить глупо — умрёшь всё едино.

Сотник приосанился, голос подал: - Ну да, там стариков снедают, как голод пристигнет. Народ к людоедству обык, а ты тут... Ходили новгородцы туды, день и ночь шли, воюючи, не давали им

самоеды роздыху, почитай, всех перебили. На бой-то, как мураши, прут. Такой и умрёт – не заметит.

Дьяк покачал головой:

- Я слышал: шкурки соболя они свозят в кучи ради обмена, а ветры там сильны, идут от Моря Мрака. Как налетит вихорь, так и вздымет мягкую рухлядь под тучи, потом размечет шкурки вдоль реки. Один торговый человек нашёл их в степи, полны сани набил мягкой рухлядью.

Великая там река есть, имя ей Обия, течёт из озера чудной красы. В верховьях идёт она меж высоких гор. На ней стоит богатый город Грустина, поболее Новгорода будет. Стен нет, выбиты пещеры, люди ходят под землёй, инда день так можно вдоль реки идти, но с огнями. И второй город стоит, именем Серпонов, велик и шумен, а посаду нет у него, под землёй живут. На улицах там ясти и пити вдоволь поставлено, а сами жильцы не показываются. Товару всякого много, а если без денег возьмёшь и уедешь, пропадёт товар. Богат город, заезжают караваны с великого шёлкового пути. Грустинцы и серпоновцы ничего не копят: для проживу всего там достаёт. Мудрость, она в простоте живёт.

- А самоеды с собачьими башками? – сотник не унимался. – Не слышать у вас: пёсеголовые там живут? А псоглавые человеки, они же перед Страшным судом явятся. Да там и птицы-то на лету в камень замерзают. Воробья, сказывают, и того нету, потому зерно не родится. А русскому без хлеба не жить.

- Но древние люди пахоты не знали, городов не строили. Монголы учредили ямские станы с переменными конями, чтобы скакать дни и ночи без отдыха.

Видение мне было, уже дважды. Близ Вены стоит войско монгольское, к штурму готовится, и вдруг прискакал гонец: далеко, у границ страны Чань, умер главный каган. И скоро будет великий совет – на'большого из каганов выбрать. За два месяца каган Бату, внук Чингиса непобедимого, должен был проскакать семь тысяч стадий, дабы успеть на выборы верховного кагана. Сотни лучших коней загнал он до смерти.

...Только птицы сверху видят, как пересекает степь стрела монгольская из шести коней. Всякого встречного два гонца рубят саблями и приговаривают: «Ступай на небо, служи там великому хану». Молодой хан спал и ел в носилках между четырьмя конями. У ямского стана гонцы с ног валяются, а Бату в новые носилки залезает. Загнанных коней моголы на ямском стане съедают. День и

ночь на восток мчит стрела, только след по ковылю дымится, да коршуны летят следом.

И вот поднялся ночью сильный вихрь, и захрипели курганы, задудел ветер в норах сурочьих: - Конь с неба нам послан. Един воин с телом коня своего в бою, негоже коней поедать. Мы воины не хуже тебя, в походы ходили дальние, а коней больше всего чтили. Не будет тебе милости неба, не останется после вас курганов... И повернул Бату-каган обратно на Итиль-Волгу.

- Я гляжу, не монах ты, а бахарь. Князю ведомо учинилось про чертёж Закаменной земли. Где ты его спрягал?

- Не было того, не писал я чертежа, татар страшася. Нарисовал токмо на бересте одному русскому страннику, и тот унёс с собой.

- Тогда всё, конец разговорам. Не хошь нам отдать чертёж — князю отдашь. С ним не похитришь, там тебя борзо протрясут.

- Сему не мо... не мочно быти, - заикаться начал монах. - Рать татарскую навести на Русь хотите? Распрю учините, иноверные сабли придут! Меня там большой каган ждёт. В Орде оставил я книгу про неё же, про орду писана.

- Книгу, говоришь? Какое названье?

- Геста татарорум ет рутенорум. Про родословие каганов, про обычаи руссов. А вы здесь князю с каганом распрю строите. Каган велел прийти за книгой, хотел рассуждение иметь со мною, да я вот замешкался тут. Если узнает он, что меня задержали, помешали нашей встрече, плохие дела будут. Решит он, что ваш князь захотел поссорить царство немецкое с ордой, а за это казнить станет нещадно.

- Отцы-святители, что ты, бог с тобой!! Какая тебе ссора, в уме не держали. Да с нас князь и сам головы поснимает тогда, безо всякого татарского указу. Я токмо разузнать, чтоб всё толком, по порядку... Ну, коли так, ступай, а на обратном пути уж во Владимирь зайдёшь.

Дорогой Иоганка-монах то молился, то смеялся. Слукавить пришлось свободы ради. Хотелось первым из европейцев перевалить Каменный пояс земли. Ходил, правда, один из эллинов, поэт Аристей, в Гиперборею. Увидел края пречудные и поэму написал. А к сарматам не дошёл он. Увидеть бы народы, живущие как в годы первотворенья...

«Как горный снег, высоко над всеми землями возвышается Сибур, страна чистая. Воды прозрачны и леса чисты, и всюду свет там горний. Жизненной силы преисполнены там люди, равнодушны они к лести бренной» — вот ведь как говорят древние

свитки. Всякий, кто придёт, жить может там просто и чисто. Какие же распри и ложь какая могут быть в стране, коя даже у драчливых руссов именуется Лукоморьем? А в Европе слывет она как таинственная страна Сибур...

А если сгинуть там предстоит? Что ж, на всё воля Божья.

Что в имени твоём, Сибирь? Из какого языка слово, такое привычное и непонятное? С какой стороны пришло оно на Русь: с Востока или с Запада?

В языках монгольской группы Сибер — страна лесов. И в монгольском же *шибирь* — болото, чаща. «Сокровенное сказание монголов» говорит, что в год зайца (1207-й) Чингисхан подчинил лесные народы, в том числе племя шибир. В Бурятии сохранились местоназвания Хара-шибирь — чёрное болото и Улан-шибирь — красное болото. Известны историкам два правителя: Шибир-хан и Сибир-хан.

Древнейший письменный источник — китайские хроники. В них упоминаются воинственные кочевники сяньби, это ранние монголы. Племя сяньби кочевало по землям нынешней Монголии до появления гуннов. А ещё в древнекитайских хрониках упоминаются народы Сирби и Сирви. В состав Тюркского каганата входило племя сибир. В тюркских языках: Сиб-ийр (ер) — земля-вода или многоводная земля. Или, чуть иначе: сиб — «засыпай» и ир — «земля». Племя подземное? В Приуралье жили в древности угры, и, по легендам, они скрывались в земляные ямы, когда на них нападали тюрки из степей. Сколько народов, столько и версий.

Венгерский монах-паломник Иоганка искал родину своих предков в Приуралье. Он был на верном пути: венгерский язык из семьи уральских языков, ближайšie родственники — марийцы, мордва, ханты, манси. Историк Шафарик первым возвёл слово «Сибирь» к племени саби́ров, или сави́ров, которые подчинились гуннскому царю Аттиле. Сабирьы — народ угро-финнской группы, а угры заселяли Русскую равнину ещё до прихода славян. И преданья сибирских татар упоминают о народе сы́быр, но скорее всего тюрки не создали это слово, а взяли его готовым. Наиболее реальная версия: Сибирь — от названья народа: сипы́р, сабир-угры — древние насельники Поволжья и Приуралья.

В 14-м веке ал-Омари составил перечень владений Золотой орды и упомянул в нём улусы Ибир и Сибир. А немец Штильбергер, служивший в войске Тамерлана, упоминает о стране Биссибур-

Ибиссибур. В русских грамотах «сибирские земли» упоминаются с 15-го века: «Искер, где была старая Сибирь». Подразумеваются город, а не всё Зауралье. По преданиям хантов, в Приобье жил народ сыбыр (или сывыр), племя почти с таким же названием известно и по европейским хроникам раннего средневековья: сабиры были союзниками гуннов в походе на Запад.

Ещё когда на Руси не знали слова «Сибирь», известна была легенда о «языцах неизвестных в восточной стране». Земля эта невероятно богата «мягкой рухлядью» (пушшиной), и рыба в её реках невиданных размеров, но населяют ту землю нелюди: «А гость к ним приидет, и они дети свои закаляют на гостей да тем кормят...». Самодийцы превратились в самоедов (каннибалов), и всё же достоверные известия можно отличить: «Да есть у них таковы лекари. У которого человека внутри не здраво, и они брюхо режут да нутро вынимают и очищают, и паки заживляют». «Лекари», конечно, шаманы.

Землю эту новгородская летопись называет Югрой — от угорских племён. Отважный бросок дружины Ермака - разведка боем - стал началом русского владения в Сибири. А с распространением власти Московского государя до Тихого океана расширилось представление о Сибири. Сначала Сибирью называли один городок, потом — Прииртышье, потом это слово стало обозначать Северную Азию.

Ушли в легенду

Усуни, юэчжи, сяньби, сюнну, ди... что за племена такие? В Европе о них и не слышали. Как трудно переводить иероглифы в русское письмо. И как интересно заглянуть в ту древность, когда Руси ещё не было. Монах Иакинф вздохнул и обмакнул гусиное перо в фарфоровую чашицу.

Добился отправки в Китай, в православную миссию — обращать большой жёлтый народ в христиан. Монашій обет ради того принял. А попал сюда — заскучал. Хоть ты разбейся, не доходит проповедь до китайцев, тверды они в своих устоях. Успехи русской миссии в Поднебесной — нуль да и только. Зато начал читать китайские летописи. И канул в них, от стола не оторваться. Ух какие залежи открылись в столбцах иероглифов!

Историей увлёкся отец Иакинф, в миру Никита Бичурин, ещё в духовном училище. А здесь почти забросил то, ради чего ехал сюда. Среди других племён упомянут в древних хрониках народ динлин: «жители вообще рослы, с рыжими волосами, с румяным лицом и голубыми глазами». На юге их называли ди, а на севере динлин. Племя ди китайцы не считали пришлым. Земля его южнее Гоби, а язык китайцы назвали птичьим.

Бесконечные войны вёл народ этот, чуть ли не со времён потопа. Но в 2600 году до Рождества Христова «рыжеволосые дьяволы» потерпели поражение и ушли сквозь Гоби, исчезли. Облегченье южным городам, сотни лет воевавшим с динлинами. А не тут-то было, в 1200 году до нашей эры, «рыжеволосые дьяволы» одержали победу. Саянское нагорье китайцы называют с той поры Динлин. Здесь ди воевали с хягасами, разбили их и властвовали, пока их самих не подчинили сюнну. И вновь известие о них: в 98 году до нашей эры, когда уже хунны терпели поражение, шаньюй (вождь их) Хулагу призвал рыжих, длиннолицых воинов из-за гор. «К нему явились динлины — рыжебородые великаны в деревянных

доспехах с оружием крайне острым». Динлины шли в авангарде победоносного войска, а после разгрома хунну «Ши Минь издал повеление предать смерти до единого хунна в государстве, и при сём убийстве погибло множество китайцев с возвышенными носами». А откуда взялись коренные ханьцы «с возвышенными носами», китайские хроники не сообщили. Понятно, динлины смешались с ними за тысячи лет.

Бичурин счёл их европейцами и приписал к «поколениям скифов». Позднее археологи нашли плиточные могилы, а в них — погребальные маски динлинов. Ни на китайцев, ни на монголов нет и намёка. Китайцы считали ди родственниками усуней (исседонов, ответвления скифов). Когда появились казаки на Амуре, грамотные китайцы приняли их за усуней, ушедших когда-то на дальний Север. Храбрейшие воины из племён ди татуировали правую руку. Такой обычай был и у скифских воинов. Куда же подевались эти «длинноголовые, рыжебородые великаны»? Исчезли, перебиты бесследно? Нет, ещё и в X веке в войске киданей было «белокурое племя, шедшее всегда в авангарде». В рыжебородых батырах рода Борджигин (из которого Чингисхан) также видели потомков динлинов.

Всё глубже, век за веком, погружался в древность Азии Никита Яковлевич Бичурин — монах Иакинф всё больше остывал к делам миссионерским. И его наказали: отозвали в Петербург и сослали в монастырь на острове Валаам, на Север. Но и там, в тесной келье, размышлял он о китайцах, гуннах и ранних монголах — сяньби и жужанях. Академия наук признала в нём первого русского китаевода, и он стал её членом-корреспондентом.

...О динлинах вспомнили, когда столкнулись с айнами — с коренным населением Японских островов и Сахалина. Японцам айны не родственны, а похожи на австралийцев и, отчасти, на индейцев. Бороды лопатой, головы курчавы, на руках и ногах волосы, чего нет у китайцев и монголов. Когда-то айны жили в низовьях Амура, на Курильских островах и на Камчатке и, видимо, в Приполярье. Там, в районе Бодайбо, найден в древних отложениях череп женщины не монголоидного типа.

Родство этой жительницы Северо-Востока с островными народами — айнами, нивхами и алеутами — несомненно. А это промежуточная раса, палеоазиаты. Есть подозрение, что от этого корня отпочковались американоиды (их называли индейцами). Не похожи они только бородами.

Сто лет не прошло, и новые историки столкнулись с загадочными народами на азиатском Севере. Из легенд и сказаний всплыло имя одного из них: сихиртя. Не меньше загадок и в преданьях о курумчинских кузнецах. У нескольких народов Сибири добыча руды и кузнечное дело связано с шаманством: для удачнойковки железа проси благословения у духов гор и лесов.

В середине 18 века путешествовал по тундре географ Лепёхин, ученик Ломоносова. Он первым расскаал о загадочных сихиртя: «Вся Самоядская земля в нынешней Мезенской округе наполнена запустевшими жилищами некоего древнего народа... Русские называют сии домовища чудскими жилищами. Сии запустевшие жилища, по мнению самоедов, принадлежат некоторым невидимкам, собственно называемым по-самоядски сирте»; «У самоедов и других северных народов существуют предания о живущих под землёй людях. Самоеды называют их Сиртье и говорят, что это народ, занимавший их страну раньше их и который после их прихода ушёл в землю и живёт ещё там». Не начало ли легенды о подземных городах?

Послушаем самих ненцев: «В давние годы мои соплеменники находили возле обрывов или осыпавшихся курганов черепки красивой глиняной посуды, бронзовые женские украшения и прочие расписные бытовые изделия». Ненцы означает «настоящие люди», хоть и не высоки они. А сихиртя — люди очень низкого роста, с «белыми глазами». И пришли на Ямал они из-за моря, оленей не разводили, только охотились на них, но были кузнецами. Есть преданья о долгих войнах ненцев и сихиртя: хитрый народец нападал ночами, а днём скрывался под землю.

О, какие увлекательные легенды записаны там! «Ехал ненец по тундре и вдруг видит двух людей. Они играли около обрыва. Как только увидели человека с оленями, сразу скрылись — как будто

под землю. Ненец постоял и увидел на месте, где они играли, мешочек, украшенный разноцветными камнями. Он взял его, а сам спрятался неподалёку. Через некоторое время появились незнакомцы, стали искать свой мешочек. Когда оленивод вышел из засады, они снова скрылись, а он мешочек положил на место и спрятался. Неизвестные снова появились, взяли мешочек и исчезли. Больше не появлялись. Ненец понял, что это были сихщтя». Ростом малы, а лицом красивы, из нор своих выходят только ночью.

Преданья тундровых «самоедов» (ненцев и нганасан) повествуют о людях начальных веков. Оттуда пришли имена родов, названья озёр и рек. Вот Сихиртя яха — река, рыбой обильная, а никто не живёт на ней, только брошенные землянки провалились. Ходят здесь сказанья о встрече с народом, обитающим под землёй. Назвали этих людей сихирц — исчезающий, чуждающийся: увидит незнакомца — шмыг под землю. В нору прячущиеся — так называли их ненцы, а как сами себя называли они, не записано.

А сказанья Западной Сибири говорят о чуде белоглазой: «Как выросла белая берёза в урмане, так и пришёл белый царь и завоевал весь край. Не захотела Чудь белому царю поклониться, под землю ушла тайными пещерами. И захоронилась камнем. Время придёт — ещё возвернётся». Чем это напугала их белая берёза? А вот чем. В нетронутой тайге берёза не расгёт, березняк разрастается после лесоповала. А коренные жители тайги живое дерево не валили, в отличие от русских. Вот почему в Сибири называли берёзу «русским деревом».

Для славян она оберегающее древо, родное и милое, о ней пели колыбельные и любовные песни. Чудь же увидела в ней знак зловещий: придёт белый царь и завоюет наш край...

Так не чудь ли жила на крайнем Севере в безвестные времена? Свои норы-пещеры они делали под сопками. А в уральских сказах это пути чудских рудознатцев. Так и ушли нивесть куда и умением своим ни с кем не поделились. А как ушли, какими дорогами, о том свои сказанья. Живёт под горами чудный зверь мамонт-щука, роет широкие

норы и трясёт землю. Вот он-то и создал подземные ходы для племён ночи.

«Есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клич великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из неё; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, то взамен дают меха...» Это Нестор-летописец передаёт рассказ новгородца Гюряты (11-й век). Из устных сказаний чудь переселилась в летопись. Ушла Чудь в мир мамонта, но объявится на свет по скончании века сего.

«А как сибирстии грады нарицалися, се неведомо и ни от кого же не испытано, понеже бо прежде живяше по всей Сибирской земле чудь», - так говорит летопись о сибирских древностях. Мамонт-щука – образ этот родом из хантыйских мифов. Зверюга эта боится солнышка, обитает в нижнем мире, на страх нам трясёт землю. Но там, в щучье-мамонтовых прокопах, люди живут. Есть в хантыйских легендах сведения и о подземных крепостях. Слово «Нарым» (нэрэм – болото) в легенде стало именем жестокого властелина.

«- Где Нарым? - спросил Ермак у Тумадана. Не видать Нарыма. Никакой приметы жилья нет. Хитёр старший брат. Вышли казаки на берег. Прошлись по самому яру.

- Ухом слушай, глаза закрой, - сказал Тумадан. Прислушался Ермак: бубенчики какие-то побрякивают, а где - не понять. А это, пояснил Тумадан, жена самого Нарыма шла под землёй, монистом, дорогими украшениями позванивала. Ермак догадался: где бубенчики или монеты перестанут звякать - значит, вернулась она к мужу. Там Нарым и находится. Стихло под землёй. Ермак подал знак пушкарю: сюда, мол, ударь. Сделал тот из земли дым, взмыл вверх столб песка и глины. Пропал Нарым - старший брат...

Ермак спросил: - Почему в земле живёте? Разве солнце не любите?

- Любим очень, да Нарымовы мы люди были.

- Живите под солнцем. Никто вас не тронет».

Даже до Европы дошла легенда о подземных сибирских городах. Названия их – Грустина и Серпонов: «От устьев реки Иртыша до крепости Грустины два месяца пути, отсюда до Китайского озера по реке Оби, которая, как я сказал, имеет в этом озере свои истоки, более чем три месяца пути. От этого озера приходят в весьма

большом количестве чёрные люди, не владеющие общепонятной речью, и приносят с собой разнообразные товары, прежде всего жемчуга и драгоценные камни, которые покупают народы грустинцы и серпоновцы». Это «Записки о Московии» австрийского посла Герберштейна (первая половина 14 века). Сомнения нет: образ подземного города возник в Сибири. Загадочные сихиртя северных преданий слились с чудью русских легенд. А может быть, они одного корня?

Из тьмы времён всплыло ещё одно племенное имя: курумчинские кузнецы. Василий Радлов, российский тюрколог, нашёл его на каменных стелах — «курыкане». Среди плакавших» народов (покорённых тюрками) были «уч-курыкан». То есть «три курыкана», три племени курыкан. В китайских летописях они именуются «гулигань». На Байкал они пришли с Саян, найдены их святилища.

Культуру «курумчинских кузнецов» описал археолог Окладников. «Кузнецами», говорит он, названы курыканы, упомянутые в тюркских надписях раннего средневековья. А потомки курыкан, печенеги, прошли через Русь на Днестр.

Белые пятна и тёмные места сибирской истории. Не мало их за Уралом. Были здесь, оказывается, народы промежуточной расы: не монголоиды и не европейцы. По-видимому, динлины — особый расовый подтип.

В предгорьях Тянь-Шаня китайцы нашли очень древние мумии людей, не принадлежавших к жёлтой расе. Вот так сюрприз: чуть не в центре Поднебесной империи захоронения европейцев!? Сенсация подтвердилась, когда нашли ещё сотни таких же мумий. Лица продолговатые, волосы чаще всего рыжие, есть и русые, носы острые. Ну, никак не монголоиды. Скифы или сарматы? Радиоуглеродный анализ позднее дал сногшибательную цифру: костям этим больше десяти тысяч лет! Южносибирская малая раса, следы её изучают теперь и генетики. А кто потомки? Палеоазиаты с побережья Тихого океана да ещё индейцы.

1122 год до нашей эры был для ди драматичным: они владели значительной частью Китая и вдруг проиграли битву. Но не исчезли, через тысячу лет, в 206 году до нашей эры, они помогли основать династию Хань. После этого были авангардом войска хуннов в трёхсотлетней войне с Китаем. А чего стоит известие об истреблении во всей Поднебесной «людей с возвышенными

носами»! Это же гражданская война древности. Ведь «остроносые» поселились там десять тысяч лет назад. А то и больше.

В конце 19-го века, в 1899 году, Григорий Грум-Гржимайло, историк и путешественник, издал книгу «Почему китайцы рисуют демонов рыжеволосыми? (К вопросу о народах белокурой расы в Средней Азии)». Он напомнил европейцам: «Китайцы в своих летописях добросовестно признают, что не являются автохтонами в тех местностях, которые по обыкновению связываются с традиционной китайской культурой... Среди всех племён китайцы особенно выделяли многочисленное рыжеволосое племя “ди”». А что означает иероглиф ди? — «огненная собака».

Европейцы сочли баснословием сведения китайских летописей. Белая раса в местах обитания коренных монголоидов? А после нашли археологические памятники динлинов — плиточные могилы в верховьях Енисея и в Прибайкалье. Заговорили об особой Гобийской цивилизации. Стали спорить: динлины и ди — один народ или разные. А вот откуда пришёл этот народ, — этого китайцы не знали. Их летописи упоминают народ бома в Саяно-Алтае: «Они... пахут лошадьми; все их лошади пегие, откуда и название страны (Бома — пегая лошадь)... Дома строят из дерева». Бома — европеоиды, их сочли потомками динлинов.

Наука 20-го века удивила открытием: у ископаемых кроманьонцев Европы есть сходство с австралийцами. Значит, есть общие предки. Индейцы и австралийцы ближе к белой расе, чем к монголоидам, но что-то в них указывает на Африку. Люди промежуточной расы двигались вдоль берега океана и обогнули азиатский материк с юга и востока. Более тридцати тысяч лет назад человек современного типа появился в южной Сибири. На Алтае есть и более древние стоянки, но там жили неандертальцы.

Своей статьёй «Белокурая раса в Средней Азии» Грум-Гржимайло возбудил спор надолго: «Раскопки могил в пределах алтайско-саянского нагорья указывают нам на эту горную область как на продолжительную стоянку длинноголовых». Он отнёс их «к высшей расе, может быть, даже европейской». А доказательство? — форма черепов и, главное, «гипсовые маски, из коих некоторые отличаются замечательной красотой и чертами лица вполне европейскими». Выходит, ещё до прихода скифов в саяно-алтайском нагорье жили европейцы? Нет, скорее всего, эти «рыжие демоны» старше европейцев.

Лев Гумилёв писал о них: «Появление динлинских племён на севере Гобийской пустыни связывается с проигрышем динлинами тысячелетней войны с китайцами. Племена ди зафиксированы в Китае в III тысячелетии до н. э. как аборигены». Когда тюрки наводнили Саяно-алтайское нагорье, динлины растворились в них и вошли в гвардию Уйгурского каганата. Дальнейшие события проследил Грум-Гржимайло: «В 10-м веке среди киданей жило ещё белокурое племя, шедшее всегда в авангарде их победоносных полчищ...» Кидани (китаи), завоеватели Китая, оставили в истории название этой страны, давно забытое самими ханьцами.

К нам на Русь вести о Китае принесли монголо-татары, и только мы употребляем слово китайцы. Наконец динлинский элемент виден в завоевателях северного Китая — манчжурах. До этого, до оттеснения динлинов на север, манчжуры боевитостью не отличались, вели неприметную жизнь охотников и скотоводов. Очевидно, динлинские гены отложились и в кетах: самоназвание этого народа — ди. Ещё в 19-м веке среди «енисейских остяков» встречались рыжебородые. Когда-то они подчинили земли Западной и Восточной Сибири и оставили здесь названья рек и гор. Например, Томь, Тым, Терсь...

Здесь начинаются трудные вопросы. Почему китайцы отождествляли кетов с ди? Споров было много, одно ясно: древнейшим культурным народом в центральной Азии, наряду с китайцами, были динлины. В глухой древности сюда пришли племена, осколки которых — айны на Японских островах и нивхи на Сахалине. Особенно интересны айны: в них обнаружено сходство с коренным населением Австралии. А там люди появились раньше, чем заселена была Америка.

Можно только гадать, к какой семье относился «птичий» язык динлинов. В Алтайско-саянском нагорье выявлены три археологические культуры: афанасьевская (конец каменного века), андроновская (ранняя бронза) и карасукская (1200 – 700 год до нашей эры). «Возвышенные носы» — не скифы, расовая основа их более древняя. И этой промежуточной расе пока ведь даже названия не дано. Но большие успехи сделали в последнее время генетики: теперь можно установить, есть ли в тебе динлинская кровь. На десятки тысяч лет просматриваются теперь пути народов.

Может быть, динлины — ответвление той промежуточной расы, которая дала австралийцев, палеоазиатов и индейцев? Интересен вывод Льва Гумилёва: «Прямой связи с европейцами динлины не

имели, являясь ветвью, отклонившейся ещё в палеолите». То есть до ариев, которых в палеолите ещё нет. На азиатском юге в нижнем каменном веке жил синантроп. Его потомки — люди жёлтой расы. И только через десятки тысячелетий пришли сюда люди европейского типа.

Легенды преподнесли ещё одну загадку: подземный город. Предания хантов, манси и селькупов говорят о жизни их предков под землёй. Откуда самоназвание селькупов — чумыль-куп? «Земляной человек». В сказании о Сибири говорится: «Вверх тояж реки великия Оби есть люди, ходят по-под землю иною рекою день да ночь с огни». Горожане живут под землёй. Образ этот рождён сибирской историей: известны карамо — подземные жилища селькупов и ненцев. Вход делали от реки, втаскивали долблёнки внутрь укывища и загораживали лаз кустарником. Но лишь уход древней чуди под землю связали с концом истории.

А кто такие курумчинские кузнецы? Курумчинскую культуру вытеснили северные монголы, предки бурят. Под угрозой уничтожения прибайкальские тюрки (канглы) ушли на север и потеснили тунгусов и палеоазиатов. И вот что любопытно: северные канглы называли себя саками. Это память о скифах, которых персы так называли — саки. Не отсюда ли самоназвание якутов: Саха? Ведь слово «якут» русские получили от тунгусов. На вопрос, какой народ живёт дальше, тунгусы ответили: «Яка». Это искажённое Сака. И осталось в русских документах: якоты, якуты.

Может быть, юкагирский язык — последнее эхо палеосибирского языка. Сказки, близкие к юкагирским, известны в Предполагают: семь тысяч лет назад предки юкагиров жили на Урале, в Прибайкалье и на Саянах. Предки юкагиров пришли в эти земли за тысячи лет до того, как здесь появились тунгусы, а затем и якуты — самые северные тюрки.

Таёжный мир

И снега глубоки, и морозы люты. Пока ветра нет, тишина царит, день за днём тишина... Но вот бубен зарокотал, и тайга вслушивается. К кому он взывает, о чём рассказывает? К духам, к хозяевам тайги и реки летит его рокот. Без их согласия на охоту не ходи – пропадёшь. Тайга своих узнаёт, а к чужим не ласкова. Если гость станет грибы варить, - чужой он, не в тайге жили его предки. Небо-кедр-человек-гриб – каждый знай своё место.

Удивляются пришельцы: в тайге, мол, живёте, а грибы не едите! Невдомёк им, что гриб – тоже человек, только сильно уменьшенный. И голова, и туловище, и ноги-корни – всё есть. Значит, духи тайги наказали его когда-то. А если это предок твой дальний, а?! Для чего вывешивают обрезки грибов у входа в жилище? – как приглашение предков: входите, здесь внуки ваши. Мухомор, он лучше всех колыбель охраняет.

Кто закона тайги не знает, живёт недолго. Небо бездонно, с земли к нему тянется кедр, человек мал перед кедром, а перед ним самим мал гриб. Но связан он с большой тайной – с нижним миром. Мухомор – из всех грибов главный: шаману даёт священное безумие. Если шаман лизнёт мухомор с семью пятнышками, ему откроется самое-самое тайное. Олень-бубен и панк-мухомор – первые средства шамана. Ну и, конечно, духи-помощники. У каждого шамана они свои.

Центр семейных обычаев – поклонение очагу, культ рода. Какая совесть у таёжника? Стыд-страх перед предками: они же всегда рядом, всё знают, всё видят. Они заповедали обычаи, преступить которые – хуже смерти. Не руби живое дерево без крайней нужды. А если уж очень надо, попроси у него прощенья, пообещай ему возрожденье, воткни в пень веточку, и душа погубленного тобою оживёт. Помни: души предков вселяются в деревья. Не перегораживай реку наглухо, дай пройти рыбе молодой – предки знают счёт ей. Не строй жильё у водопоя, дай лосям и диким козам

напиться, это скот умерших. Не стреляй птиц в пору гнездованья — гнёзда их души предков согревают. Не охоться долго на одном месте, дай поголовью лесному восстановиться.

Украшение тайги — кедр, диво сибирское. Хороши по-своему и ель, и пихта, но только кедр — дерево богов сибирских, есть о нём и шаманские заклинанья, и священные сказанья... К реке таёжник привязан сильно. Из кожи крупных рыб — штаны и куртки. И в воде они удобны, и под дождём. Летом годятся здесь чумы, покрытые берестой, а зимой — углублённые в землю чумы-шалашаши.

В верхнем мире обитают главные боги Нуми-Торум, или просто Нум, в среднем мире живут звери и люди; в нижнем мире бог мрака Куль-отыр, у самоедов — Нга. На своём бубне-олене шаман отправляется, чтоб отогнать повальную болезнь, разрушить злые чары. Боги Нум и Нга судят человека после его смерти. Верховному богу Нуму жертвовали священного оленя — совершенно белого. Его никогда не запрягают. Нга, божество мрака, нижним миром правит. У него свои духи-посыльные, они выходят на землю за душами людскими. И с ними справится не всякий шаман, а только тот, у кого сильные звери-помощники и неутомимый бубен-олень.

Легче общаться с хозяином одной горы, одной реки или болота. Это духи не гордые, людям часто помогают. Не вымолит шаман удачу роду-племени, если не слетает в верхний мир. А в нижний мир спускается он реже: там ведь всегда ночь полярная. Зачем в нижний мир? — чтобы злой Куль-Отыр или Нга отпустили рано похищенную душу. А если разгневаешь его — там и останешься и солнца больше не увидишь. Но река времён, Обь великая, хоть и уходит в Море мрака, возвращается с юга. И души умерших, пройдя нижний мир, возрождаются детьми.

Хозяева тайги любят дары: ленточки из сукна, монеты, хотя бы медные, но лучше серебряные. Путник, задержись в тайге около культового места и принеси жертву. Если оскорбишь родовых духов, не жди добра. Предок-зверь в борьбе за женщину победил чудищ и положил начало роду-племени. Он твёрдо указал, с какими ответвлениями рода можно вступать в брак — об этом есть сказанья. Парни рода Пор (потомки медведя) могут жениться на девушках рода Мось (потомки гусыни), но внутри своего рода — никогда: отринет их медведь-предок.

А пришёл он с небес, он сын Неба. Он герой особых Медвежьих праздников. Перед убитым медведем клянутся, исповедуются: «Если я своровал, если изменил жене, поймай меня в лесу, дедушка,

и разорви». А когда охотятся на него, тут бывает священный обман возле берлоги: «Не тунгус пришёл к тебе, а якут заблудший. Помаленьку вылезай уже, отец». А потом скажи, сплонув в сторону: «Это не мы тебя убили, это всё русские». Никакой охотник не пойдёт в тайгу без заклинаний, там он сам себе шаманит. Ну а девушки, те заняты любовной магией, знают присушки. Иначе кто ж её замуж возьмёт?!

Удачливы охотники, которых полюбила Хозяйка тайги. Если у кого-то чум завален всякой дичью, такому завидовали: значит, сплобился с хозяйкой горы или хотя бы болота. Но если изменит он ей — ох и жестоко же будет наказание! Тут уж и шаман не поможет, ревнивые женщины пощады не знают. Рождение детей — тут властвуют женские божества. К ним моления матерей: Калтась-эква и Торум-анки, помогите в делах семейных. А ещё есть злые менквы, духи-людоеды, злобные слуги бога нижнего мира Куль-отыра. Но и к ним обращались при нашествии врага: заманивали его в дебри и ласково обращались к менквам.

На всей ли земле тайга, есть ли иные земли, - это знают только шаманы. Всё они знают и всё умеют. Знают, как мир начинался и скоро ли кончится. Знают, за что верхний бон напускает повальные болезни и как оборониться от злобных духов. Посвящение в шаманы — большое событие в жизни стойбища. Сам, по своему желанью, человек стать шаманом не может, его избирают духи. Русские первопроходцы уже забыли

своих кудесников и дивились на шаманов. От Югры приуральской до Камчатки — всюду шаманы были важными людьми в селеньях.

Велико море таёжное, в ширину — полторы-две тысячи вёрст, а в длину на пять стран хватит. Ледник наступал — тайга на юг откатывалась, отступал он, и леса устремлялись на север. Раскопки на Алтае ошеломили: человек появился здесь раньше 200 тысяч лет

назад!! Тут сразу вам насмешки западных историков: в снежной тайге-то, при таких морозах?! Отвечают климатологи: На момент заселения человеком Алтая там были такие же условия, как на Кавказе. Не хвойные дебри, а широколиственный лес: платаны, каштаны, ясень. И звери водились не нынешние — мамонты и шерстистые носороги, а в подстепье дикие лошади. Из уцелевших видов — лоси, олени, медведи.

Питекантропы, наверняка, не имеют сейчас потомков в Сибири: не могли они выжить здесь с похолоданием. А ледниковых периодов было несколько. Стоянка Карамы на Алтае отстоит от нас на 600 тысяч лет, это нижний каменный век, межледниковье. Хвойная тайга отступила на север, разрослись лиственные леса, а в них богатая живность. Коллективная охота — главный источник пищи, рыболовство, собирание ягод и корней — дополнительный. Более поздний предчеловек охотился на Улалинке, а дальше эти места заселил неандерталец, охотник на носорогов, оленей и лошадей. В Денисовой пещере (170—150 тысяч лет назад) проживал особый подвид человек, по-видимому, переход от неандертальцев к кроманьонцам. Его и назвали денисовским. Тоже вымерший тип человека.

40 - 45 тысяч лет назад — верхний палеолит — мир начал завоёвывать человек современного типа. Стоянки Мальта и Буреть в Приангарье (24 - 25 тысяч лет им) — следы жизни сибирского кроманьонца. По генам он точно тот же, что жил во Франции и Испании. Здесь уже бросается в глаза искусство: женские статуэтки из бивня мамонта, фигурки птиц и даже замысловатые орнаменты. Через Сибирь люди этой поры прошли в Америку. Это грань мезолита и неолита: камень научились сверлить и шлифовать. Изобретены лук и стрелы, сети для рыболовства, приручены животные. Тут и проблески оседлой жизни. Первая культурная революция! Неолит дал разнообразие племён-протонародов. Выделилась восточно-уральская культура (самодийская, лесная) и лесостепная верхнеобская — древние угры.

Неолит Прибайкалья — это китойская культура, от нас отстоит она на семь-восемь тысяч лет. А на северо-востоке ещё пережитки мезолита: нет глиняной посуды и каменные топоры очень простые. Неравномерно шло развитие племён. А в Приамурье в ту пору уже начиналось земледелие. Доказательство — каменные мотыги и зернотёрки.

С Урала пришли самодийцы и угры, а с юга, от Амура, тунгусы. Потом, много позже, — тюрки и монголы. Индоевропейские и уральские языки ближе друг другу по происхождению, чем тюрко-монгольские и тунгусо-манчжурские. По-видимому, юкагиры — потомки урало-сибирского населения мезолита, среднего каменного века. Это реликтовое племя, в нём есть и слабые признаки европеоидности, каких нет, скажем, у бурят и у якутов. Культура племён таёжной полосы, совершенно неповторимая, идеально приспособлена к жизни в хвойном лесу. А выжить века в тайге могли только народы, в тайге и сформировавшиеся.

В Томской области найдены поселения самусьской культуры: переход от камня к бронзе. Основа населения — самодийцы. Потомки — ненцы и селькупы — сместились на север под давлением степняков. Раскопки говорят о длительном взаимодействии самодийских племён южной Сибири с ираноязычными скифами и сарматами. Глиняные сосуды сделаны без гончарного круга, способом выдавливания изнутри.

В среднем Приобье выделяется Большереченская культура. Это ранняя оседлость, переход от степного быта к таёжному. Время её расцвета — от семи до двух тысяч лет назад. Очень хорошее бронзовое литьё: боевые топоры, наконечники копий, стрел и... первые мотыги. Искусствоковки порой не уступает скифскому: степные кочевники заставляли состязаться в нём. На отшлифованном роге лося фигура не то воина, не то охотника. Правда, изображенья человека редки: основа культа охотников — поклонение зверям, древнейший пласт шаманских ритуалов. Обычай сожжения трупов — это, по-видимому, влияние более развитой Таштыкской культуры. Значит, были контакты с племенами Енисея.

Итак, в обском подстепье, на окраинах тайги найдены культуры ранней бронзы: Ирменская, Глазковская и Самусьская. Потомки этого населения — ханты и манси. Жилища все похожи — полуземлянки, а захоронения — невысокие курганы. Следы их поселений — от среднего течения Оби до Сургута.

Найдены малые городища, могильники и культовые клады — жертвенники. Есть даже деревянные бастиионы, остатки оборонительных сооружений. Это первый век до нашей эры, время формирования кочевой державы хунну. Южные городища больше всего говорят о влиянии культуры степняков.

Особо замечательна кулайская культура. Около десяти веков процветала она на томском севере. Название Кулайка выводят из селькупского: Гора предков. Это классическая культура таёжной полосы эпохи бронзы и раннего железа. Основа хозяйства — скотоводство, охота и рыбалка, появилось и мотыжное земледелие. В Кулайке местные крестьяне наткнулись на бронзовые котлы и серебряные изделия. Ими пользовались около тысячи лет — от пятого века до нашей эры до четвёртого века новой эры. В кургане много бронзовых и железных изделий, больше всего наконечников стрел. Мужчин-рыбаков хоронили с гарпунами. Могильники кулайские — удлинённые курганы. Это коллективные погребения, и они говорят, что у кулайцев в зачатке было классовое расслоение. Из семидесяти могил одна-две — на особицу, богаче других. Это могилы шамана и племенного вождя. Все умершие погребены на спине, головой на восток. Следы поминальных тризн редки, но они всё же есть.

Жилища — полуземлянки с очагом в центре, вокруг которого аккуратно выложены черепа медведей, лосей, оленей. В числе животных и собаки, они охраняют от опасных зверей. В стороне от очага — ямы с костями, с осколками горшков. Это бытовые отходы, никаких следов священнодействия нет. И, конечно же, больше всего рыбьих костей, они по всему полу и кучками по углам. Ясно, чем питались кулайцы.

Поселения кулайского типа найдены и в Кемеровской области, и на Алтае, и в Прииртышье. На рубеже тысячелетий, вероятно, из-за похолодания, часть племени ушла на юг, где и растворилась в эпоху великого переселения народов.

Около трёх тысяч лет назад Васюганье заселили кочевники-коневоды европейского типа. Это кетоязычное племя — ответвление Андроновской культуры. В Сибирь их предки пришли из Закавказья около пяти тысяч лет назад. Удивительно — почему эти скотоводы подстепья остановились в краю болот и сырой тайги? Значит, в ту пору болот там почти не было, преобладали луга и поляны. Разрастание болот и заставило их, пумпоколов, уйти из тех мест. Часть их растворилась в местном населении, у хантов есть кетские заимствования, явно чуждые

языкам угро-финской группы.

В своё время кеты широко расселились по Сибири, оставили названия рек, гор и озёр. Например, Томь (Тоом), Тым, Терсь и другие. Плавеньё и ковку железа на север принесли, по-видимому, они, кеты, несколько веков господствовавшие в лесостепной полосе.

Далёкие кочевья совершали тунгусы — насельники восточносибирской тайги. От Оби до побережья Тихого океана оставили они названия мест. Шаманизм их признан классическим: обряды сопровождалась рассказами о сотворении земли и солнца, человека и животных. Землю достали со дна моря две птицы. Это говорит о приморском происхождении этих племён: на Север пришли они из-за Амура. Мир у них делится на верхний и нижний, духи — на добрых и злых.

В тундре расселены самодийцы и палеоазиаты, таёжный простор освоили угры и тунгусы, а степи — тюрко-монголы. А в лесотундре выживает только одно травоядное животное — олень, там он источник питания и транспортное средство. Якутам, степным тюркам по происхождению, пришлось усвоить оленеводство, когда их вытеснили из Прибайкалья буряты. Если конь позволил обжить степи, то тайгу человек покорил благодаря оленю.

Пешие охотники и рыболовы, таёжные охотники на оленях и собаках, оседлые рыболовы в низовьях больших рек, и совсем особый стиль жизни у охотников на крупного морского зверя. Они дали особые типы хозяйства: таёжное, лесотундровое и лесостепное.

Один к ста — таково было соотношение русского и коренного населения на грани 16 и 17-го веков. А на грани 18 и 19-го веков — уже четверо русских на одного аборигена. А в двадцатом веке — абориген почти так же редок среди русских, как когда-то казаки в неоглядном «закаменном» крае. «Огненный бой» русских отрядов был потрясением для таёжных охотников, одно за другим племена подчинялись объясачиванью. Но был и товарообмен: «купец обманывает камчадалов, а камчадалы воображают, что купца обманули». Ханты дивились «глупости» русских, отдававших топор за три-четыре собольих шкурки.

Завоевательный период был сравнительно недолгим, почти сразу началась хозяйственная колонизация. Необратимое изменение Сибири дала пашня: крестьянская тележная колонизация победила, похоронила кочевое скотоводство, ненужными стали и охотничьи луки.

Далёкое кочевье

Властелин степей, бывалый воин, говорил с холма всему народу, солнце заклинал он в день великий:

«Всадников бесстрашных солнце любит. Кто боится смерти, тот покорствуй. Вот теперь стою я на вершине. Всех степей народы подо мною, все мечам и стрелам покорились, чтят закон наш, все страшатся Неба. День большого солнца — главный праздник, праздник памяти о первородстве, когда с неба к нам дары упали: знак для войска — боевой топорик, для жрецов знак — золотая чаша, а покорным знак — ярмо с телегой».

Взмах меча — благословил вождь на перекочёвку...

Ветер несёт запах полыни и чабреца, млеет под солнцем ковыль, и колышется горизонт — так дышит степная воля. Манит даль, и нет её милее для кочевника. Щёлкнет кнут, нежно вздохнёт трава под копытами, и торжественно двинутся обозы с юртами в сторону солнца. Впереди свист удальцов-наездников. Лавой растекается стадо по долине, а за ним кибитки — старики, женщины и дети на повозках. Мужчины все в сёдлах. Радость сезонного переезда от реки к реке или с гор в долины — выше она всех радостей. А есть что удобнее юрты?..

Необозрим простор степной, земля кочевий от Карпат идёт до Китая. И на всей великой степи цепью встали курганы. Много столетий молчали они, а когда заговорили, поразили далёких потомков их сокровенные вести. Как будто со дна колодца зазвучали голоса титанов. Но кочевые империи неустойчивы, их на века переживают роды и фратрии, помнящие свои корни.

Что в степи важно? Ловкость и выносливость, верность и отвага. Противен кочевнику город — мир неволи. Зачем это добровольное рабство, когда можно скакать по ковылю, по холмам, ночевать у костра, охотиться в перелесках? Всё важное на виду: охота, война и стада травоядных. А ещё посвящение в воины и клятвенное братанье. А ещё львы и хищные птицы, терзающие коней. А ещё

грифоны — грозные птице-львы, защитники и мстители. Фигуры их выкалывали на груди и спине при воинском посвящении: грифоны — священные обереги скифов. Только им, грифонам, есть вход во все три мира. Обычное их местообитание — нижний мир, они охраняют могилы предков. И горе тому, кто осквернит курган, растерзают его крылатые львы. В нашем, среднем, мире грифоны появляются после битвы, чтобы унести душу

погибшего к солнцу, в верхний мир. А знак души — олень.

Грифон несёт голову оленя — это картина переселения души к предкам. Тут сокровенная тайна имени народа: саки — это самоназвание ранних степных кочевников. Исток племени — род оленя, в нём все олени дети и внуки. Кочуют верхом на конях, но на войне головы боевых коней украшены орнаментальными оленьими рогами. Олений камень на холме — надгробие воина. А рисунки на кошме, золотые статуэтки и серебряные кувшины — на них тоже олени.

Семь богов на небе. Всем вместе воздаётся хвала им во все праздники, а больше всего в День большого солнца. И только богу войны отдельное почитанье и праздник особый. Знак его — меч, поставленный на куче хвороста. Каждого сотого пленника убивают и кровью меч обагрят, а потом поджигают хворост — в знак очищенья.

Кто не может воевать, тот презираем, не допускают его на общее собрание. Саки — это народ-войско. И преданья их — о прежних походах, о том, как геройствовали деды. Каждый мальчишка хочет стать великим воином и бросить к ногам царя двадцать вражеских голов.

Перед боем надо задобрить богов, каждый воин клянётся очагом и тенью предка. А самая крепкая клятва — царским очагом. За ложную клятву полагается казнь. Об этом шло по степи особое сказанье.

...В День большого солнца, в главный праздник, на Оби, реке великой скифской, племена на праздник собирались. В красных свитках сколоты гарцуют, это всадники дружины царской; с гор лесных спустились исседоны, притащились с запада меоты; шли к

царю с дарами кумандинцы и сабиры на оленных нартах. Будет ночь костров, пир меж огнями и неслыханные жертвы небу...

Но такова уж воля солнца — умер на охоте царь, старый воин, отец великого семейства, непобедимый в боях и в совете мудрый. Самая верная наложница пошла за ним в землю, и самые верные слуги жить без него (так говорят) не пожелали.

Тело царя возили по горам и перелескам, и в знак великого горя воины раздирали себе лица, протыкали стрелами уши, царапали ножом грудь и спину. Всем велели нести дары к царской панихиде. Шестьсот лучших листовенниц, в три обхвата каждая, свалили и свезли в предгорье. И съехались вожди покорённых племён, больших и малых, и пожертвовали коней и рабынь своих, и курган воздвигли в старом месте, где хоронили только царей и командиров. Поручили царя-воина обереженью грифонов. А они — горному льду, хранителю покоя.

Прошли века и века, и ослабела грозная сила грифонов. Явились в священные горы люди беспутные, бугровщиками прозванные, гробокопатели. Осквернили, разграбили славные курганы, ибо сами жили в скверне. Не на них самих, а на потомков пала кара небес, но об этом потомки не задумались.

Пояс степей на тысячевёрстном коридором соединяет Европу с Азией. От Карпат до Монголии стоят в степях скифские курганы. До приучения коня редки были здесь поселения человека. Люди шли вдоль рек, по окраинам лесов. Оленя одомашнили раньше, чем коня, но им пользовались только в горах и по окраинам тайги. Бронзовое оружие и конные отряды — первый шаг к большим войнам. Ради стад делали набеги, скотом за невест платили, на поклон властелину гнали стада же.

Твёрдых границ скифских владений, конечно, не было. «Отец истории» Геродот говорит, что если перейти реку Танаис (Дон), то будешь уже в земле сарматов. А язык у них, по Геродоту, тоже скифский.

Споры о происхождении скифов длятся веками. Около пяти тысяч лет назад в Саянах и на Алтае появились захоронения нового типа — курганные. Это Афанасьевская культура, начало бронзового века: скотоводы овладели металлом и переходят к земледелию. Металл быстро распространяется по южной Сибири, его продают и

завоёвывают. Рядом появилась каракольская культура, а в Прибайкалье глазковская, в Минусинской котловине — охуньская, а в подстепе — андроновская культура. Литейщики бронзы появились и в тайге: это культуры черкаскульская, сузгунская и еловская.

Обновилось оружие — бронзовые наконечники стрел и копий, чеканы и кинжалы, а в результате частые набеги на таёжные поселения. Порожденье андроновской культуры — карасукская на юге Сибири. Это большое племенное объединение, земли его от Приобья до Якутии. А на Чукотке и Камчатке продолжается каменный век.

В погребениях андроновской культуры (второе тысячелетие до нашей эры) черепа европеоидов. Восточнее — захоронения грязновской культуры, это монголоиды. Они, тюрки, пришли сюда в начале эпохи бронзы и попали в подчинение кочевой державе скифов. Они не только дань платили, их заставляли идти в военные набеги, о чём и рассказал курган Аржан. А когда кочевая империя ослабела из-за войны саков с сарматами, тогда власть перехватили гунны. Европейские историки думали, что «сарматы напали на Скифию». Но это скифы воевали между собой, на радость тюркам. Столетняя гражданская война и привела к закату первой кочевой империи.

Недавно в горах Алтая археологи нашли захоронение богатой женщины, толи шаманки, толи жены вождя. Принцесса Укока, как называли её, жила две с половиной тысячи лет назад. Голова в парике! Лёд хорошо сохранил тело, мумия одета в шелковую рубашку и шерстяную юбку. Лиственничная колода обита бронзовыми гвоздями. Это очень дорогое украшение доступно было только скифской знати. С нею похоронили шесть оседланных коней.

«Скифы» — слово переводится с древнегреческого как хмурый, злой. Так это же бранная кличка! Овидий, римский поэт, говорит о скифах: «Они вряд ли заслуживают называться людьми, они злее, чем дикие волки». Но что бы сказал он, если бы увидел гуннов и монголов?! Самоназвание кочевников-ариев: саки. Сака — олень. Геродот утверждает: «персы всех скифов называют саками». И перечисляет их племена: сколоты, массагеты, сарматы, дахи, исседоны. А ещё добавляет: «согласно одним сообщениям, скифы очень многочисленны, а по другим коренных скифов, собственно

говоря, очень мало». Коренные, то есть господствующее, племя — царские скифы.

Основа кочевой империи — твёрдый боевой порядок. Высшее сословие — воины. А царь — «потомок первого человека». Солгавшего он казнит, но воина на смерть могло осудить только общевойсковое собрание.

Скифских богов Геродот сравнивает с греческими. Особо возвышался бог войны: «У скифов не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса» (у римлян он Марс). Ему — главные жертвы после боя: «Головы всех убитых им в бою скифский воин приносит царю. Ибо только принесший голову врага получает свою долю добычи, а иначе — нет». Геродот же описал их нравы: из черепов именитых врагов скифы делали чаши-кубки и пили из них в праздники. Этот обычай долго соблюдался в степи и после исчезновения скифской державы.

Древнее наследие степной Сибири — оленные камни. Обычай восходит к неолиту, позднему каменному веку, когда оленей стали загонять в загоны (сначала лишь до зимы), затем приручили дикого осла, и уж потом коня. И, удивительная подробность, голову боевого коня скифы-саки украшали орнаментом в виде оленьих рогов.

Так вот откуда загадочное имя народа — саки! Персидский поэт Фирдоуси рассказал о чёрном царе Кае, предводителе кочевников-саков, опустошавших Иран. «Кайсаки» — это чёрные кочевники. Правда, поэт переложил преданья о тюркских набегах, а племенное имя саки не тюркского происхождения. Оно перешло к казахам, тюркам, а ещё русских бродников, живших на переправах, монголы называли казаками.

Но когда и где скифы стали оленеводами? В причерноморских курганах изображений оленя не найдено. Выходит, на Саянском нагорье. Да, Саяны — родина оленеводства, оно сохранилось там у тофаларов. И, как ни удивительно, в Монголии.

У скифа как бы две души: мягкая — оленья, и свирепая — грифоночная. Ангел и демон сошлись в одном сердце. Земля оленя священна, и любой пришелец лишится здесь головы. Оленья голова — знак расставанья с жизнью: душа улетает к предкам. Олень — род, семья, грифон — боевая доблесть, знак высшей власти.

Когда умирает царь, саки наносят себе ритуальные увечья: «отрезают кусок своего уха, остригают в кружок волосы на голове,

делают кругом надрез на руке, расцарапывают лоб и нос и прокалывают левую руку стрелами». В кургане «погребают одну из наложниц, предварительно задушив её, а также виночерпия, повара, конюха, телохранителя, вестника, коней, первенцев всяких других домашних животных, а также кладут золотые чаши... После этого все вместе насыпают над могилой большой холм».

В горном Алтае есть славное место Пазырык – пять царских курганов. Долина царей в тайге, среди хребтов и сопок! Сотни брёвен лиственницы свезли из горной тайги для этой могилы, а поверх настила насыпали каменную пирамиду. И вот чудеса: с 5-го века до нашей эры сохранились ковры, уздечки и даже татуировка на телах погребённых! Это горы сберегли, вода замёрзла и сохранила саркофаг на две с половиной тысячи лет. Могильник Аржан в Туве – звериная Атлантида, десятки изображений животных. Он 120 метров в поперечнике, с многочисленными отделениями, а в них – кости жертв. Для его сооружения свалено больше шести тысяч лиственниц и сосен. На тризну съехались вожди двадцати четырёх подчинённых племён и с большими дарами. Это захоронение говорит, что седьмой век до нашей эры – время могущества восточной сакской державы. Пазырык и Аржан – золотой век восточной Скифии.

Марко Поло, побывавший в конце 13-го века при дворе монгольского хана, написал о могилах в горном Алтае: «Всех великих государей, потомков Чингисхана, знайте, хоронят в большой горе Алтай, и где бы ни помер великий государь татар, хотя бы за сто дней пути от той горы, его привозят туда хоронить. И вот ещё какая диковина: когда тела великих ханов несут к той горе, всякого, кого повстречают дней за сорок, побольше или поменьше, убивают мечом провожатые при теле да приговаривают: “Иди на тот свет служить нашему государю!” Они воистину верят, что убитый пойдёт на тот свет служить их государю. С конями они делают то же самое».

Вот какое предание века жило на Востоке. Знаменитый итальянец передал затерявшуюся весть скифской эпохи. Нет, захоронений монгольских ханов на Алтае не найдено.

Не покорили саков ни древний Египет, ни Иран, ни цветущая Греция, победило их время. Но и после распада сакско-сарматских государств ещё тысячу лет сохранялся в культуре сибирских племён скифско-звериный стиль.

Дети волчицы

Давным-давно было, нынешних людей раньше, а старого поколения после... Когда сотворилась земля, когда выросли сквозь облака горы, когда море разлилось до берегов... После того, как появились звери и птицы, тогда и жила мать-волчица. Лучшие земли принадлежат с той поры сынам волчицы и Неба...

Каменные бабы, оленные камни — украшения сибирского нагорья и подстепья. Левая рука прижата к сердцу или к поясу, а правая держит сосуд. Фигура повелителя и дарителя славы. Десятки поколений пронесли память о больших бедах, когда небо с землёй были в ссоре и даже птицы с пути сбивались: *«Мир с четырёх углов врагами полон был. Тогда Бумын-каган и Истеми-каган пошли войной на всех, кто тюркам жить мешал, и покорили всех, и усмирили всех»*. Из беды племя вывели великие герои-родоначальники. Рождались они по воле Неба (Тенгри), только оно определяет сроки жизни племён и каганов. Волей вечного Неба явился в степи царский род Ашина.

В ночном набеге враги перебили всё племя, в живых остался один мальчик. Но и его бросили в болото с отрубленными руками. Здесь нашла его серая волчица, зализала раны, выходила умиравшего и...прижила от него сыновей. Враги всё-таки настигли калеку и убили его, а волчица бежала на Алтай и родила там десять сыновей-мстителей. Они дали начало десяти родам, и один из них — Ашина — начинает народ тюрк.

Волчица, мать мстителей — как не узнать её на знаменах яростной гуннской гвардии?! Оскаленные волчьи пасти стали орнаментом: волки рычат на знамёнах тюрков. Через века ударные части монгольского войска всё еще назывались *бури'*. Слово вошло и в русский язык как прозвище одиночки: *бирюк* означает угрюмый, как волк. Поклонение волку в каганатах слилось с культом хана-повелителя. На небе правит один властелин. На земле божественную власть его воплощает каан (европейцы произносили: *каган*), монголы — хаан.

Тенгри — вечное небо, оно всему даёт жизнь. Ещё загадочнее праматерь Умай. В начале времён она была лебедью, нырнула на дно моря и достала кусок глины. Из него вся суша. Умай, жена всесильного Тенгри, даже богов гнева и мести усмиряет. А потом появились два брата — Ульгень и Эрлик — хозяева среднего и нижнего мира.

В ранних тюркских мифах есть и мудрый волк, и власть бескрайнего неба. Хунну пришли из-за Гоби и захватили земли, где уже жили тюрки — теле, тоба, канглы. Они смешались с динлинами, так сложилось племенное единство енисейских кыргызов. Потомки теле — телеуты-алтайцы, а тоба — тувинцы. Мощное племенное объединение — теле. Это они будут гнать хуннов чуть не до Волги. Храбростью эти отпрыски динлинов не уступали хуннам, но им тоже не удалось создать прочное государство. Теле в родовых преданьях особо чтит линию волка. Они хранили верность родной земле, а в дальние походы не шли. Не даром ведь теле (телесцы, теленгиты, телеуты) пережили всех ровесников: не вели войн на уничтожение. У народа есть своя земля, и пока он слышит зов её, хранит устои предков, он народ.

Тоба и теле пришли в Саяны и Алтайские горы раньше хуннов. Племя тоба побеждало даже превосходящих числом китаев (киданей, протомонголов). Они даже покорили север ханьской империи и... растворились в ней. Забыли героические обычаи, завели дворцы с гаремами в подражание китайским вельможам. Не раз и не два ещё это повторится с вождями-завоевателями: сильно притяженье роскоши, а в степи жить беспокойно.

И хунны разбились в своём натиске: противник неизмеримо превосходил их не только числом, но и ремёслами. Ашина — отважный волчий сын. Имя первого хуннского вождя, по-видимому, от монгольского *ошо* — волк. Его потомок Моде победил оседлых юэчжей и динлинов; «при Моде дом хуннов чрезвычайно усилился и возвысился, покорив все кочевые племена на севере и на юге» (китайская хроника). Среди имён выдающихся завоевателей упускают это: Моде. Это он создал мощное хуннское государство, он подчинил многочисленные племена, бросил вызов Китаю. Но держава, стоившая стольких жизней, скоро распалась.

Хунну означало яростные. Вожди племени исчисляли свой род от серой волчицы, это племенной лозунг. Вождь пришёл по воле Неба — кто ж его победит? Вера эта держалась и в каганатах: раньше правили люди случайные; «негоднейший каган негодного сменял,

безумный принимал у глупого свой трон». Это из орхоно-енисейских надписей, каменной летописи степи. Величье Неба вошло в культ непобедимого кагана. Но кочевые империи неустойчивы, век их был недолог. В пестроте племён, в судьбах большой орды каждый воин помнил свой род. Каганы же должны были помнить все поколения, начиная с Ашины, хотя это память легендарная.

Много коренных народов северной Азии растворили в себе объединения тюркских племён, и побеждённых поначалу не называли тюрками. Но дети пленниц выбивались в военачальники и забывали своих дальних предков. По Сибири бескрайней и за пределы её расплеснулся тюркский язык, распался на диалекты и стал самой большой группой языков в Азии.

Все слышали о великом переселении с Востока, но кто запустил эту лавину, – это знают немногие. Вектор движения сменился: прежде с запада на восток шёл поток ариев, теперь тюрко-монголы ринулись на запад.

Предыстория тюркских каганатов изучена недостаточно. Часть народов монголоидной расы объединяют понятием *алтайская семья языков*. Но для Алтайских гор все племена этой семьи пришельцы. Возможно, дотюркскими, коренными, народами были здесь древние угры – предки венгров, хантов и манси. Их топонимы находят от Урала до Енисея.

Пранарод, давший *алтайскую языковую семью*, разделился около девяти тысяч лет назад. Выделились группы: японо-корейская, тюрко-монгольская и тунгусо-маньчжурская. А затем распалось единое тюрко-монгольское племя. Общие предки тюрко-момонголов создали в Центральной Азии культуру плиточных могил. Это конец бронзового века. Покоящиеся под гранитными плитами упоминаются в древнекитайских хрониках как народ *дунху*.

Первоначально летописи относили к «тюкю» только род Ашина, монголоязычный, перешедший на Алтай и затем правивший в Тюркских каганатах. По этим хроникам, «пятьсот семейств Ашина» возникли из смешения разных родов, обитавших на земле, отвоеванной у китайцев хуннами и сяньби (протомонголами). В разные века слово «тюрк» понималось по-разному. В монгольских языках это слово означает *быстрый*. Монголы были подчинённым народом в ранних каганатах. Судя по

«Сокровенному сказанию монголов», у предков Чингисхана тюркские имена.

Не все тюркоязычные народы (турки, киргизы, казахи, татары, башкиры, азербайджанцы) потомки древних тюркютов, они связаны только языками. Каганаты поглотили немало племён не монголоидного происхождения. Так, в Прибайкалье найдены захоронения палеоазиатов, людей не монголоидной расы. И на Ангаре есть следы древних коренных племён (китайская культура, ей более пяти тысяч лет). Предположение, что *китойцы* и есть предки народов «алтайской семьи», археологией опровергнуто. Новейшая наука пересмотрела состав алтайской семьи языков: ведь монголы и тунгусы никогда не жили на Алтае, а турки пришли сюда поздно. Никакого отношения к Алтаю не имели предки корейцев и японцев, а тунгусо-манчжуры двигались от Амура на север, огибая Байкал с востока. Отнесение их к алтайской языковой семье имеет условный характер. Но гипотеза, согласно которой предки японцев, корейцев, тунгусо-маньчжур, монголов и тюрков были в древности единым народом, в основе справедлива. Только сложилась эта семья не на Алтае, а где-то восточнее — в Монголии или Приамурье.

Предки тюрко-монгольских народов прошли сквозь пустыню Гоби. На Саянском нагорье они столкнулись с державой саков и подчинились ей а потом переняли воинскую организацию, и после раскола скифской державы возникла кочевая империя Хунну. Это время построения великой китайской стены. В трёхсотлетней войне с Китаем хунны потерпели поражение. После этого, теснимые сяньби и теле, они разделились на четыре ветви, и самая непримиримая часть ушла на запад. В европейских хрониках эта западная ветвь названа гуннами. Об орде Аттилы летопись говорит как о западной отрасли рода хунну. А в восточных степях племенные союзы создавались то на монгольской, то на тюркской основе.

В мирное время турки торговали с жителями Поднебесной империи: меняли, например, лошадей на шёлк для знати. И охотно грабили караваны. Изначально тюрками называли военно-родовую знать, потом — господствующее племя. Тюркский каганат сложился в шестом веке как союз нескольких племён, признавших главенство рода Ашина («двенадцатиплеменный тюркский эль»). Когда в бесконечных столкновениях племя *тюрк* было уничтожено,

название его присваивали племена, прежде подчинённые, а теперь претендующие на власть в каганате.

Было время, кочевая держава подчиняла племена от Китая до Урала и Кавказа. Но в конце шестого века Первый каганат раскололся и уступил место Второму тюркскому каганату, который возглавил опять же вождь из рода Ашина. В восьмом веке Бильге-каган довёл это государство до вершины могущества и победил Китай, по населению чуть ли не стократно превосходивший каганат. Но короток был век и этого государства, на его месте сложился Уйгурский каганат, которому было отпущено около ста лет (745—840). Каган Истеми начал войну с Ираном, и эта война отложилась в героических сказаниях персов («Шах-наме» Фирдоуси). Уйгурский каганат заимствовал и переработал руническую письменность, по-видимому, из Согдианы; орхон-енисейские каменные стелы с надписями — память об этом. Кочевая культура достигла в ту пору расцвета. Появились стремя и кривая сабля, удобная в конном бою (в Европе — только через полтысячелетия).

Кыргызский каганат, включавший Монголию, Алтай и Прииртышье, также рассыпался под ударами монголоязычного народа киданей, или китаев. Это они дали наименование Поднебесной империи, сами китайцы забыли о киданях полторы тысячи лет назад. На Русь это племенное имя принесли монголы, только у нас оно и употребляется.

В исторической литературе эпоха каганатов носит единое название — «тюркское время». Загадочна исключительная боеспособность тюркского войска. Основа орды — разделение на правое и левое крылья и выделение надёжного центра — гвардии. Это было использовано Чингисханом: воинская традиция от хуннской эпохи до Золотой орды едина. Сохранился культ батыров (они выступали поединщиками перед началом сражения) и особое почитание ударных частей. Но поразителен и быстрый распад военно-кочевых империй.

Влияние ранних тюрков видно в судьбах племён подстепья — рёлкинской и верхнеобской культур. Постепенно тюрки вобрали в себя малые народы Сибири, и тюркские языки широко расселись по Евразии. В них выделяют восточно-хуннскую и западно-хуннскую ветви. Самые западные тюрки — гагузы, эти потомки печенегов живут на Днестре. Самые северные тюрки — якуты — были вытеснены сначала с Саянского нагорья, а потом из Прибайкалья их

загнали в тайгу монголоязычные буряты. Среди многих тюркских народов выделяются сибирские татары, входили они в разные ханства и помнили сказания о дальних предках. Угорские, самодийские и кетские племена растворились в татарах, и только генетики устанавливают теперь их дальних предков.

Тень Чингисхана

- Бог на Небе и Далай-хан на земле — бойтесь и повинуйтесь. Кто не покоряется, пусть умрёт. - Это дархаты собирают деньги на поминки по Чингисхану. Так из года в год, так прошли столетия. А где она, могила великого хана, тайну эту знает только Небо. Дархаты — хранители священного достояния монголов, их назначают из кузнецов. По преданию, молодой Темучин, ещё не имевший звания Чингисхан, был кузнецом, ковал сабли. А кузнечное дело для монголов сродни шаманству: хороших кузнецов любит Небо.

А по другому сказанию, Темучин был докшин-бурхан, свирепый от рождения, семьдесят пленных князей живьём сварил в котлах. А по третьей легенде, он был высшим из шаманов, и в судьбе его — воля безначального Тенгри. Любимец Неба, он вывел на свет народ, славы давно не знавший. Жестоким испытаньям подвергла судьба молодого Темучина, но не сломала его, а закалила и ожесточила. Монгольские легенды как будто ничего не знают о жестокости великого хана, а он жесток был отменно. Такое уж было время, тысячу лет в монгольских степях кипела племенная междоусобица.

Родился он в Баргузинских степях, в Забйкалье. Жил-кочевал его род на Ононе-реке, что впала в Шилку, а та — в Амур великий. Ходил он кочевьем и до Далай-морья, что Байкалом зовётся, и до самого океана. Далай значит море, Далай-хан — властелин мира. *«Всевышний отличил Чингисхана умом и возвысил его над царями мира»* — это записано уйгурскими знаками на монгольском языке. Этим письмом записали «Билик» — свод изречений Чингисхана, и «Сокровенное сказание монголов». Провозглашённый великим ханом повелел хранить религию предков — тенгрианство: «веровать в единого бога, творца Неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по его воле, обладающего всемогущством во всех делах».

И вот загадка: гонимое, малое племя стало господствующим. Как будто сяньби, жужани и кидани (кара-китаи) только для того и дрались между собой, чтоб накопить опыт для сироты Темучина. В бедной степи вдруг начала расти империя. Около полувека, до избрания ханом всех степей, Темучин вёл междоусобную войну: монголы рубили монголов. В 1206-м году, «в год Тигра, у истока Онона собрался народ его на курултай, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя своё, и провозгласили Темучина Чингисханом». Подчинив или истребив меркитов, керейтов, найманов, татар, захотел он покорить и весь мир до последнего моря. «У нас всюду враг — от заката солнца и до восхода его», - сказал Темучин при избрании великим ханом. Яса Чингисхана, новый закон, установила правила для всех улусов, для всех земель, докуда дошли копыта монгольских коней: «Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнён он сам и начальник...»

Во всём беспрекословное подчинение: «Все люди разделены на десятки, в каждом десятке один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника, и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идёт до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, называемый темником». И если один из десятка в бою струсит, уничтожается весь десяток, если десяток отступил — вырубят сотню. Этим хан создал безотказное войско и взял под свою власть Китай, Хорезм и Тангут. А потом на западные города повёл кочевые народы: *«Силою вечного неба народа великих монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся...»*

И содрогнулись избалованные жители городов. А перед смертью предсказал Чингисхан второе своё пришествие: «Если вельможи, богатыри и военачальники, находящиеся на службе у детей ханов, которые наследуют мне, не будут крепко соблюдать Ясу, то дело государства испытает потрясение и прервётся. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут». Он и умер в походе, и могила его — тайна на века.

Десятки сыновей его, храбрых командиров, сцепились в борьбе за власть. Но на всё ведь воля вечного Неба. Четыре первых сына — Джучи, Чагатай, Тулай и Угэдэй — вели в бой лучшие тумены. Старший сын, Джучи, командующий войском правой руки, был убит на охоте ещё при жизни Чингиса. А улус Джучи раскинулся с

саяно-алтайского нагорья до Дуная, в него и Сибирь входила, и Русь.

По всей Евразии, степной, лесной и горной, раскатилась слава о великом хане. Велено было кланяться тени облака, как тени Чингисхана, в степи кусту одинокому, как тени сына Неба. А кто отказывался, тому отрубали голову.

В монгольской державе главным наследником назначался младший сын. Угэдэй, младший сын, стал великим ханом после смерти отца, но правил только шесть лет. А Гуюк-хан — только шесть месяцев. Тулуй — девять лет. Больше всех прославился Хубилай, внук Чингисхана, перенёсший столицу в Китай. С ним долго воевали братья-чингизиды: он объявил себя великим ханом без курултая — собрания князей. Империя раскололась на улусы и гасила себя в усобицах. Монгольской крови пролилось больше, чем в племенных стычках до воцарения Чингисхана.

Победоносные свои походы чингизиды считали волей всевластного Неба. Кто же мог противостоять этому? Вот послание Гуюк-хана папе Римскому, кому подчинялись короли Запада: *«Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и кончая теми, где заходит, пожалованы нам. Кроме приказа Бога так никто не может ничего сделать. Ныне вы должны сказать чистосердечно: “Мы станем вашими подданными, мы отдадим вам всё своё имущество”. Ты сам во главе королей, все вместе без исключения придите предложить нам службу и покорность. С этого времени мы будем считать вас покорившимися...»*

Хан Угэдэй послал в восточный поход отборное войско под командованием своего племянника Бату, а тот создал Золотую Орду. Бату (Батый русских летописей) — второй сын Джучи. Третьему сыну, Шейбани, сам Джучи отдал земли от Прииртышья до Арала, и здесь сложился Сибирский юрт. А по другим сказаньям, улус по рекам Иртышу и Туре получил Тайбуга и основал Ишимское ханство и город Чинги-тура (в черте нынешней Тюмени). При правнуках Чингисхана здесь сложилась Синяя орда. Сибирское ханство крепло по мере распада Золотой орды. При Узбеке, самом сильном хане Золотой орды, началась исламизация, и монгольский язык перестал быть государственным. В город Кашлык (он же Искер, он же Сибирь) пришли проповедники из Бухары. Было сильное сопротивление татар-шаманистов, погибло 330 шейхов и больше тысячи воинов-мусульман.

Культ великого завоевателя жил ещё века, как поддержка славы и силы монгольской. В выпотрошенном Хорезме сложилось новое государство, и там великим эмиром утвердился хромой разбойник Тимур. Железной метлой выметал он степи, гасил славу орды, уже не монгольской, а тюркской в основе.

А на родине Чингисхана сложилось государство Алтын-хана. Он считал себя настоящим чингизидом-наследником, и его злила кичливость восточных монголов. Алтын-хан потерпел было поражение от джунгар, но хитёр был: пошёл в подданство манчжурскому Китаю, а потом и русскому царю написал, что признаёт его власть на Алтае. Джунгары, они же ойраты, при Чингисхане были войском левой руки (зюнгар). Контайшу джунгарского погубила заносчивость: не побоялся воевать на два фронта. И на китайские города набеги делал, и русские крепости сжигал. Видно, немало зла наделали джунгары китайцам: вырезать они стали джунгар поголовно. Меньше двадцатой части осталось джунгар, и побежали они на Волгу под крыло к калмыкам, с которыми раньше ссорились. Тут и казахи восстали, и русские осмелели, линию крепостей вдоль Алтая выстроили. У русских и у китайцев пушки, эту силу удалью богатырской не возьмёшь, да и данники вчерашние тут и там в спину бьют. Раньше не бегали джунгары от врагов, а тут побежали. И рухнула тысячелетняя слава.

Так закончилась вторая глава монгольских завоеваний. Ведь непобедимого полководца-завоевателя Небо один лишь раз избирает, а самозванцев сурово наказывает. Пришёл Ермак, и сошлись три силы: с востока нагрянули буддисты джунгары, с юга — магометане Кучума, с запада — русские-христиане.

Ранние монголы в китайских хрониках упоминаются под разными названиями - сяньби, жужани, кидани - и всё в связи с опустошительными набегами. Монгольские племена и даже роды вели бесконечные междоусобные войны, и эти распри на время погасил Чингисхан. Могучая империя создана в 1206-м году: *«Князь Темучин из рода Кият-Борджигин был поднят на кошме из белого войлока и провозглашён ханом всех монголов, императором»*. По китайской хронике, роковое событие это произошло на реке Онон, близ нынешней российско-монгольской границы...

Сибирь после монгольского нашествия — тёмные века. Летописи донесли весть, как враждовали здесь тайбугины и шейбаниды. Власть Шейбани (Шибана), внука Чингисхана,

считалась бесспорной: он — пятый сын Джучи. А потомки Тайбуги доказывали, что их род более знатный, чем род Темучина, восходит к Ван-хану, которому служил и которого убил Темучин, будущий Чингисхан. Тайбуге достался улус по рекам Иртышу и Туре, он посторил здесь Кизил-туру, а потом и Чинги-туру (её разрушит Кучум). Сибирский юрт переходил, частями, в Кок-орду (Синюю) и Белую (Ак-орда), правили же всегда потомки Чингисхана.

В «Родословном древе тюрков» сказано: «У Чингисхана сын Джучи-хан; у него сын Шибан-хан, его сын Бахадур-хан, его сын Джучи-буга, его сын Бадакул, его сын Мунга-Тимур, его сын Биккунди-оглан, его сын Алий-оглан, его сын Хаджи Мохаммед-хан, его сын Махмудек-хан, его сын Абак-хан, его сын Тулук-хан, его сын Шамай-султан, его сын Узар-султан, его сын Бахадур-султан. У помянутого выше Махмудек-хана был сын Муртаза-хан, у этого сын был Кучум-хан». Кучум правил в Искере как ставленник бухарского правителя, затем объявил себя независимым государём Сибирским и бросил вызов Москве.

В грамоте Строгановым Иван Грозный запретил использовать казачью дружину Ермака: «А те атаманы и казаки преж того ссорили нас с Ногайской ордою, послов ногайских на Волге на перевозех побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людем многие грабежи и убытки чинили...» За разбой и убийство посла царь заочно приговорил Ермака и ватагу его к повешению. Ермак ушёл от царского гнева за Урал, а победив Кучума, оправдался перед властью.

Следующая глава сибирской истории рассказывает о втором монгольском натиске с востока. Монголы к тому времени разделились на западных, восточных и северных. На исконной их земле правил Алтын-хан, а восточнее укрепилась Джунгарская орда. В ней четыре племени боролись между собой за первенство, торгоуты ушли на Волгу, там за ними закрепилось название *калмыки*. Последняя кочевая империя Азии создана джунгарами (другое название народа *ойраты*) в начале 17-го века. Хунтайджи (в русских документах: контайша) объявил соседям: «Все — чёрные люди, все — данники, одни мы — господа».

Не в пользу джунгар сложилась обстановка, кочевники уже не справлялись с городами. Они пытались возродить сильное государство, им удалось укрепить ханскую ставку и подчинить Саяно-Алтай, но ненадолго. В своём движении на запад ойраты столкнулись с казаками и ногайцами, кочевавшими в степях между

Волгой и Уралом. Несмотря на военные успехи, ойратский союз четырёх племён распался. Контайша Батур нанёс поражения восточным монголам, брал дань с енисейских кыргызов и казахов. Возрождённый курултай (съезд князей) принял общие «монголо-ойратские законы» для предотвращения междоусобиц. Джунгария достигла своего наивысшего военного могущества, выиграла длительную войну с Алтын-ханом и напала на Китай, подчинённый Маньчжурской династии Цин. Но после смерти контайши Батура вновь началась борьба за власть, и междоусобицы привели ханство к поражению.

Когда джунгары напали на центральную Монголию, прямые наследники Чингисхана попросили помощи у маньчжур и поклялись в подданстве маньчжурскому императору. Для джунгар этот союз означал одно — поражение. В империи Цин монголы потеряли некоторые права, были разобщены, в результате сложились новые народности.

В боях с итайцами и восточными монголами джунгары были разбиты наголову, и русские заняли освободившуюся Хакасию. А в 1756 году и Алтай включён в состав России. Все оседлые народы боялись возрождения кочевой империи, и грозная держава четырёх ойратов, занимавшая земли от Тибета до Урала, была уничтожена.

Хан трёх орд

Хан рождается под звездой счастливой, по уму и храбрости великий, избранный судьбой, непобедимый... Так пел старик-сказитель, и воины жадно внимали. Верили в степи: вот-вот явится истинный потомок Чингисхана и восстановит величие орды. А в русских полях и лесах помнили, как оно деялось в орде, переделялось в Большой...

Раскололась Большая орда, враждовали улусы и ханы. Вот когда родился чингизид Тохтамыш, - через сто лет после Батыева нашествия. Казалось, златоверхий ханский шатёр навсегда ему заказан, когда Урус-хан казнил его отца. Вызвал родственника к себе в ставку орды и отрубил ему голову. А за что, - все поняли: за независимый нрав. Отказался участвовать в набеге на Сарай, сказал хану: Взять престол сможешь, удержать — нет. Бежал юный Тохтамыш под крыло Железного Хромца, Тимура, и клялся отомстить убийце отца. Тимур-ленг по-персидски, Тамерлан по-европейски, Темир-аксак по-татарски одно означает: *Железный Хромец*.

Услышало Небо клятву Тохтамыша: лишило Урус-хана и трона, и жизни, а имя Тохтамыша вознесло над степями. Власть в Синей орде Тимур сразу отдал ему, и когда Урус-хан пошёл в очередной поход, дерзкий чингизид напал на его Белую орду. Успел немного пограбить и проиграл два сраженья, когда Урус-хан вернулся со своими туменами. Тогда Тимур сам повёл войско на Урус-хана и наголову разбил его. Метеором просверкала звезда Урус-хана, а Тохтамыш завладел двумя ордами, Синей и Белой. И пошёл тем же путём на Волгу, взял сначала Сарай Бату, потом Сарай Берке и сел на престол Золотой орды. Прогнал самозванца Мамаю и сжёг непокорную Москву. Крепко поверил в свою звезду Тохтамыш, а она припасла ему и взлёты, и провалы. Слепила ум слава непобедимых ханов Бату и Узбека, мало было ему власти в двух ордах — в сибирской Синей, и в южной Белой...

Толковал бухарский мудрец маленькому Тохтамышу: есть Книга гаданий, звёзды пути указывают. Слава предков сильнее временных неудач. Загляни в гнездо беркута: сильный птенец забивает слабого. Беркуты питаются дрофами, которые тяжелее их. А ханский трон, он много-много жизнью стоит. Тысяча воинов обречена погибнуть, чтобы хан обновил свой гарем.

Над рабом есть вольный, а над ним бек, над ним улусбек, над ним беклярибек. А над ним хан, выше которого только вечное Небо. У хана одно правило: слабого переломи, сильного перехитри. Но год на год не приходится, недаром у них свои мена: год мыши, год собаки, год зайца...

В дымных юртах хранилось сказание, как поспорили сын с отцом — Джучи с Чингисханом:

- Не надо ходить к последнему морю, отец, - так сказал старший сын, командир войска правой руки. - Не управиться нам со всем миром.

- Что слышу?! Монголам не побеждать слабых?! Мои потомки отдадут власть?

- Нет, отец, я не про народы, - время непобедимо. Растворимся мы в завоёванных племенах. И ханы разнежатся, и батыры измельчают.

- За такие слова казнить надо. Чтобы монголы власть отдали, - не допустит Небо такого.

Нашли Джучи в степи умирающим, с переломленным хребтом. И пошли отцы под ножи сыновей, и восставал улус на улус. После новой кутерьмы спрашивал сын-пастух отца своего, старого воина:

- С чего начиналась смута ордынская?

- Говорят, с убийства хана Джанибека.

- Так ли? А Токтая разве не сын убил? Это же он, хан Узбек, ислам в орду привёл, а убийц отца не стал искать. А смерть Берке-хана ещё раньше. А?

- Только не проболтайся где-нибудь.

- Мужчина для войны рождается, не для сплетен...

Жила память в степи. Когда великим ханом стал Гуюк, пошёл он войной на Бату-хана, племянника своего, но внезапно умер. Узбек убил отца своего, сын его Бердибек убил брата Джанибека, а его убил Кульпа, а его — Навруз, а его — Хызр, а его — Темир-ходжа...

Сколько власти не захвати, всё мало. Эта сила целые племена пожирает...

И закипела в орде замятня, круче той, какая Русь когда-то сгубила. За год в Сарае по два-три хана сменится, а в степи про то узнают не сразу. Есть гордое слово *кутермяк*: это величанье нового хана, несут подданные владыку на белом войлоке. Но годы смуту бывало в орде за год по три кутермяка. А русские вынесли оттуда словцо-насмешку: *кутерьма*.

Ханы называют себя чингизидами, а по-монгольски уже не говорят. Давно раскололся улус Джучи: правое крыло — Золотая орда Бату-хана, левое, войско Орду-Ичена, назвалось Белой ордой. А Синяя орда на севере, в снегах и лесах, только складывалась. Про неё не все и слышали: она где-то на обочине. В орде каждый знает: запад — правое крыло, восток — левое, а лучшая сторона — юг. Юг — красный цвет, север — чёрный, запад — белый, а восток — синий.

Вот когда явились два властных темника: Мамай на западе, Тимур на востоке. Они сажали ханов на престол и меняли их по своей охоте. Усилилась Белая орда, Урус-хан, владетель её, похвалялся восстановить улус Джучи, великую орду. Он вырезал весь род Тука-тимуридов, убил чингизида Туй-ходжу оглана из Синей орды, сибирской. А сын его, Тохтамыш, бежал ночью. Железный Хромец дал ему приют: хотел видеть на ордынском престоле подручного хана. Сам-то он прав на престол не имел: чингизидом не был, но потомки великих ханов были у него на побегушках.

Копятся в степи стада и юрты, растёт сила ордынская. Горделивый Урус-хан погиб, а Тохтамышу, вчерашнему сироте, досталась власть в двух ордах. Третью, Золотую орду, он сам взял. И было это после Куликовской битвы, которая орду сильно ослабила.

Чем прославился Тохтамыш? Москву сжёг и всех руссичей в Кремле повелел изрубить. Но не умом взял полководческим, помогло предательство. Кремль дважды выдержал осаду большого войска литовского, а после его не мог взять даже Едигей, славный полководец. А тут в осаждённый Кремль попросились нижегородские князья, братья княгини Евдокии. А Дмитрий Донской, муж её, собирал войско и уверен был: кремль неприступен. Открыли ворота, ворвались степняки и двадцать четыре тысячи *вятших людей* изрубили. Ликовали ордынцы: вот победа истинно ханская, вернулась сила Большой орды! А ни одного большого боя Тохтамыш не выиграл, с Мамаем почти не бился. Но катится весть из улуса в улус: истинный хан явился. У него златоверхий шатёр, как у Бату-хана, а войска даже больше. Он — государь Золотой орды, Белой и Заяицкой...

А для Руси, казалось, вернулись худшие времена. Снова платит она дань, и ярлыки на княжение раздаёт хан по праву татарскому, и в заложники взял малолетнего сына Дмитрия Донского. Топят избы и бани на Руси, землю пашут, рожь молотят и гадают: когда же Бог орду переменит. А степной юг кровью пенится. Была славная победа на Куликовом поле, и вдруг опять погибель «украсно украшенной земле Русской»!?

Через год после набега на Москву допытывался хан: как шла битва с русскими на Дону, тормозил бывалого Едигея.

- Мамай наделал ошибок. Так ведь? Опытный темник, а сразу в лоб ударил. Так уверен был в себе? Русы ведь уже били его войско.

- Спешил он, тебя боялся, мой хан, удара в спину: вдруг вы с русским князем сговорились. Вообще-то он бой понимал. С холма видно, что конницы у русов меньше и всё войско плохо обученное. Поджидать Ягайло не стал, решил: нечего делиться с ним добычей, сам справлюсь.

- Я слышал, тумены правой и левой руки у него были сильные. А в центр кого ставил?

- Копейщиков из Италии. У них очень длинные копья, но отваги нет. Он центр ослабил, чтоб заманить русов в ловушку. Но ставить наёмников в центр...

- Болван так делает? Погоди, говорят у Тимура тоже в центре пехота.

- Так и есть, мой хан. Мамай не понял, что у того копейщики и лучники самые стойкие. Укроются за деревянными щитами и никогда не побегут. А он сначала изматывает конницу врага и только тогда открывает ей путь на пехоту. С боков её охватывают, и она в ловушке.

- А у Мамаю где гвардия-то была?

- При нём, вокруг холма стояла. Когда он решил: вот перелом в бою, то и бросил её в боковой охват. А русская засада этого и ждала, ударила сзади... Я так думаю: Мамай увидел русскую конницу и решил, что Ягайло подошёл. И усмехнулся, небось: без тебя, мол, уже всё сделали. А русские всадили копья в спины его конникам. И поднялся визг: Ягайло с русами, Ягайло бьёт нас. И побежали все. Копейщиков из Италии смяли свои же конники. А дальше ты знаешь, мой хан.

- Да, умирать за Мамаю не хотели. Выехали мои нукеры, крикнули: «Где ваш хан? Нет у вас хана, потому и бьют вас. Вот законный хан, вот потомок повелителя мира». Это обо мне. И стали переходить тысячники под мои знамёна. Мамаю не связали, это было бы предательством, от него просто отвернулись. Побежал в свой Крым, а там ему горло перерезали...

Гордлив был Тохтамыш и гнев не сдержан, унижил мурзу Едигею, которого только что другом называл:

- Забыл, кто ты такой? Ты просто бек по роду, а я потомок повелителя мира. Ты что, решил, что Аллах тебя возвысит? Скоро я укажу твоё место, горько пожалеешь.

- Чем я заслужил твой гнев? Разве я не говорил тебе: возмёшь Сарай, и слава вознесёт тебя над степями. Будет слава хана — орда поверит в себя, станет опять неодолимой. А что я у Тимура учился воевать, - так у кого же ещё-то? Тимур над царями султан, гроза мира, - кто его победит? С ним надо мир искать.

- А меня победить легко?! Так по-твоему? Я никому не поклонюсь. Не мнишь ли ты себя на месте хана, как Тимур? Он ведь хвалит тебя. Кругом о твоих победах говорят.

- Я воевал за нашу орду. Мы степняки, а Тимур, он в городе вырос. Хан может проиграть и усидеть на троне, эмир — нет. Он это знает, проиграть для него — умереть.

Сказано: не посягай на того, кому судьба ковром путь устилает. Хромой Тимур полвека провёл в походах и поражений не знал с молодости. А с ордой воевать нет ему интереса. Что в степи возьмёшь? Скот да пленниц. Совсем другое дело — южные города, золото вёз оттуда возами. Ядро войска у него наёмники, а они стоят дорого. Страх полз по земле впереди его войска, ужас леденящий. Здрожит Тохтамыш, хан-ставленник, от одного его окрика. Так думал Тамерлан и просчитался: войной пошёл на него выкормыш, отплатил неблагодарностью. Я, мол, ханский отпрыск, а ты, самозванец, будь у моего стремени. У того расчёт и железная воля, у этого — вера в звезду великого хана.

В Иране был Тимур, когда Тохтамыш напал на Самарканд и осадил Бухару. Пришлось Хромцу вести домой войско, войну не закончив, и крепко растряс он Большую орду. Бежал Тохтамыш на Волгу, но мечту стать вторым Чингисханом не оставил и снова сделал набег на южные города. Тогда Тимур опустошил Хорезм, орде принадлежавший, ключевой город на Великом шёлковом пути. Пропал и Ургенч, богатейший город, ячменём и просом засеяли его площади. Теперь решающая битва стала неизбежной. Спешно собирал Тохтамыш тумены с трёх орд и согнал на Волгу войско, какого не было даже у Бату-хана.

Где же собрать Тимуру в городах столько конников, сколько степь даёт! И не проведёт он большое войско полупустыней — от Самарканда до Волги: корма не хватит ни коням, ни людям. Но Железный Хромец перед походом вспомнил обычай курултаев и собрал совет. Всё просчитали, с весенней травой двинулось его войско и загнало ордынцев в излучину Волги. А по дороге велел высечь надпись на камне: *«Султан Турана Тимур с двумястами тысяч воинов пошёл по кровь Тохтамыш-хана».*

На пятьдесят тысяч всадников было больше у Тохтамыша, на целых пять туменов. Степняки-удальцы прежде робости не знавали, но страхом шло по степи имя Тимура, на дневной преход опережал страх пыль от войска. Едигей советовал бить железного эмира в пути по частям, нападать на обозы и скрываться. Ведь кони устали от пятимесячного похода по полупустыне, воины обессилены голодом. Презрительно усмехнулся Тохтамыш: *наживёшь худую*

славу — вовек не отмоешься. Ушёл от него спаситель: нет равных Тамерлану, не победить его.

В излучине Волги, на малой реке Кондурче, навязал Хромец решающую битву. Числом уступало войско Тимура, но хорошо было обучено и построено умело. Вместо привычных трёх частей выстроил Тимур семь подвижных кулов, каждый со своим знаменем. Командиры в битвах проверены, а Хромец — хитрый тактик. Когда силы кула на исходе, его заменяет другой, не измотанный. Тимур ненужные делал развороты, а Тохтамыш радовался: бестолково дерётся Железный Хромец, стареет, видно. Но где у него отборные части? Не поймёшь, где прячет свой запас. А он на виду был: в самом центре окопалась пехота.

Три дня шла битва, и Тохтамыш не понял, что изучают его, ищут слабое место. Заманил Тимур лучшие его части на охват, измотал их, ударил с тыла. И попала гвардия орды в клещи, а отступать некуда: сзади Волга.

О, этот гул конной лавы, десятков тысяч копыт, нарастающий рёв *урра-ах*, эти искажённые яростью лица! Кто прежде мог противостоять им? Только другая конница, более сильная. А тут — пешие! Закопались в землю по плечи, загородились щитами из досок и тучей шлюют стрелы в лица батыров. В орде так не воюют. Эти кроты стоят, а конница ордынская охвачена клещами и на глазах тает. По берегам Волги легли славные тумены.

Не знала орда такого урона, но велики были потери и у Тамерлана. Не стал добивать бегущих, и это была ошибка: понадеялся на благоразумие разбитого хана, только дал ему трёпку. А у того заносчивость переборола страх. Умнейшие мурзы Тохтамыша вслед за Едигеем перебежали к непобедимому эмиру. Тамерлан — метла железная, а кто метёт, Бог или дьявол, - не понятно.

Потерял Тохтамыш Сарай, столицу свою, самый большой город на Итили-Волге, и ещё с десятков городов поменьше, но тут же послал в степь верных мурз собирать войско заново. И в Литву послов отправил за данью, и к египетскому султану за помощью. Собрал за четыре года новое войско со всей степи и ещё раз схлестнулся с Хромцом, на этот раз на Тереке. Тогда решил Тимур добить орду, не брать пленных.

Если бы понимал Тохтамыш, что воля Неба ведёт его к гибели, воевал бы осторожнее, а он как никогда был активен, и Тимур взял это в расчёт. Уже два лучших тумена в тылу тамерлановой

конницы, и та отступает. Ага, прогнулся Железный Хромец! Ещё немного, только проломить центр – побегут. И здесь, между Курой и Терекон, повторил Тохтамыш свою ошибку: опять заманили его в капкан. Опять о пехоту разбился ордынский натиск. И опять конная гвардия из Самарканда ударила в спину и смяла ряды. Тохтамыш рвёт свои волосы, помня предупреждение Тимура: на сей раз пощады не жди. Ведь посылал он гонцов к горделивому хану: *Из-за нескольких дураков погибать тысячам людей? У нас с тобой говор был на правах отца и сына.*

Нет, не захотел чингизид признать себя сыном эмира. Железной метлой прошёлся Хромец по городам и становищам орды, уничтожил оба Сарая и Астрахань, погиб и Булгар, старый город на Волге.

Уже новые сказанья слагали степняки, и героем их стал не Тохтамыш.

Где широкий Итиль бежал,
Там прекрасный Сарай блистал.
Там Мамай на престол воссел,
Озирая степей предел,
На другой сидел стороне
Тохтамыш, готовый к войне.

Отвернулась судьба от горделивого хана, а он всё ещё верил в звезду свою, бежал в Киев, под крыло великого князя Литовского. А князь Витовт не только завладел Киевом, захватил уже Смоленск, мечтал подчинить Москву и Новгород. Отменный был гордец, принял от безвластного хана ярлык на владенье Русью. И пообещал восстановить Тохтамыша на ордынском троне. Сделать его подручным, как хотел когда-то Тимур. Мерещилась князю полная власть над ордой и Русью, уже провозгласили его великим князем литовско-русским.

Стянул Витовт к Киеву полки литовские, польские, русские из подвластных ему городов, нанял за большие деньги рыцарей немецких и, конечно, остатки орды Тохтамыша в бой пошли. Пышно, с барабанами и трубами, выступило из Киева пёстрое войско. С тяжёлыми пушками вышли, с богатыми обозами. Сошлись рыцари, с ног до головы в железе, с ордынской конницей на берегах Ворсклы. Это малый приток Днепра, невдалеке там село Полтава. Через триста лет здесь разразится решающая битва со шведами.

Хан Темир-Кутлуг, посаженный на престол Едигеем, послал Витовту письмо-окрик: *«Выдай мне беглого царя Тохтамыша, не могу оставаться в покое, зная, что он жив и у тебя живёт, потому что изменчива наша жизнь. Нынче хан, а завтра беглец, нынче богат, а завтра нищий, нынче много друзей, а завтра все враги»*. А Витовту настырности не занимать, и он шлёт хану вызов: *«Бог покори́л мне все земли, покорись и ты мне, будь мне сыном, а я буду тебе отцом и давай мне всякий год дани и оброк; а ежели не станешь сыном, то будешь рабом, и вся орда твоя будет предана мечу»*. Чтоб орда платила дань кому-то — неслыханно! Такого хана мигом растерзают. А Темир-Кутлуг знал, что делал, - стоял и ждал войско Едигея. Будто бы уступал, но снова писал с вызовом, а Витовт всё ужесточал требования.

Ох, дорого стоила литовскому князю самонадеянность. Упустил он момент, когда орда не была в полном сборе и не прибыл ещё опытный полководец. Привёл ученик Тимура закалённые свои тумены, перестроил ряды ордынские, и посланье его было с ухмылкой: *«По праву ты взял нашего хана в сыновья, потому что ты стар, а он молод. Но я старше тебя, и тебе следует быть моим сыном, дани давать каждый год, клеймо моё чеканить на литовских монетах»*.

Пятьдесят тысяч конных латников пришло с ним, рубак, не знавших поражений. Пушки-бомбарды? Они часто мимо стреляют, а иногда и разрывает их. Не напугать степных удалыцов дымом и грохотом.

А как раскатилась битва по степным берегам, мало пользы было от неповоротливых пушек. Не оправдали они себя в первом большом бою. Послал Витовт рыцарей в лоб на конницу Едигея, а тот отступил притворно, зашёл с тыла и смешал плохо управляемые части. Пушкарей расстреляли лучники по старинке, а рыцари ударились в бегство. Да разве от степных коней уйдут кони немецкие?! Тохтамыш это знал и бросился наутёк, когда битва ещё не закончилась. До самого Киева гнал Едигей бегущих, и на десятки вёрст покрылась степь трупами. Штурмовать Киев не стал эмир, новый хозяин Золотой Орды, взял большой выкуп серебром и золотом и вернулся в свои степи.

Было это в 1399-м году христианской эры. Тяжким разгромом европейского войска закончился четырнадцатый век. Но то была последняя большая победа орды. В битве при Ворскле погибли три русских полка во главе с прославленными героями Куликовской битвы. Среди убитых князей был и Боброк-Волынец.

Давние счёты были между Тохтамышем и эмиром, завладевшим теперь ордой. Были друзьями, стали врагами: убил мстительный хан престарелого отца Едигея, убил и мать своей жены. Жалкая месть — свидетельство ханского бессилия, и орда отвернулась от него. Рыскал он по степи, как волк затравленный, и никто не дал ему приюта. Надеялся ещё закрепиться в Синей орде, начать там всё сначала.

Неумолимая судьба загнала его в Искер на Иртыше, потом погнала и дальше. Послал письмо Тимуру, умолял простить его, Аллахом клялся в верности. Едигей перехватил письмо и понял опасность: Тимур состарился, дети его передерутся, и злосчастный Тохтамыш власть перехватит. И тогда повелел Едигей поставленному им хану найти и обезглавить Тохтамыша...

Толпились тени в памяти беглого хана — пришло время итогов. Казнь отца вспомнилась и побег к Тимуру, война с Белой ордой и смерть Урус-хана. Победа над Мамаем, уже побеждённым, и сожжение Москвы. Неужели Небо сразу всё решило? Две проигранных битвы с Тимуром, война с Едигеем, ордой завладевшим. Кто они перед ним, чингизидом?! Разбойник провозгласил себя султаном, завладел Бухарой, Самаркандом, Ургенчем, опустошил Иран и Закавказье. А выученик его — перебежчик. Сдаться самозванцам?! Бесславная выпала гибель хану трёх орд: зарезали, как и всех проигравших ханов-родственников.

А Едигей решил восстановить мощь орды и начал карательный поход на Москву. Взять кремль не смог, но города вокруг неё сжёг, взял выкуп и отступил в степи. Уже состарился эмир, в засаду попал и был убит сыном Тохтамыша, которому также не удалось зацепиться на троне Золотой орды. Истаяла мечта о возрождении Большой орды. Уходила, скрывалась за горизонт её кровавая звезда.

Русские летописи бегло рассказали о взлёте и падении Тохтамыша, хотя и величали его царём. А вот главные сраженья того времени летописи наши как будто и не заметили, хотя в них решалась судьба Руси. Не велики реки Кондурча, Терек и Ворскла, а на них были самые страшные сечи того тёмного века. То был закат Большой орды.

И дальше были набеги и усобицы, месть открытая и тайные убийства ханов. Века ещё жили в степи сказанья о храбром Идигэ и мстительном Тохтамыше. А про Железного Хромца песен не пели: он пирамиды из голов складывал, а о страшном не поют. Едигей

был последним героем орды, теряющей свою силу. Он, «врагов ослаблявший врагами», и умён был, и храбр, и опасен.

Идигэ не кидался вспять,
Если смерть начинала гулять
И сто тысяч сильных мужей,
Как рабы, склонялись пред ней, -
Не склонялся один Едигей.

Но жизнь-история перелопатила кочевые народы, выделились новые орды: Синяя, она же Сибирский юрт, Ногайская, Казанская, Астраханская, Крымская. После смерти Тимура сыновья и внуки его сцепились, как пауки в банке. И вот снова на престоле, теперь уже в Бухаре, чингизиды...

Кому на руку было воцаренье тохтамышево? Москве, - так поняли позднее. Но ведь сжёг он её! Так, но и врага её ослабил — стравил Большую орду с более сильным противником. Тимур и Едигей, выдающиеся полководцы, железной метлой прошли по степи. И ожила Русь, в себя поверила. Вот что назначила ей звезда высокая. Вот он, дальний горизонт, вот вид с кургана.

Том-тура

Пойма-то какая широченная! И выше Таянова городища она вёрст на пятнадцать, и ниже уходит. Река тут петлю выписывает, холмы огибает, и только сверху видно, до чего славная пойма. Простор, дышать вольготно. А ну-ка башни встанут, какая даль с них откроется!..

За спиной, на горе здесь, чистый бор, не тронутый. Сосны прямые все, как спицы. Хватит лесу и под острог, и под посад, когда придёт ему время. А всего дороже обрыв над речкой — место само под острог просится: с трёх сторон защищено. Под Тобольский кремль так же место выбирали, да и под Московский, небось, так же. Вот зачем ты, Василий Тырков, прибыл сюда: разведка — дело государево. Оружие твоё — глаза и уши: смотри да запоминай. Записать бы сразу, да бумаги нет с собой. Пока продумать, в уме хоть набросать...

Пригорок за речкой, и кучка бедных юрт в елани. Скорее чумы, да ещё и середь дерев. Кто такие? Татары так жильё не ставят, другие там иноверцы, живут на особицу. И лица не круглые, вытянутые, скулы не так выпирают. Эуштинцы, конечно, не признают их своими: коней нет у них, в поход таких не возьмёшь. Юрточной горой кто-то из казаков назвал этот холм.

Юрты-чумы первым делом и заметили, когда строили малое зимовьё в устье речки. Опасались тогда скорого набега киргизов. Как с князем Таяном переговорил, как попал на правый берег, заглянул сюда. И узнал кое-что нужное. Старик на татарском языке плохо говорит, не сразу поймёшь, но знает ещё два языка. Про реку сказал: - Тоом — это нашего языка слово. Река — водная дорога, дальний путь повдоль мира. Из верхнего мира идёт она, от реки судьба твоя и твоего племени. Предки долго шли сюда, место искали. И горка вот эта — Уржат, тоже до татар так называлась, мы тут долго жили, а речка Ушай-га зовётся. Татарских имён у гор и

ручъёв тут нету, татары пришли не шибко давно. Только священное озеро они переименовали по-своему: Ак-коль, Белое, значит, озеро. А сами его не уважают, коней купают в нём. Наше священное место тут было. Духов-покровителей, деревянные головы посекали татары и в огонь бросили. Дела у Эушты с тех пор плохи — наказывают духи. Уже второй большой хан пришёл, ваш белый хан.

Поддакнул ему: - Какое слово наш государь скажет, тем оно и кончится. Под ним сто племён, не чета вашим чатам. Вздохнул старик, головой мотнул: - Против кыргыз никому силу не скопить. Плохое время, нету тишины. Не ваш хан, так Иренак придёт, калмыки придут. Нам-то всё одно, кому дань платить, мы давно данники, подождём. А двойной алман — это тяжело. Добрые духи никуда не ушли, здесь они, и мы у себя дома. Хоседэм злая, сына своего холодом убила, а Томэм добрая. Позовёт она, и вернётся сюда большой герой Ича, будет доброе время.

- Дай-то Бог... А чаты, с ними вера одна у вас? Они, как и вы, тоже татары?

- Нет, мы не татары. У татар другая вера, они тайги боятся. А здесь кругом духи наших предков. Они землю стерегут, их уважать надо, а татары их знать не хотят. Сперва одни пришли, за ними другие, потом на Кучума оцетинились, как собаки на волка, а куда им, - сильный был хан. Под свою веру всех гнул, чаты согласились, а Эушта только наполовину. Нельзя в чужую землю приходиться без согласия духов. Хочешь жить здесь — ручьям поклонись, утром священное озеро похвали.

- А сами-то вы откуда пришли?

- Мы тут всегда. Мои предки — самоеды, они здесь жили, пумпоколы потом, а татар долго не было. Они медведя ни на совет не зовут, ни на праздник. А медведь, он сам приходил недавно, священное озеро кругом обошёл. Это знак был, а никто не понимает: хорошего шамана нет.

- Ну и что с того, что приходил? Лес-то рядом.

- Священное озеро — остаток великого потопа. На горе озёр не бывает, тут воля Еся, верхнего бога. Тучи, молнии — всё его, дождь с ветром он посылает. Теперь-то поняли мы весть: Белый хан идёт. А сильный шаман сразу понял бы, кто весть посылает, - Есь-бог или хозяйка смерти Хоседэм. Её если не задобришь, она беду и смерть наслёт. Есь жизнь даёт, она забирает. А Томэм — мать тепла, она птиц на север провожает. Если она весть шлёт, значит, Тоом наша

сильно изменится. Всех просить надо, духи не любят гордых. Если для татар дурная весть, то для нас добрая.

Ага, языки его — пумпокольский и самоедский. Про самоедов, вроде, всё известно. Они выставили свою Пегую орду и побежали от первого залпа наших пищалей. А пумпоколы не в счёт, их мало. Енисейскими остяками зовут их, ещё кетами. Охотники, наверно, ясак будут платить. Хотя государь ведь не велел брать дань с тех, кто сами пойдут под русскую власть. Татары брали дань с них, а мы не будем. Да с кого тут брать-то, - десяток-полтора, небось, их чумов-то.

- А сколько у Таяна людей? Я слышал, всего триста юрт. Так или нет?

- Кто воевать способен, их триста, мужчин с оружием.

- Ну, какое это войско? Небось, и воевать-то по-настоящему разучились.

Триста юрт каких-то. Да и у соседей не многим больше. Эушта, хоть под Сибирским царём не была, а быстро сдалась бы. Разбери-пойми их тут, кто князь, а кто мурза. Одаривал князьков — подарки берут с важным видом, а ярлык не подписывают, боятся. И к соседу отсылают: - Вот ступай, посол, к Еваге, - сказал Ашкенеи. - Если он поклонится белому хану, и мы за ним. Евага отослал к Енюге, а Енюга к Таяну. Сказал: - Этот подпишет, ему деваться некуда, его землю вот-вот кыргызы отнимут. Так узнал про Таяна. Грамоту показал ему — поверил он, что его имя русский царь вписал в неё. Каждый верит, что про него эта грамота писана. Так и читал: *Царь и великий князь всея Руси зовёт тебя, князь Евага, под свою сильную руку и даёт тебе и земле твоей мир и верное береженье от всех врагов.*

Слушают, от гордости пыжатыся, потом в задумчивость впадают: - И от калмыков обереженье сулит? А знает ли белый хан, сколько их? А за ними Алтын-хан ещё. Сейчас они меж собой дерутся, а увидят ваше войско — помирятся. Что тогда скажешь? Мы тоже ссоримся, пока дальний хан не придёт. Нет, не оттуда ваш белый хан начинает. Победил Кучума — ладно, теперь с калмыками воюйте, а мы...

Ашкенеев городок в устье Томы-реки. Выше — Евагин городок, а ещё выше Таянов. Этот род зовётся Еушта, живут зимой на острове, летом — в заливных лугах. Разводят малорослых, мохнатых коней, а сена не ставят, кони добывают корм из-под снега. Держат овец и коров, сеют ячмень, охоту любят. Улус-то у Таяна мал, одно названье, что улус. Выше по Томе-реке улус князька Басандая, ему

тоже надо посулить защиту: царь-де ярлык даёт на обережение от киргизов. Царь от всех заступит. В этом убедить ещё надо.

Где им тут понять, что за Москва и сколько месяцев пути до неё. Знают только, что силён белый хан, раз победил Кучума. Впустую проехали земли Тигильдея, Ашкенея, Енюги и Еваги. У Таянова городка решили дать коням отдых. Кучка юрт на берегу, тёмная речка впадает тут в Тому-реку. Улус Эушта платит дань кыргызам. Про это ещё чаты рассказали. Друг про друга только плохое сказывают, а себя каждый величает. И у всех гордость под стать царю Валтасару: мы-де от сотворенья мира, от матери-волчицы, мы правильные. Про Таяна всерьёз и говорить не хотят, кто рукой машет, кто криво усмехается: не долог, мол, век его.

Вот почему Таян внимательней всех слушал государево слово, что *«царское величество их жаловал, велел в их волости для обережения город поставити и велел де их во всем беречи, чтоб им насильства никоторого не было... и братьев и дядей и племянников и друзей отовсюду призывали бы и волости полнили... чтоб их приучить, и поити их и кормити, государевы запасы и сукна им давати смотря по их служению...»*

Таян разговорчивым оказался, сразу доверие вызвал: в глаза смотрит, не то, что соседние князьки. Не очень стар ещё, в чуть перезрелой мужской поре, но в седле крепок. Старший сын подрастает, есть кому владенья отдать, если не утекут они, не уплывут в чужие руки. Живут его люди не бедно, скота много, но какие это князьки богатства — с десятков вёрст вдоль реки, вот и вся земля Таянова. А соседи жадно косятся, ждут заварухи. Понимают: вот-вот кто-то приберёт эти лоскутные улусы, чья-то сильная рука. Ждут, когда большие ханы передерутся.

- За чатами есть земля ашкитимов, большое там поселение на великой реке Умар, она ещё Обью зовётся. Оттуда купцы приезжают, шкурки скупают. Там и город есть. А телеуты, белые калмыки, они и степные есть, и горные. Абак у них князь, платит дань чёрным калмыкам, которые зовутся джунгарами. Эти враждуют с большой ордой кипчакской, а её и Кучум подчинить не сумел. Кучум взял Чатский и Мурзинский городки, а сюда не дошёл. Мурза Евага приезжал, уговаривал поклониться Кучуму. У него людей-то больше. А Басандай, соседний князь, за киргизов хоронится.

Ну да, и до Тобольска слух дошёл: чатские князьки сами искали русских, когда побили мы Кучума. Они жили как раз на Ирмени,

где с Кучумом покончено. Чаты тоже боятся чёрных калмыков. А белых, телеутов этих, в свою сторону склоняют, да не сумели, видно.

- Тигильдей, Ениюга и Евага — все родня, а всегда лаются. Кучум-хан не успел Эушту под себя подмять: знал, что в лесу спрячемся. Чатам скрыться некуда, они сразу признали его власть. Ваш белый хан, видно, сильней, раз поколотил его, Кучум-хана. Верный слух пришёл: калмыки посулили Эушту Басандаю. А телеуты не этого хотят, себе забрать решили, хотя те и другие под калмыками. Басандая не поймёшь, он, видно, у кыргызов врать научился: говорит, что он потомок хана Тохтамыша. Да мы же все одного корня, роды наши близки. А кыргызы ему верят.

- Значит, чаты и еуштинцы родством считаются? Или не так? Все ведь татары.

- Чаты не здесь раньше жили, на полдень отсюда, а потом сюда подошли со своими стадами. А раньше, до Кучума-хана, киргизы приходили, они теперь под калмыками, сами киштымы-данники, а с нас алман берут. Тронешь их — жди большой войны с калмыками. Эти хуже всех.

- Посмотрим... Абак чей князь?

- Он хан телеутский. Его и тайшой называют.

- То есть белых калмыков ханом?

- Они не калмыки, сами дань платят настоящим калмыкам. Тех, джунгар, много-много, но они далеко. Сами не идут сюда, князь Номча от киргиз их именем приходит. С чатами не договорился, а с Эушты алман берёт. Будет война — всем достанется.

Так-так. Их бы всех на киргизов натравить, вера-то разная. И не они опасны, а чёрные калмыки. Говорят, их видимо-невидимо. Ещё государь Иван Васильевич посылал двух казаков в их землю и дальше — к Алтын-хану монгольскому. Да, всё в большую калмыцкую орду упирается, в Джунгарию эту. Там и язык другой, и вера не та. А кыргызы живут многими родами в своей земле Бурутской. Басандай будто бы в дружбе с Немеком, но тот старик, не боевит уже, за него там Номча правит. Ходили и туда разведкой. *«Киргизская де земля кочевая, — поведали по возвращении, — живут в ызбах полстяных, а ходят в шубах и в зипунах, а едят рыбу и зверь бьют, а бой у них лучной. Лошадей и коров и овец много, хлеба не сеют, и не родитца... А сен де на скот не готовят... к зиме сен ставить на лошади и на рогатый скот негде».*

- А киргизы, они во что верят?

- Камлают по-своему. Камы у них не только мужики, но и бабы, и все разной силы. У старшего кама, говорят, девять бубнов. И особый кам на войну идёт. У них четыре главных улуса. Из них выбирают главного князя, а киштымские улусы не выбирают. Делятся на белых кыргызов и на чёрных — чайзаны и харачи. У чайзанов скота больше. И тубинцы под ними, и маторы, и сагайцы. Князь Немек по отцу власть имел, а под ним молодой Номча и Кара. У каждого свои воинские люди, каждый на себя алман собирает и с главным князем делится. Счёт убитых ведут по отрезанным ушам, в мешки их складывают. Есть там калмыцкая дорога, джунгары за данью приезжают.

Таянов род, Ашкенеев, Басандаев, Тигильдеев, Евагин... косятся друг на друга, как бы чужой кус зацапать. С Евагой и Ашкенеем, придёт пора, разберёмся. Не мирный, кажется, только князец Басандай. У него юрт, кажется, не меньше таяновых. Вот если он для защиты киргизов позовёт... Белые калмыки, или как их, телеуты — другое дело. Мурза Абак хитёр, говорят, и осторожен. И опасен он: людей у него будто бы до пяти тысяч. Мурза Тарлав — зять его, дружит с Аблайгиримом, внуком Кучума. А за него держится Когутей со своим улусом Барабинским. Абака послушают, говорит Таян, если он будет дружить с Москвой. А если ни Басандай, ни Евага, ни Ашкенеи не пойдут в служилые татары, да сговорятся, жди бунта от них... Острог, всё в нём, все концы сюда сходятся. Его и киргизам не взять, вот разве что калмыки.

А что в Москве знают? Что Золотая орда Тюменское ханство подмяла когда-то. Синяя Орда, пришло время, ей уже не подчинялась. Но её раздирала вражда шибанидов с тайбугинами. По местным сказаньям, улус по рекам Иртышу и Туре получил Тайбуга. Это он основал Ишимское ханство и построил Кизил-туру и Чинги-туру. Преданье возводит род Тайбуги к Ван-хану, которому служил когда-то и которого убил Темучин, будущий Чингисхан. Едигер, сидевший в Сибири-Искере, - тайбугин. Потому так зло расправился Кучум с ним, зарезал и собакам кинул. Сеидхан, племянник убитого Едигера, взял сторону Москвы, мстить стал Кучуму. Татары-тайбугины пошли в последний поход на Кучума и неплохо воевали. Трон под Кучумом зашатался, когда полонили Маметкула, лучшего командира в его войске. А когда Карача вышел из повиновенья, далеко откочевал, тут уж, считай, рухнул трон царя сибирского.

Сибирское царство само ведь упало Кучуму в руки, считай, даром досталось. Он увеличил ясак в десять раз, и остяки с надеждой смотрели на Ермака. А тот повёл себя правильно, брал-то по-божески. Ермак, он и умом, и напуском силён был. Всё это на глазах было, сам участвовал. Был Епанчин городок, стал Туринском. Побили Епанчу – позвали тогда на службу в Тобольск. Ходил против чатских татар и против Алея, сына Кучумова.

А вот Ермак...совсем рядом был, а уже поют о нём. Внукам легенды расскажут. А ведь он хотел, небось, устроить здесь свою, казачью, державу-вольницу. Без бояр и без холопов, со своим толковым кругом, со своим судом, казачьим. Наверняка так думал, вольную Иртышскую сечу видел за Камнем. Иртыш дальше от Москвы, чем Дон, и богатства здесь куда больше. Но сил-то мало, самому с сибирцами не справиться, пришлось царю поклониться. А царь хотел перевешать их за разбой, как татей. Кроме как в Сибирь уйти им некуда было: сибирское взятие покроет прошлые вины. На то рассчитывали: грозен царь, да милостив. А с татарвой воевать они давно научились, на воде не взять их было и большим ханам. А вот чёрные эти калмыки, или как их, джунгары...тут большое нужно войско.

Записать надо, как наказную память исполнял. Сперва придётся тобольскому воеводе подать грамоту: он послал разведывать. Потом, может быть, заставят всё повторить в челобитной царю.

Примерно так: Прибыл я, письменный голова Василий Тырков Фомин сын, в устье Томи-реки с малым числом казаков. Послан был для разведки и уговоров, чтоб убедить князей здешних стать под высокую руку государя и великого князя всея Руси. Шёл Обию рекой по улусу чатов до усть Томи три дни. Тома река не больно широка, а быстра и рыбна. Муксун рыба есть и нельма, и осётр, и тальмень, и стерляди много. В лесах лоси и медведи, и соболь есть. Татары по Томе и Оби живут родами со своими мурзами: Тоянов род, Ашкенеев, Басандаев, Тигильдеев, Евагин. Все с одним татарским языком.

Вдоль Оби стал улус чатов, идёт от Томи до Ирмени, где царя Кучума побили запрошлым летом. Чаты были данники его, сибирского царя, и веру басурманскую от него прияли. Рядом живут тако же татары, слывут Еушта, числом их не велико. Князь у них, еуштинцев, Тоян, страшится улус свой потерять и готов пойти под государеву высокую руку. Острог мочно будет ставить, еуштинцы в конную службу годны, в помочь городовым казакам.

Чаты в службу не пойдут, а воевать с великим государем страшатся и выжидают, что станется. Силу белого царя знают, а могут ли изменить и уйти в калмыки, того нельзя знать заранее. С киргизами миру нет у них, и войны тоже нету, потому как за киргизами калмыки. А выше Еушты правит князь Басандай, он потай сносится с мунгалами через киргизов, а своей силы и у него немного. Слух есть, будто улус Еушты тайша калмыцкий посулил мурзе Басандаю. Только у Тояна-князя склон в русскую защиту, и на разговор об остроге он, Тоян, сильно головою кивает.

А жила здесь, по слухам, самоядь сидячая, не оленная, сказывают, тут де было их мольбище. На горе при озере истуканы стояли, посечены татарами и в огонь снесены. А моление у них, у самоедов, сибирское — камлают с бубнами. Сказывал старик-самоедин: находили-де окрест железну руду и плавили, и ковали ножи да топорики. А Тома своим устьем пала в Обь под закат, по крутому берегу бор доброй стоит и всякой другой лес растёт, есть луга и поляны, скот пасти и сено ставить мочно. Земля к пахоте пригожа, а больших полян мало, рощисть нужна. Есть пригорок изрядной крутизны, то место под острог пригоже, понеже защищено с трёх сторон. Тут, на грани с немирными татарами, хороший нужен острог. Тем мы и киргизам заслон поставим, и белым калмыкам, и те улусы, что на полдень живут, под высокую царскую руку приведём.

Так бы написать, да бумагу побережь надо. Захочет Таян челобитную подписать — вот тогда последний лист пригодится. А пока смотреть да прикидывать, на то и разведка — ум и хитрость. Найди слабого и сделай из него упор для силы. Лаской больше добьёшься. Хотя добровольно-то кто пойдёт под чужую власть? Таких дурней на всей земле не найти. Когда большое войско придёт, победу за победой одержит — тут деваться некуда. А пока нет его, кто побежит навстречу сдаваться?

Пришла угроза жизни, - вот князьки и зачесались. Им пример был перед самым Ермаковым приходом, небось, все знают. Едигерхан написал царю Ивану Васильевичу, что грозит ему Кучум бухарский, просился под высокую руку Москвы. А царь большую войну вёл тогда ливонскую, не мог расколоть войско. Кучум пришёл и убил Едигера вместе с младшим братом, и тела, говорят, собакам кинул. Вот чего Таян боится. И хочется ему, и колетя: если что не так пойдёт, киргизы не пожалеют. Сказал ему, что государь-царь знает и помнит о нём, Таяне еуштинском. Пуцай гордится,

вреда нет. А не подумает, что слабосилен белый царь, раз о нём, маломочном князьке, печётся? Да нет, он же знает, как раскатали мы Кучума. А что у себя на Москве царь помнит про него, - так мудрый, значит. Знают, что царь русский великие города взял — Казань и Астрахань...

Имя острогу нужно. Таян своё название подсовывает: Том-тура. Мы, мол, свой город так зовём. Подумаешь, город: канава, бугор и тын жиденский, огородный. Жить хотят на левом своём берегу, от нашего острога отдельно. В Сибири был один город — Кизил-тура, где-то на Ишиме-реке стоял. Будто бы и ханство называлось Ишимским, а когда дело было, - разбери-пойми теперь. А может, Томским назвать острог-то? Там видно будет, главное дело — успеть за лето поставить его, пока киргизы не нагрянули. Штурмом им не взять: огненного боя нет у них. Тобольск ведь татары не смогли взять.

Берёзов, Сургут, Нарымский и Кетский остроги — благодать для служилого люда: спят таёжные племена, и сны видят старье-престарые, как тыщу лет назад. А степь кипит. Там резня народишки перетасовывает. Кетский острог ставили — думали: вид на юг приоткроется. Но там остяки кругом, а тут степь подпирает, в ней осколки больших орд. При дворе хана были советники — мурзы, управляли малыми улусами. У иных и собственные укрепленные городки были. Войско набирала там, когда хан объявлял поход, а после распада Большой орды сами не знают, кто они. И что может выйти? С той стороны татары обасурманенные, а с востока — кто они? Кому чёрные калмыки поклоняются? У них попы зовутся: ламы. И скоро видно будет, церкви ли будут стоять или... Не век юртам стоять.

Главное на сей день: считай, склонил Таяна под руку Москвы. Тут верное дело: привести его к шерти — будет служить и прямить во всём, измену чинить не станет: тогда смерть ему с двух сторон. Он ищет заступника: слабого здесь и родня порвёт. Князей-неслухов станет уговаривать пойти под государеву руку. Уже назвал своих соседей, с которых ясак взимать можно. И не соврал, старик-самоедин то же рассказывает. Положенье своё понимает, вроде бы, как надо.

Разве что побоится ехать так далеко, нигде, небось, не бывал. В отписке надо указать это. Зачем его в Москву везти, в такую даль? У него глаза округляются: три месяца пути — и всё земля Белого хана?! Всё равно ведь шерть-клятву не в Москве с него брать, а в

Тобольске. Ещё лучше в Сургуте, ближе к его земле... Понимает, что кучумовичи раскололись: одни под калмыков хотят пойти, другие от Бухары ждут помощи. А Бухаре на что нужна война с Москвой? На них самих калмыки-джунгары нападали...

Уговорил Таяна проводить к Басандаю. На Петровки двинулся малый отряд вверх по Томе, в гости, с подарками. Таян впереди со своим княжеским бунчуком трёххвостым. Мурза-князь к мурзе-князю в гости едет, равные они и родичи дальние. Ехали вдоль обрывистых берегов. Места красивые, но для острога нет подходящей горы. Таяновы конники улыбаются, угощение предвкушают. И на тебе — конная полусотня в кюях, в полном вооружении стоит. Луки вынуты, стрелы на тетивы положены.

Вот тут и поняли: цены нет Таяну в переговорах. Заговорил он пышными словами, и конники луки в колчаны спрятали.

- Честь тебе и поклон, храбрый Басандай! Слух о тебе дошёл до белого хана, он шлёт тебе с послем знаки великого уваженья. Для чего ты войско выставил, разве так гостей встречают?

- Непрошенных гостей — только так. Не звал я к себе белого хана.

- А он дружбу предлагает, хочет через тебя с кыргызами говорить. Обещает со всех, кто в дружбу пойдёт, не брать ясак. А кыргызы немало грабят, стада по пути угоняют. Не так разве? У них джут чаще, чем у нас бывает, голод через год на второй. Тогда они киштымам ничего не оставляют. А урусы хлеб имеют, у них голода нет. И от калмыков защитят.

- Такого войска, как у калмыков, нигде больше нет. Негоже нам, Таян, под далёкого белого хана идти. Придут джунгары, они не простят тебе. Пока белый хан дойдёт, тебя на кол посадят. А сейчас напирать будете — позову Аблайкирима, вместе придут и телеуты, и киргизы. Что делать будешь, Таян?

- А ты, Басандай, видел огненный бой урусов? У них большие таратайки дым и гром пускают и убивают за раз пять-шесть конников. Они самого большого Сибирского хана победили. А с ним кто из нас воевать мог?

- Джунгары. Просто дело до войны не дошло, а их много больше. Смотри, Таян, ох смотри. Нам меж собой драться не надо, пока нас не заставляют. А там... на всё воля Неба.

Ни с чем вернулись в Таянов городок. Зато ясно стало: дружбы от Басандая не жди, этот союзником не станет. Если кыргызы нагрянут, с ними он пойдёт, с ними. А пока выжидать будет. Белые

калмыки приходят торговать к нему, и есть их юрты, телеутские, на бору Тохтамышевом. Не стало сильного хана, и все хотят делить наследье его.

Пятнадцать лет прошло после гибели Ермака, Кучум-хан частью восстановил силу свою. Тогда послали на него из Тары конный отряд воеводы Воейкова. Четыре сотни казаков да служилых татар около того. В отряде Воейкова пошли соратники Ермака Иванов и Юрьев. Ехали мстить за атамана и дали волю своим пищалям и саблям. В Тобольске показывали письмо воеводы Андрея Воейкова, самому царю писано: «И пришел я, холоп твой, на Кучума-царя в двадцатый день на солнечном восходе, и бился с Кучумом-царём до полдень, и Божьим милосердием и твоим государевым счастьем Кучума-царя побил».

Долго искала разведка Кучумову ставку по перелескам, местные татары правду утаили. В Барабе, мол, он прячется, меж озёр, а он вот где – на Обь ушёл. Нашли огороженный стан «сибирского царя» в устье Ирмени-реки и ударили ранним утром. Спал Кучум, и воины его спали, с полтыщи их осталось. Тихо сняли казаки сонную охрану, тихо, в полутьме подошли к шатрам, и грохнул залп в полутьме. Сделать хотели с татарами то самое, как они с Ермаком. Только тогда-то казаков всех зарубили, кроме одного, который Иртыш перешлыл, а тут полон богатый взяли.

А всё же не совсем ошеломил кучумовцев пищальный залп, с восхода до полудня бой шёл. Приступом, сквозь тучу стрел, взяли стан, прижали отряд к Оби и загнали в воду. Погибли брат и внуки Кучума, шесть князей, пятнадцать мурз и триста воинов. В плен погнали пять сыновей-кучумовичей, пять ближних мурз и полтора ста воинов. Сам-то властелин сибирский прорвался к воде и ушлыл на другой берег. Долго гнались казаки вдоль берега, но ушёл Кучум, опять ушёл.

Да, громкий был бой ирменский, жестокий для татар, для казаков славный. Внукам будут рассказывать, как рухнула власть того, кто назвал себя царём сибирским. Отшатнулись от него степные племена, один за другим присягали русскому царю. Теперь вдоль Оби надо расширять земли государевы, а там уж и на восток продвигаться.

К чатам подался Кучум, к своим данникам, приткнулся в Чёртовом городище, а там ему на порог указали. Побежал Кучум на юг, к ногайцам, а уж те его и укокошили. Там жили потомки Едигера, убитого Кучумом. Воейков ещё раз послал Кучуму

приглашение царя Бориса перейти со всеми своими людьми на русскую службу — отказался злосчастно-гордый владыка сибирский.

С этой победы взоры Москвы на юг обратились: взять всё царство Кучумово, всю Сибирь. Едигера царём не называли, хотя владел-то он тем, что отнял у него Кучум. Почему так? Он не из рода чингизидов, в этом всё дело. Сына Кучумова живым взяли и в Москву повезли — для клятвы, для законности. Поедет Таян в Москву, даёт согласие... Пример для других князьков. И вызов для сильной орды...

Как действует кумыс на татар: лица добреют, глаза яснее. По горлу сам катится. Всего-то кобылье молоко сквашенное, а не хуже нашей браги. Стал Таян любопытствовать про род и звание. Видать, славные были предки, раз послом великого Белого хана стал?

Сказать ему, что из худородных, — зачем? Запутается. И на Руси-то уже редко кто помнит, откуда взялись дети боярские. Опосля можно будет растолковать, что это ближняя челядь, какую бояре на войну с собой берут... Татары видят, что русские мурзы не кичливы, совсем не как у них. Привыкли в орде одни титулы уважать, чванятся друг перед другом. Таян — бик-мурза, но, считай, беззащитный. Станет за царскую спину — себя возвысит, не станет — уронит. Чёрных калмыков боится, они родовитых первым делом режут... Видит, что перед ним воин, и ладно.

- Род мой служилый, и я сын боярский. До письменного головы дослужился, когда Епанчу в полон взял.

- А боярин — это набольший мурза? Так говорю?

- Бояре, они разные. В дети боярские лучшие из казаков выходят. Когда боярин на войну идёт по приказу царскому, он своих людей ведёт с собой, коней даёт им и оружие.

- Значит, дети батыров? К таким Небо-Тенгри благоволит. А главный ваш батыр почему не пришёл сюда? Как его — Ярмак?

- Ермак-то? Ну, он дело знает. Ждёт, что калмыки содеют, всех казаков проверяет, велел готовиться.

Ага, и здесь имени Ермака боятся. Это нам на руку будет, не грех и приврать. Этот князь-мурза со стариками-татарами, конечно, советуется, слушает, что скажут. А старикам что, - им по старине жить охота.

И без того было беспокойно, а тут Кучум велел всех в новую веру склонять. Камов, творящих заклинания, пророк велел-де наказывать, а есть праздники, где нельзя без них. Да хоть праздник

плуга, сабантуй. И старых геров забывать опасно. Сартакпай создал реки Умар и Том, - как не помянуть его в праздник? Все, кроме Шайтана, подчинены Аллаху. Трон Аллаха на седьмом небе, выше Тенгри, а мы их вместе поминаем. Старикам трудно было привыкнуть, не то, что молодым: не разгневались бы предки на нас, не подумали бы, что отвернулись мы от них.

По-стариковски Таян рассуждает:

- Тенгри-Аллах в первую голову тех наказывает, кто клятвы нарушает, предков не чтит. Такие после смерти попадают в плохое место, где никогда нет солнца. Старики помнят, что ад ниже земли, и там всё наоборот. Кто богатство неправильно нажил, там в цепях ходит. Предатели там вечно на колу. С врагами мирятся рано или поздно, а предателей никогда не прощают.

Беспокойные ночи пришли в Эушту. Стон поселился в юртах, сны пришли невиданные: яма над ямой на всех горах, и торчат из них головы на кольях. Огнём телеги плюются, от огня сосны валятся. Идут старые мурзы к Таяну: растолкуй нам слова твоего гостя. Чего хочет Белый хан? Что ты задумал? Не пригонят ли урусы свои стада к нам? Нет, нет, Белый хан прислал мне ханское писание с клятвой: убережёт нас от кыргызов, а ясака брать не будет. В друзья зовёт. Завздыхали аксакалы, заохали, как узнали, что князь их собирается далеко ехать, на поклон Белому хану. Узнал это и Басандай и сейчас же послал гонца на Чулым, ушла весть дальше – на Енисей к кыргызам.

Уже всё на войну указывает. Всему ответ острог, только на него надежда. Споровить надо до глубокой осени. Сотня казаков за лето не поставит, под двести надо бы, не меньше. А где взять их тут, в Сибири? Одни – сосны валить, другие – волочить их конной тягой. Свежеошкуренные-то стволы скользят по земле легче. Третьи – копать землю, брёвна палить снизу, сверху затёсывать. Сколоченная артель нужна. Кто с топором, пали ставит, кто чурками землю трамбуется, кто брёвна на стену катит. А уж башни ладить, тут тем паче мастаки нужны, чтоб рука цепкая, глаз набитый. Ну да не впервой... Устоит острог – поверят ближние татары в царское обереженье, пригihnут и южные соседи.

Согласился Таян плыть вниз, в Сургут – для клятвы-шерти. Дело сделано! А там и в Тобольск свезут его. Где даст он шерть, это дело пятое...

А пока в Сургут отбивал сам письменный голова. Уплывал по течению и на повороте ещё раз оглянулся на гору. Светлый бор

стоит, тихо радуется. Чему — величию близкому? Возьмём шерть с Таяна — застучат топоры. Другая начнётся пора здесь — русская. Лицом, главными башнями, на север острог смотреть будет. С севера угрозы нет, и не будет её. Главная опасность — левый берег. Пушки на башнях, их голос убедит степняков. Наскочут с огненными стрелами да с факелами, а со стены — залп пищальный.

Наверно, сперва сделают кыргызы малый набег, потрогают стены для разведки, а уж потом, через год-два придут большой силой... Их-то штурм отобьём с Божьей помощью. А на осаду они без калмыков не решатся: из Кетского острога, из Нарымского подмога успеет. Вот с калмыками миру не будет, или мы их, или они нас. Хозяиничают здесь, в Сибири, всеми племенами владеют. В степь пушки против них не повезёшь, а на башнях острога они хорошо себя покажут. Быть здесь бою, не миновать его. Не с одним набегом пойдут, да и числом не малым.

А ну как вся степь разом двинется с юга. Как устоим? Объединятся орды — где воинских людей наберётся? Пришлют сто казаков, ну пусть даже двести, - что это против степной орды? Одних белых калмыков, говорят, тысяч с пять, за ними чёрные, а тех кто сосчитал? Скажет контайша своё слово, и пойдут волна за волной, сверху кыргызы, снизу барабинские татары. Выстоим! Не в силе Бог, а в правде.

Выстоим — пашенный народ повалит, овины и мельницы понастроит. Церкви встанут, колокола зазвонят. И сила, и правда с нами будет. Встанут стены над обрывом, и чаты начнут селиться окрест города на правом берегу, станут служилыми татарами.

Подтвердился расчёт Тыркова, подтвердились и опасенья: только поднялись стены — пришли кыргызы. Взять острог не смогли, куда там, а сами полегли немалым числом. За три месяца и двадцать дней встали белозвонкие стены и башни. Татары, не только зуштинцы, но и чаты, подъезжали вплотную к реке и долго смотрели, как на сказку. Появлялись и белые калмыки, застывали и пятили коней в улус Басандая.

А потом в своих кочевьях на Оби разрешили чаты поставить Чаусский острог. Но долго ещё была в них шатость, а в зуштинцах её не было. Мурза Тарлав женился на дочери Абака, князя телеутского. Дал клятву-шерть на русское подданство, а потом бежал к тестю своему, к телеутам. А те шатнулись к джунгарам. Пришёл Тарлав набегом и сжёг свой Чатский городок, немало

побил и русских, и татар. И погиб в первой же серьёзной схватке. И всё же потомки его были мурзами с государевым окладом. А вот потомки Басандая титулов не получили, мурзами не были.

Ясак платить надо восточным ханам, а не белому царю, - так внушал Басандай соседям. Нападать велел на русских в лесу и на дорогах, жечь поля и деревни. Когда накатились кыргызы с Енисея, Басандай с ними пошёл — и погиб под стенами ненавистной для него Том-туры. Прогадал Басандай, а Таян — нет: освободил царь Эушту от ясака, а все соседние племена платили. Четыре набега выдержал Томский острог, и всегда эуштинцы были союзниками. За верную службу получил Таян царские подарки. Поехал «белых калмыков проведать» и остался заложником, пока Абак ездил в Томск и давал клятву на подданство. Присягнул Абак на верность белому царю... и изменил. Потом просил обереженья от Алтын-хана монгольского, а в обмен — беспошлинную торговлю под Томском.

Хитёр был Абак, всех хотел объегорить. *«Царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку, да рубашку золотую, да колпак, да сапоги, а мурзам по однорядке настрафильной и людем ево по однорядке рословской. Без ясака почали часто з базаром и лошадьми и с коровами приходить в Томской город, и лошадьми, и коровами служивые люди наполнилися в Томском городе... Обак и мурзы подкочевали со всем улусом за день до Томского города. Велели Обаку черных колмаков призывать».* А ясака с телеутов поначалу не брали: ждали согласия на постройку острожка на границе Алтая. Абак же тайно сносился с Хара-Хулой джунгарским. А тот уже перешёл Салаирский кряж и велел идти с ним на русский город. Подчинился Абак и взял Чатский городок, что на дороге между Томском и Тарой. Но когда джунгары с кыргызами готовились напасть на Томский острог, Абак предупредил. Опять клялся в верности московскому царю, как ни чём не бывало.

Когда Тарлав «вышел в Белые колмаки», войско телеутов и чатских татар двинулось вниз по Оби и погромило земли мурз, верных московскому царю. Сожгли несколько городков и «ясачную Шагарскую волость». Ждали прихода Аблайгерима барабинского, чтобы разом сжечь Томский город и Кузнецкий острог, только что построенный.

А Василий Тырков, известно, служилый человек, вернулся на Томь, поставил Томский острог, и в Тобольск его отозвали. После воеводствовал в Томске, потом отправили искать сыновей Кучума.

Они рыскали от Иртыша до Оби, избы разоряли, служилых людей убивали.

А как прибыли воеводы из Москвы, так и пошла кривда — лихоимство с поборами. Был твёрдый царский указ: *«С бедных людей, кому ясаков платить не мочно, по сыску имать ясаков не велено, чтоб им нужды не было. И они б, сибирские земли всякие люди, жили в царском жалованье, в покое и тишине без всякого сумления...»* И если воеводы *«насильство и продажу чинили, ясак имали не по государеву указу вдвое — и государь велел на тех людей давать суд...»* Но из Сибири-то до царя вон как далеко, а дармовое богатство в руки так и просится. Воеводы Ржевский и Бартенёв на службе *«ясашных людей пытками пытали и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы и собаки и рыбу и жир, чем они сыты бывають, имали насильством»*. Наглým своим поведением довели воеводы дело до войны с кыргызами, и тлела-тянулась она полвека. И на бунт толкнули народ воеводы, погибло при усмирении немало служилых. Это при бедности населения. Царю жаловались казаки: их *«в Томском городе служилых людей немного»*, и никогда они вместе не бывают, всегда на границе Эушты или в разъездах. И год за годом в нужде.

«Да в прошлом, государь, во 142-м году весною гневом праведным божьим, как Томь река вскрылась и пришла на посад вода со льдом большая и дворишка у нас, холопей твоих, водою и льдом сломало и хлеб и скотинишка потопила и всякий лес от дворишков и с пристанищ и рубленные всякие хоромишко водою разнесло разно... и мы, государь, холопи твои, в три годы в тех хлебных недородах и водных потопах хлеб покупаючи такую дорогою ценою, обнищали и задолжали великими долгами, и в тех, государь, покупках хлебных, мы, холопи твои, оружие и панцири, и шеломы, дворишка свои и кони и всякую сбрую иззакладывали и спродали, а нынеча, государь, мы, холопи твои, от той хлебной скудости иззадолжали и обнищали и вконец погибли».

А как подняли пашню, город сразу превзошёл два ближних острога, Нарымский и Кетский, скоро заслонил он и Сургутский. Одни переселенцы занялись ремёслами и торговлей, другие получили землю под пахоту, косьбу и пастьбу скота. Потом учредили ямскую повинность вместо ясака — татары грузы перевозили в Тобольск, а потом и в Иркутск. Расцвёл санный промысел и тележный, коней скупали в степи, кузни застучали, мельница появилась. Рос город, по сибирским меркам, небывало прытко и породил несколько острогов, больших и малых. Человек-

то в Сибири, оказалось, крупнее смотрится, чем на Москве. И память о нём здесь дольше хранится.

И на Кондому, и на Бию, и на Енисей, и на Лену ходили томские казаки. А с Лены и на Амур вышли, и на океан. Голодали на зимовьях, да и в остроге терпели нужду в хлебе. Пашни малы ещё, а *«город от иных от всех сибирских городов удален, место украинное; а около, государь, Томского немирных орд и степных и всяких вольных людей много безчисленно и мы, государь... все живём в твоих государевых службах и в посылках, и на караулах безпрестани»*.

Отцом многих острогов стал городок — Кузнецкого, Енисейского, Красноярского, Ленского, Бийского... И головы свои томские люди сложили далеко на востоке, когда ставили города на Амуре, на Лене и на берегу Тихого океана.

Встреч солнцу

Слава казачья, как она по Сибири шла? Не на конях, а на шитиках, на стругах да кочах. Казаки тут больше веслом, чем саблей, махали. Ты вот подумай: от Урала до океана восточного — за полвека! Первый шаг на восток, а второй на север. А загляни в отписки атаманов — узнаешь, каково было: «Вмёрзли шитики в лёд до весны», «едим траву и коренья». Ещё как бедовали на зимовьях-то. Иностранцы тоже не с хлебом-солью встречали, судёнышки-то, бывало, все стрелами утыканы.

Лет за восемь до Ермакова похода послан был за Камень князь Лыченицын с войском. И чуть ли не все служилые побиты были, на Русь-то мало кто возвернулся. Брешут, будто кучумовцы худо воевали, татары, они искони воисты. А Ермак Тимофеич, он и того крепче вышел. С малой пришёл дружиной и Сибирь-город взял, и Кучума гордого согнал. А было это в лето семь тысяч деяности первое. В грамотёшке-то силён? Если нет, растолкую. 1492-й год считали как семитысячный от Адама, вот к нему и прибавляй девяности один. Выйдет 1583-й. В котором году какой город ставили и какие дети боярские, и сколько письменных голов, сколько простых казаков было, — про то есть расспросные книги в Сибирском приказе, и в каждом остроге своя книга записная.

А шли-то казаки по длинному уху: от иностранцев услышат про новую землю и айда в поход: «А улус тот зовут Атувас, а князь в нём Тормоши, а от Тормошина улуса ехати за Утчеркукуш, а в нём князь Каракула, ехати до того улуса 5 дней. От Каракулина улуса ехати до улуса, а в нём князь Чистаки, ехати 5 дней, а от Чиняева улуса до князя Тангичирика ехати 5 дней, а от Тангичирикина улуса до князя Чертику ехати 5 дней, а от Чертурова улуса до князя Сеченнос ездю 4 дни, а от Чиниева улуса до Таинскатут ехати 4 дни, а от Тыскатулина улуса до царя Бушкuty ехати 3 дни...»

Четыре года от убиенья Ермакова прошло, а уж стояли остроги Обдорский, Сургутский, Кетский. В 109-м — Томский острог, из него уж Кузнецкий заложили и Енисейский. В них воеводы своим

столом сели, ясак брали. Промышленные люди сразу со служилыми шли. У этих особый нюх на мех-то, а куда им без казаков — мигом перебьют. Зимовье поставят, из него уж острог вырастет. А в диких местах зазимовать, да без хлеба! Да цинга-то не падит нашего брата, да иноверцы хитры. А всё равно коч ходит — следу не ронит. И честь себе не пицалью одной добыли, а смелым напуском.

У здешних рек свои прихоти, шитики-плоскодонки по их норову. Но какие зигзаги крюки-делали на них! От Тобольска вниз до устья Иртыша, потом по Оби встреч теченья и тут свороток в Кеть не прозевай. Там опять гребни, одолевой стрежень до обско-енисейского волока. А волок тот не малый, вёрст девяноста, на нём Маковский острожек поставили. От него до Енисея уж рукой подать. Как Енисейский острог возвели, из него Красноярский ставили. За десять лет пять раз сожгли его киргизы, шестнадцать деревень вокруг спалили, в полон немало народу угнали. И первый Абаканский острог сожгли, и Саянский.

Острог поставили, приехал воевода — и конец казачьей вольнице. Воеводы, они же драли и с правого, и с неправого, и с инородца, и с русского. Люди, вроде, разные, но алчность за правило: а зачем бы они рвались в глухую Сибирь. Зачем по рекам да по тайге шли? По северу ведь, а не по тёплому югу. Думал ты об этом? Соболь манил, мех не зря чёрным золотом называли. Ясак-то чьё, думаешь, слово? Монгольское, - вишь, у кого научились. Приходит казачий отряд, берёт главных из племени, выкуп за них требует. А князьков к шерти склоняли, это клятва на подданство белому царю. Тут уж смотря по обычаю тамошнему: кто на медвежьей шкуре клялся, кто нож целовал, а кто шайтанов просил в болоте задавить его, если он от клятвы отступится.

Первое из чудес тут — Мангазейский морской ход. На кочах до Оби дошли вдоль берега Студёного океана. Зимовье поставили близ Обской губы, возвели из него городок, мягкую рухлядь возами в Москву везут. Из Мангазеи Пенда пошёл за своей звездой. Небывалый бросок: из Мангазеи на Енисей, а по Енисею до Нижней Тунгуски и три года пробирался в её верховья. Оттуда до Лены, обратно пошёл к Ангаре, потом из неё в Енисей. Пянда он или Пенда, только первым вышел он на Лену. И Ангару почти всю прошёл, и через пороги в своё Туруханское зимовье живым вернулся.

Или Пётр Бекетов — вот умная голова! Юнцом ещё в Сибирь пришёл, тут и обородател. Братский острог с войнишкой ставили, а братья-буряты, они сильно воистые. В стрелецкие головы произведён тут, и в Ленский острог его послали, а там в ту пору самые важные дела деялись. Острогов он с десятков поставил, да каких: Братский, Якутский, Читинский, Нерчинский. Платить ясак склонял инородцев лаской да обещаньем. Ну, одекуй везли — бусы, стекляшки разные, там это в диво.

И на Байкал Курбат Иванов тоже из Якутска прошёл. Острог Иркутский, считай, через десять лет ставил Яков Похабов. А как Байкал пройдёшь, там-то — хо! — там уж Амур никак не минуешь. Поярков первым про Амур написал, река-де велика, ячмень там родится и овощ всякая.

Хабаров прямой путь нашёл из Якутска на Амур. Ероха был, Ерофей Павлыч стал. Отряд сам справил, на свои деньги, и айда на юг да с боями немалыми. Байкал обошёл с востока, пробился на Амур, первый чертёж Амуру составил. Грамотный человек был, нет ему ровни. Он сперва ведь промышленный был, пушниной торговал на Лене, землю пахать почал. Там же мешок сухарей стоил столько же, сколь и мешок со шкурками. О, Хабаров — это Ермак и Строганов под одной шапкой. А земли-то по Амуру-реке сплошь благоцветущие. Ну, прямо в рай зашли разбойники! «Да на той же реке мунгалы емлют серебряную руду, а у той руды серебряной, на той реке стоит китайского государства порубежный город...»

А на каждом шитике свой Пахом-рукосуй сидит-посиживает. Он, хитрюга, у кормила, у руля пристроился, ему вёслами махать вроде как не почину. А как растрясут казаки ясырей-заложников, отберут у них соболей, он тут же половину их скупит по дешёвке. Скупит сухари привозные и продаёт их втридорога тем же, с кем на неведомую реку ходил. И смотришь, воевода с ним уже за ручку здоровкается: здорово ли поживаешь, Пахом Иваныч? А все кругом Ивашки, Тришки да Никишки. Казаки иные, а первой других атаманы-сотники, смотрят да на ус мотают. Ерофей Хабаров на Лене пахать стал, соль варил, на свои деньги отряд собрал и айда на Амур. А уж там развернулся — побежали инородцы с родных мест. А того круче Атласов, совсем уж разбойник.

Или Михайла Стадухин, этот полторы тысячи вёрст Охотского берега описал. Сам составил чертёж всех мест Якутии и Чукотки. Он и реки Колымы открыватель, острог Нижнеколымский ставил. Куда как бесстрашный был, а худая слава шла: бунтовщик и грабитель.

Он же отряд Дежнёва ограбил, когда тот с заморным зубом-то возвращался. Еле-еле живые шли, а нарты волокли на себе. Да и Хабаров жесточью своей недалеко от него ушёл, недаром дважды под стражей сидел. За то уж в боях, тут нет им равных. В темнице не раз сиживали, под судом бывали, свои же казаки убить не раз хотели. Одно слово — отпетые головушки.

Иван Москвитин — этот другой был, первым вышел к Охотскому морю. Службу казачью начал в Томском остроге, в дальние походы хаживал и в Якутск попал. Пишет воеводе: тут вдоль по морю большого зверя морского бьют. Значит, и нам можно, наши кочи лучше будут. И богатая же земля: «А те де реки собольные, зверя всякого много и рыбные, а рыба большая, в Сибири такой нет, по их языку кумжа, голец, кета, горбунья, столько де её множество, только невод запустить и с рыбою никак не выволочь».

А Дежнёв, наверно, самый честный был. Он из поморов, на севере вырос. Семён Дежнёв и Федот Попов на семи кочах вышли, человек девяноста их было, а только с одного коча живые-то вернулись. Рыбий зуб они искали, или как его, клык моржовый, и нашли его немало, да мало довели — много недель в снегу ночевали. Кто-то скажет: те, мол, погинули, а Семёну вся слава досталась. Какое там! Потерялись в Сибирском приказе его расспросные листы, их же через двести лет нашли-то. Его в Москву вызвали, а как он там обсказывал, я напому: «А иные товарищи побиты, и остались невеликие люди и побежали с одною душою, не знаю де куда». «С одною душою» — это совсем уж налегке, без снаряженья, без припасов.

Коч Семёна тоже крушенье потерпел, и с него не все вернулись. Лыжи изладили и шли с нартами до Анадыря-реки два месяца с половиной, 12 человек в живых осталось. На Анадыре голодную зиму пережили, лодки изладили и вверх по Анадырю пошли. Тут подпитались, зимовье построили, потом его Анадырским острогом назвали. Это ведь что было — первое наше поселенье на Чукотке. Непростой, видать, человек был он, Семён-то, раз понял, что из одного океана в другой прошёл. Как Необходимый нос обогнули они, тут и смекнул: солнце-то слева всходило, а теперь встаёт сзади.

Про русско-чукотскую войну слыхали? Она ведь лет сто тянулась, а никак и того больше. Ясак-то они отродясь никому не платили, вольный народец. А другие давно уж данники, им всё едино, кому платить, что хану, что белому царю. Все везли шкурки на нартах, а чукчи — на тебе, с боем идут.

Вот не простое имечко: Владимир Атласов, пятидесятник из Якутска. В наказной памяти велено ему было вверх ходить для ясажного сбора, а он и вниз по Камчатке ходил. Камчадалы и коряки меж собой давно воевали, и коряки пошли с русскими. Атласов составил две сказки о Камчатке, обширное дал понятие и о животных, и о растеньях. А жесток бывал, взбунтовались казаки и убили его, атамана своего убили. Такая ему вышла плата за то, что Камчатку к Русскому государству присоединил.

Гибли они немалым числом, хоть служилые люди, хоть охочие. Жалованья хлебного по десять лет не видали. Но их силой государство прирастало, Сибирь просыпалась. А границ-пределов земли сибирской никто ведь не знал, ни где она кончается, ни сколько ещё языков в ней.

Тюрко-монгольская Сибирь подчиняла Русь на конях, а казаки пошли на восток по рекам, как варяги по Древней Руси. Больше ста лет в русской Сибири были только речные пути, и города строили по рекам.

Первыми построены были остроги: Тюменский (1586), Тобольский (1587), Берёзовский (1593), Тара (1594), Обдорский (1595, ныне Салехард), затем Кетский (1602) и Томский (1604).

Вместе с казаками шли промышленные люди, добытчики пушнины. Первые казаки были южане, с Дона, охочие же люди – северяне. Семён Дежнёв и Ерофей Хабаров – устюжане. Историк Словцов писал: «Сибирь обыскана, добыта, населена, обстроена, образована всё устюжанами и их собратией». Казаки – служилые люди, завоеватели, а обживание края, или колонизацию, начали промысловики, люди вольные. В низовья Енисея они проникли ещё до похода Ермака. Мангазейский соболь и подтолкнул к объясачиванию самоедов и тунгусов. Но соболь истощился быстро, и Мангазея потеряла своё первенство, его перехватило Туруханское зимовье на Енисее. А притоки Енисея вывели на Лену, с неё и шло освоение Северо-Востока.

Честь открытия Охотского моря принадлежит отряду томского казака Ивана Москвитина: «А шли они Алданом вниз до Май реки восьмеры сутки, а Маею рекою вверх шли до волоку семь недель, а из Май реки малою речкою до прямого волоку в стружках шли шесть дён, а волоком шли день ходу и вышли на реку на Улью на вершину, да тою Ульею рекою вниз стругом плыли восьмеры сутки

и на той же Улье реке, зделав лодью, плыли до моря до устья той Ульи реки, где она впала в море, пятеры сутки. И тут де они на

устье реки поставили зимовье с острожком». В 1645 году Василий Поярков достиг северного побережья Сахалина. Ерофей Хабаров прошёл по Амуру в 1649 - 1650 годах. Издалека, в Москве смогли оценить эти открытия далеко не сразу, лишь через десятки лет.

Братская земляца — откуда такое название? Слово буряты русские слышали как быраты и острог рядом с ангарскими порогами назвали Братским. С Ангары по притоку её Илиму вышли на Лену, поставили острог в Якутской земле. Служилый человек Михаил Стадухин открыл в 1644 году реку Колыму, в устье её поставил зимовье (Нижнеколымск) и первым сообщил о многочисленном народе — о чукчах. Лена, одна из самых длинных рек мира, дала казакам небывалый разворот. В верховьях её они слышали о большой воде и вслед за эвенками назвали Байкал морем. Курбат Иванов составил «чертёж Байкалу и в Байкал падучим рекам и земляцам». На помощь ему послан был сын боярский Иван Похабов, он и поставил Иркутский острог. Первую весть об Амуре принёс атаман Галкин. Он заложил Баргузинский острог, а из него двинулись в Забайкалье.

Пролив между Азией и Америкой носит имя Беринга, но на 80 лет раньше его прошёл Семён Дежнёв. Об открытии Дежнёва, сделанном в 1648 году, известно из челобитной, найденной через двести лет после её отправления. В 1648 году отряд под водительство Федота Попова пошёл по Ледовитому океану вдоль берега Чукотки. После нескольких бурь уцелел один коч Дежнёва, но и он был выброшен на берег после того, как обошёл Чукотский полуостров. После крушения десять недель отряд Дежнёва (25 человек) шёл к устью реки Анадырь, и здесь погибло ещё 13 человек. Остаток отряда, 12 человек, всё же вернулся в Якутск. Дежнёва вызвали в Москву, и здесь он получил жалованье, не выданное ему за 19 лет, награждён, наконец, званием атамана. Сути же географического открытия и в Москве тогда не поняли.

В 1697 году пятидесятник Владимир Атласов прошёл почти всю Камчатку и «объясачил» камчадалов. Отряд он организовал за свой счёт (деньги в долг взял у воеводы). Полуостров оказался на удивление людным: встречались поселения по 200 - 300 юрт. Камчадалы просили помощи против своих соседей чукчей и коряков и согласились платить ясак под этим условием. Здесь шла многолетняя война, а это русским было на руку. Но после этого

боевого союза камчадалы не раз восставали и нарушали все договоры, как и чукчи.

Предприимчив был Атласов, смел и отменно жесток. Однажды он отнял у торгового каравана китайский шёлк на огромную для того времени сумму – около 17 000 рублей – и обидел казаков при делёжке добычи. Грабил он и русских купцов, за что и был посажен под стражу. Когда же объединились вчерашние враги, коряки и камчадалы, Атласова выпустили из тюрьмы, ибо только он мог погасить сопротивление. Но после победы с ним расправились подчинённые ему казаки (в 1711 году). Первооткрывателем Камчатки Атласов не был, но первым прошёл полуостров с севера на юг и с запада на восток и, главное, описал его. Это описание – одно из самых важных в познании восточных пределов России.

Отряду Копылова, томского казака, тунгусы рассказали о «большой реке Намур»: там сеют хлеб, разводят домашний скот, добывают серебро. И в 1643 году отряд Пояркова проплыл до устья Амура. Половина отряда была перебита, обратно Поярков возвращался около трёх месяцев, зазимовал в построенном острожке, первом на побережье Тихого океана. В 1646 году Василий Поярков вернулся с остатками отряда в Якутск и отправил отписку: «... а те землицы людны и хлебны и собольны, и всякого зверя много...». Следом, в 1647 году, построен Охотский острог – русские закрепились на Тихом океане. Правда, тунгусы сожгли острог, но вскоре был он восстановлен.

Амурская эпопея оказалась затяжной. В 1649 году Ерофей Хабаров с небольшим отрядом сорвиголов сделал набег на побережье Амура. Сильно удивила казаков встреча с «бородатыми людьми»: «А бой де у них топорки, а сами были все в кужах збруйных. А русских де людей те бородатые люди называют себе братьями. А живут де те бородатые люди к той же правой стороне в лето по Муре реке (Амуру) дворами, и хлеб у них и лошади, и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут со всего обычая с русского». А дальше отряд встретил сильное сопротивление со стороны манчжур, даже «огненный бой».

Ерофей Хабаров подтвердил донесение Пояркова, что по Амуру живут «люди пахотные и скотные, и в той великой реке всякой рыбы много против Волги... да и против всей Сибири будет место украшено и изобильно». Однако дауры отказались платить дань: «Даём мы ясак богдойскому царю» (китайскому). Дауры оказали сильное сопротивление, но казаки взяли их укреплённый городок.

И тут появилось сильное маньчжурское войско, располагавшее «огненным боем». Манчжуры многократно превосходили числом, и пришлось Хабарову отступить. Через два года Хабаров собрал новую партию охочих людей, поплыл вниз по Амуру, приводил дауров и нанайцев «под высокую государеву руку». Война с Китайской империей, подданными которой были дауры, устрасила Москву; от быстрого захвата Амура отказались. Только через двести лет русские овладели этой рекой. Первый мирный договор с Китаем был подписан в Нерчинске в 1689 году.

Взятие «ясыря», устрашение стойких и задабривание склонных к конформизму — эти меры заимствованы казаками у ордынцев. Казаки славились отвагой и жестокостью, вольнолюбием, духом непокорства. Первый этап русского покорения Сибири — завоевательный, второй — обживание, или колонизация.

Да, когда-то ведь и Днепр, и Дон, и Поволжье были районами славяно-русской колонизации. Самые интересные обобщения на этом пути сделали евразийцы: победа «леса» над «степью» была больше хозяйственной, чем военной.

Ермаки-Кучумы

Теперь-то Ермохи, село наше, на слуху, а сперва ведь починок в один двор был, и на сто вёрст кругом ни души. Тут, брат ты мой, лиха нужна головушка. Идёт сакма, конная тропа, да и по ней-то раз-другой за лето казачья сотня проскачет. Зимой волки поют, а летом того и жди орда нагрянет. Заимка выросла — уже три семьи, и названье боевое: Ермаки. Кто первый жил, это в нашем роду все знают. А как из Ермаков вышли Ермохи, никто не упомянет.

Раненый казак отселился, с жёнкой и с дитём за Томь отъехал. Землю им давали — бери, сколь подынешь. Городов хлебных мало было, сплошь нехлебные. В новый город с опаской ехали, чё уж говорить про подстепье. А земля всёжки родюча, только поту не жалей. А рыбы в озёрах! Где ты в Рассее столь её видал? И карась в озере, и бела в реке — муксун да нельма.

Да вот две нужды были в Сибири: хлеб и невесты. До Иртыша хлеб сеяли, а дальше боязно. Тогда Джунгарская орда грозой была. Что твоя саранча, шла, сама себе счёту не знала. И татары, и киргизы, все у них были данники-кыштымы. Тут большая война на носу, а казаков рожать некому. На сто женихов одна девка на выданье. В острогах одни казаки живут, и в посадах безбабье, и там одни пройды: тихоня-то в Сибирь не пойдёт. Это уж потом ямщиков с семьями деньгами заманивали, а всё одно редко кто ехал.

Казаку-то чего, — ему дом под любимым кустом. Кому шейка в копейку? Казака, его хоть куда позови — всё бросит, в седло прыгнул, гикнул — и след простыл. А бывало и так: казак в дальний поход идёт, а жонку-татарку внаймы сдаёт. Не веришь, небось? Истинно-берестяно, как старики говорили, они два таких случая помнили. Деньги за год вперёд возьмёт да тут же и прокутит их. Если соболей привезёт, выкупит её, а то и забудет. Иной поход ведь не год, а два-три длится, и по пять же бывало, в походе про бабу думать — что колодки на ногах. Пока он в службе, ему до того ли, а уж коли повредило руки-ноги, выключили из списка, вот когда он о

хозяйстве да о семье думал. А если ему лет за тридцать, где он ровню найдёт? Сибирь не рай, жёнки быстро гасли, в тридцать пять она уж внуков нянчит.

И наш прапра и прадедушка, Никифором звали, не промах был. Невесту себе украл ведь, в Томском остроге, днём на улице, да прилюдно. Хватъ её в седло – ищи ветра в поле. Да не татарку же, не сироту, а купецкую дочь, да и собой красавица. Она всё улыбалась ему да посмеивалась, а с казаком шутить – как с волком: сегодня живёт он, завтра башка отлетела. Её за сына воеводы просватали, а воевод, их тогда пошто-то двое было, - она не захотела. Вот, значит, через месяц явились молодые к отцу: благослови, батюшка. Купцу куда деваться? Не возьмёт уж сынок-от воеводский, позор семье выйдет, да и сама, видать, хочет. И то рассудил: ребёнок будет, одной вековать, что ли? А казаку что, ну в дальний острог пошлют, куда-нибудь на Лену, делов-то! Он и там на ходу поест, в седле выспится.

Признал его отец, шапку об пол хряснул, а поп не венчает: нету, мол, согласия. Она говорит: за него хочу, а поп ни в какую, не по закону, дескать. Воевода сынку дом уж приготовил, а тут городской казак дорогу перешёл. Но казак он и есть казак, саблю наголо и кричит попу:

- Венчай, растак твою бороду, а то в татарску церкву пойдём.

Ну, перейти-то он не перешёл бы, конечно, а напугать батюшку напугал. Обвенчал он их, а воевода всё равно житья не дал, тут же в дальний поход его отправил. Одной дороги полгода туда да обратно, а там и воевать надо. Вернулся он, стрелами пораненный, а у него сын растёт, и про жену никто худого слова не скажет. Только сразу понял: в посаде жить не дадут, съезжать надо.

Казаку на землю садиться нет охоты. Он свою думку держит: придёт, мол, орда – атаманы кликнут, мы себя ещё покажем. А боевого коня в плуг – он уже для похода не год. На бег он выносливый, а в оглоблях не больно дюж. Их, казачьих коней, потом на почтовую гоньбу разводили. Татары, те тоже ждут: вот-вот придёт сам тайша, тогда, мол, посмотрим. А уж как раскололи большую орду, тёплым ветром пахнуло. После того от острога к острогу смелей стали ездить.

Косачи весной токуют, летом сурки посвистывают. В Ермаках жизнь своим чередом пошла: у Никифора уж два сына в поле с саблями пашут. Безоружно не выезжай, - это первое правило. Сперва у них одна соха-рогалюха была да борона деревянная.

Потом, как росчисть корней кончили, колесянку завели, у нас ещё сабаном её называют. Дерево-рассоху прожгут и железный сошник вставят с локоть длиной. Соха, она, вишь, хорошо сорняк выводит. Железный-то лемех корни подрезает, и они опять приживаются, а деревянный крюк их вырывает. Потом бороной их сгребают, на край поля сносят, а как высохнут, сжигают. К тяжёлому плугу надо двух коней, а соху один хороший конь тянет. Пареваны у Никифора уже в сажень ростом, старшой к отцу:

- Тять, жениться бы, чё-то тесно тута.

- Нук и женись, - отец говорит, - кто те не велит?

А у озера, на той стороне реки, татары поселились. Слух прошёл: к калмыкам уходили, чтоб им ясак платить, а не русским. А тайша обратно отправил — обломил уж рог-от, не может с царём воевать. Летом татары за скотом кочевали, а на зиму к озеру, к рыбе поближе. Услышали, что Ермаки тут, и свой аил впоперёк назвали: Кучумы. Живут, на наших поглядывают, их-то числом больше сотни. А у них в те поры опять в женихах нужда настала. Старики-седачи головами качают: - Худой дело, когда войны нету. Одна за одной кыз-невесты рожаются.

Старшой-то у Никифора, на отца глядячи, возьми да укради у озера невесту. И ему любо, и она рада-радёшенька: в девках засиделась. У них же рано невест продавали, калым-то лет в двенадцать-тринадцать брали. Отцы по рукам ударят, кумыс выпьют, баранину съедят, и невесту к новой родне увозят. У них и растёт, иная так с десяти лет женой числится. Этой уж все шестнадцать, а калым никто не везёт.

Ну, свой татарин украл — это не беда, только заплати, а тут урус, обидно им стало. Выследили парня в поле, волосяной аркан накиннули, в аил пригнали и в яму его. Отец, брат пришли в аил, а он кричит из ямы:

- Тятя, я здесь, связанный, пить охота.

По-татарски Никифор говорил, казаки их понимали. Татары стоят с саблями. Ну, старый казак было в шутку, а они того злей: ты, мол, ещё смеяться над нами! Да мы тебе рот забьём, мы вас всех на запор сажать станем. А где у них запор-то?

Делать нечего, надо на попятную: - Не гоже по суседскому делу друг друга на копыя-то брать. Придёт наша родня, казаки, вас порубят волкам на радость. Берите калым, чин чином уладим.

- А какой ты калым даёшь? У тебя ж нет ничего.

- Коня любимого отдам, только парня не троньте.

- Одного коня за невесту?! Мы на калым табун гоним.
- Тогда хлеб из амбара заберите.
- А на что он, хлеб? Тадар-кижи в степи его не знали.

Что тут скажешь? Думал он, думал, а знает, что у татар главный страх — ранней весной бескормища. Когда наст и гололёд, тут за живое их возьмёшь.

- Ну тогда, - говорит, - овсом возьмите. Придёт джуг-гололёд, по всей степи кони падут, у вас одних сыты будут. При овсе до скончанья века никогда падежа не будет. Только землю, как надо, пашите.

- Нет, - кричат, - землю потом греть — не гоже это кочевнику. И позор на нас падёт в потомках.

- Какой позор, сам Ермак овёс велел сеять, мне, казаку, завещал это дело.

- Ой-бай, ты зачем не сказал, что Ярмак родня твой?!

Ну, думает, пропал, зачем про Ермака брякнул, плохо дело. Сейчас из луков стрельбу учнут. А они совсем по-другому:

- Ярмак сильно могучий батыр был, такому нет на степи поединщика. Степной народ чтит батыров. Хотим с тобой родниться, а род твой у нас каждый запомнит. Славный будет род — от Она и от Ермаку пойдёт.

Жил здесь в дальнее время хан Он, а его лишил жизни Чинги-хан, а сын Она Тайбуга спасся. Прошло время, и Тайбугины вернулись в Чинги-туру, Искер-Сибирь поставили. Потом пришёл Кучум-хан, Муртазы Бухарского сын, здешних князей Едигера и Бекбулата зарубил, тела их собакам бросил. Сын Бекбулата Сейдяк спасся и за отца отомстить поклялся. Сильно злой был Кучум, ни Тенгри-неба, ни Ульгения не любил. А потом увидел он сон. Сошлись в устье Тобола два зверя драться, старый волк и молодой волкодав. Искушает степной волк храброго пса, тот залижет раны и опять в драку. Загрыз молодой пёс старого волка, а сам к реке пополз и утонул в ней. Тогда призвал Кучум агунов и абызов, велел сон толковать. Старый мурза понял сон: идёт из-за Камня воин храбрейший, на кораблях переплывёт он горы каменные, и нет ему в великой степи равного. Будут сечи немалые, одолеет тебя белый батыр. Кучум приказал разорвать его конями и добавил: «Сам Искандер великий не перешёл бы Каменный пояс земли на кораблях». Но не победил Кучум Ярмака, взял засадой и хитростью, когда дождь лил, а ружья молчали. Утянул панцирь батыра-уруса на дно, нашли и похоронили его под кудрявым русским деревом, а

доспехи поделили. Пришли послы от Аблая-хана, просили Ермакова панциря. Кто наденет, нет тому на бою ни гибели, ни нечестия. За кольчугу его тысячное стадо отдали и полста семей пленников.

- Ничё, - Никифор говорит, - теперь и тайша царёв данник. Так что лучше нам миром поладить.

Тут татары в большую дуду задудели, праздник-той они созывают, Ермаковых потомков величают.

Вот так и навадились наши за невест овсом платить, а татары на калым коней пригоняют. Дело-то соседско: у них не стало за одним беём по четыре жонки, и у нас девок-вековых нету.

А с сохой-то здешние долго не расставались. Расейски приедут:

- Фу ты, соха-затируха тут в ходу ещё. Отстали вы, у нас про неё давно забыли. - А помаются два-три лета с корнями да с сорняками — по-другому заговорят: - Матушка соха, она не подведёт, не обманет.

На овёс неурожаю здесь не бывает. Коли рожь, ячмень не уродят, из овса хлеб пекли, кисель овсяный выручал. Овёс косить — ох тут хороша коса-горбуша. Она в обе стороны валит. В скирду стаскают, и можно прямо так коням давать. Зимой дни пусты, потихоньку обмолотишь.

А как тракт прошёл, колёсный-то, тут все и поняли, что без овса на большой дороге жизни нету. Да и городам без овса не встать бы в Сибири, потому как ехать от города до города неделю, а зимой ночами коней кормить чем-то надо. Сеном? Так оно вон сколь места на возу займёт, на тракте не разъехаться, если каждый с возом сена потащится. А чайный путь с Китая, без овсяного поля далеко бы он прошёл?

Теперь, что за рекой, что у нас, народ одинаковый живёт: чуть скуластый, ноги колесом, как в седле родились. Поезжай хоть от Тары до Томска, а от него хоть до Бийска, хоть до Иркутска самого, - лица увидишь те же. Всем нам одно званье: Ермаки-Кучумы.

Сибирские дороги начинались как вóлоки, перемычки между реками, затем долгое время действовали как зимники. Летом волоковый путь могли одолеть только двухколёсные таратайки. А когда улучшились дороги, основой летнего транспорта стала телега, зимой — сани. Сибирский тракт — самая длинная санно-колёсная дорога мира.

В середине 18-го века начали обустройства Сибирский тракт, и почта приходила в Сибирь регулярно — один раз в месяц. Особо трудно было заселить пустую Барабинскую степь. В народе долго почтовые станции назывались ямскими станами. Монголы организовали ямскую службу (ям — слово монгольское, русское ямщик пошло от него). В 17-м веке верховой путь от Тобольска до Нерчинска занимал около трёх с половиной месяцев, на речной же путь до Иркутска не хватало лета.

В начале 19-го века между Томском и Иркутском подводы 44 раза останавливались на постои. Гужевые перевозки в Сибири занимали до 1/10 часть мужского населения. Моментом появления путей местного значения следует считать создание дорог между крепостями: Кузнецк — Бийск, Омск — Семипалатинск, Бердская крепость — Барнаул. Расширение просёлочных дорог невозможно без переселения крестьян. Пашня, тележная крестьянская колонизация — вот что преобразило Сибирь.

До конца 19 века бездорожье, а с прокладкой Транссибирской железной дороги переворот. На Земле было три дороги рекордной длины, и они соответствовали трём историческим этапам: великий Шёлковый путь (караванный), Чайный путь (он же Сибирский тракт санно-тележный) и Транссибирская железнодорожная магистраль.

Сибирь прошла три этапа колонизации: обьясачиванье (это делали и монголы), хлебная торговля (это перевес земледелия), наконец, промышленное производство — постепенное выравнивание края с другими краями России.

Путь сибирский дальний

Бывший каторжанин письмецо шлёт. Руку-то мою узнал ли? Не веришь небось, что в живых ещё обретаюсь. Да, брат, к тачке прикован был, а умом не свихнулся. Скажу, не хвастая: повидал я Сибирь, чуть не всю прошёл. Но, как говорится, не дай Бог того лиха никому, кроме душегуба. А я ведь с татями-убийцами и в кандалах Большой тракт прошёл. Рассказать — слов не хватит.

Что видишь, входя в сибирское село? Острог, амбары, кабак. Деревушки убоги, а кладбища ухожены. Здесь не для жизни роятся, - для памяти после жизни. Летом каждую неделю ведут закованных убийц, грабителей лабазов, но иногда проходят и родовитые мошенники. Им всё же легче, хоть кнута не знают. Тянется мимо окон, под лай собак и бабье причитанье, партия человек этак в двести, изредка и бабы идут. Первыми шагают осужденные вдоль по каторге, на пожизненное заключение, они в самых тяжёлых кандалах, за ними — мелкозвон, лёгкие цепи, за ними — осуждённые в ссылку, в самом хвосте идут вольные женщины на поселенье. К семейным посельщикам в деревнях лучше относятся, они не пакосят.

От Москвы по Владимирке шагали ранней весной, а Урал прошли в конце июля. Стону тут было, причитанья-то, - прощались с родиной и с жизнью у граничного столба. Кто-нибудь да помнит песню: То не малая дороженька — Сибирский тракт, и стоят повдоль дороги неизвестные кресты.

Гор после Урала нет вплоть до Енисея. Но ты дойди-ка до него в кандалах, тогда и узнаешь, мала ли, велика ли страна Сибирь. От Тюмени до Томска плыли в страшно переполненной барже. Знали: половина из нас не вернётся. Зиму провёл я в Томской тюрьме, а дальше до Иркутска опять считал шаги на Большом тракте. Ох, не дорого жизнь в Сибири стоит, порой на алтын ценится. Уши и

пальцы в карты проигрывают: денег нет и жалеть нечего — на куски тела играют.

Как смертный сон, томский тюремный за'мок, туго-натуго набит он клеймёными лбами. Рассчитан на пятьсот человек, а набирает к концу лета до двух тысяч. Весь пол, грязный, как дорога, до отказа завален телами, и жестоко бьются червонные валеты, мошенники, с бубновыми тузами, убийцами, за место на нарах. Кажется, через минуту прервётся дыханье: невыносимый смрад, а нары, всегда голые, кровавы от раздавленных клопов. И в дороге, и в остроге одна одёжка — арестантский халат да бескозырка на лбу, наполовину обритом. Там увидел я старого колодника, как смерть тощего, с рваной ноздрёй. Сидел он, пожизненный кандальник, на почётном месте и гнусавил прибаутку: «Не ропчи на долгой срок, а готовься наутёк».

- Это сколько ж лет ему? — спрашиваю. — Ведь носы рвать полвека уж как перестали.

- Да он проигрался, - говорят, - в карты просадил ноздрю-то. А до того ещё два пальца. Всё отыграться хотел, да попался ему мастак, изо рта карты доставал.

Уважаемый варнак, этот с одной-то ноздрёй, но играть с ним бояться: в азарт войдёт — зверь зверем. Сколько раз он менялся именами, сколько побегов за ним, он и сам уж не помнил. Летом болезни выкашивают душегубки, а в осеннюю распутицу арестанты двадцать вёрст за день едва одолевают. Немало их умирает в дороге. Кандалы снимут казённые, труп зароят, и опять этап звенит железом.

Сначала меня притесняли отпетые, не пускали на нары, а потом один спросил:

- А ты, барин, по какому делу идёшь?

- По мокрому. Стрелял, не убил. Да не барин я родом-то, образование, правда, имею.

С тех пор зауважали. На тракте живёшь от этапа до этапа, лишь бы нынешний день в кандалах пройти. А до Иркутска четыре месяца с лишкóм. Потом ещё месяц до Нерчинских рудников, тут опять горы. Потом по кругу с тачкой, по кругу, год за годом по кругу. Тогда поймёшь, что за звание такое варнак. Закоренелые громилы редко каются. Но помню, как старый громила пел вечерами про беглого варнака, что винулся перед матерью. Удивительно, что каждый вечер пел, даже разделаться с ним грозились.

Переменчива судьба русская. Ты помнишь, я ведь чиновником девятого класса уж был, почти дослужился до дворянства. Но тут мне судьба-индейка не подножку, а капкан поставила. Сослуживец жену соблазнил, родовит был, деньгам счёта не вёл, обещал ей жениться. Пощёчину дал я ему на званом ужине — пришлось ему на дуэль вызывать. И стрелялись, по всем правилам стрелялись, ранил я его. Теперь-то говорю себе: «Слава тебе, Господи, душегубом не стал я». А дознались секунданты, что не дворянин я ещё, загалдели: «Посконное рыло, он белую кость поранил» и пришили покушение на убийство из корысти. Судья свой человек им, вот и вкатил по полной. Правду говорят: одна беда не ходит, беда беду приводит. Когда мерил стёртыми в кровь ногами Иркутский тракт, жена уехала за границу с этим процельгой, а он прокутил наследство и бросил её там. Умерла она, писали мне, отравилась вскоре.

Никто не ждёт меня на родине, там от клеймёного каждый шарахнется, а тут, в Томске, — дело обычное. Женился на вдовечалдонке, у неё и домишка есть, а там и на службу меня взяли.

Учили образование моё, поставили разбирать жалобы прошлых лет. Пишут и пишут здесь доносы друг на друга, канцелярии кляузами полнятся, жалобы мышам на прокорм достаются. А ревизоры, взятку хапнув, пишут благостные отчёты, набивают сундуки пушниной и катят восвояси. Да, брат ты мой, двести лет воров за Урал в ссылку гонят, а ловкие ворюги сами сюда едут, — видел бы ты, в каких дорогах бричках. И вольготное же житьё им здесь! Ещё до каторги, в молодости, спросил я в Петербурге нового богача: «Как вы, Сидор Лукич, так быстро разбогатеть смогли? Пять

лет прослужили в Сибири и пятьдесят душ крепостных купили!» И услышал: «О, Сибирь, Сибирь! Это золотое дно».

И дно золотое, и горе бездонное. Раньше не в диво были рваные ноздри, теперь вот клеймённые лбы идут по этапу. Только иноземец поразится буквам на лбу: ВНК. Означает: Вор Наказан Кнутом. Сибиряк, тот усмехнётся: «Варнак сроду не крал, он без спросу брал». А бабы зовут их несчастными, крестятся вслед им, краюшки хлеба возле дороги кладут. И то сказать: у многих предки таким же манером в Сибирь попали, живы семейные преданья. Баснословную прибыль Горной конторе дают бритолобые, железом клеймённые да кнутом на деревянной кобыле катованные.

И всё богатство, пушное и серебряное, ушло из Сибири. Купчишки разорили водкой инородцев, тайгу от пушного зверя, считай, очистили. Видел я в низовье Оби, как за мешок сухарей полмешка собольих шкурок давали. Самоеды за медный котелок там мешок мягкой рухляди отдают. Здесь, в канцелярии, немец спрашивал у меня: «Что есть мяфкая рухлядь? Стариё, плёхой товар?» И сам я не знаю, почему рухлядь, а всяк здесь помнит, что дорогой мех считали раньше только по сорок штук: пять или восемь сороков мягкой рухляди тайком на санях под сеном везли. За лето пятьдесят и больше бобров охотник брал. А на сто бобров дом купить можно.

И в степях было несметное богатство — курганное золото. Было, да не стало: прибрала первая золотая лихорадка в Сибири. На Салаирском руднике один бывалый варнак сколачивал подельников бугры копать. Артелями шли в степь, и не осталось нетронутых курганов. Вот каменный нож да бронзового оленя у бугровщика купил. На базаре он продаёт недавно отлитых шайтанчиков, но найдёшь у него и зверепгиц латунных из кургана. Ловят их по степи, татары не щадят рабителей могил, а им всё неймётся. Такой, если повезёт, за одно лето разбогатеть может: самый доходный промысел.

Лучшие дни моей каторги, когда плыл на дощанике со свинцом. Везли свинцовый припой на Барнаульский завод. Весело бежало судно по Ангаре, Енисею, Кети, а потом мы, каторжники, налегали на вёсла против течения Оби. С Барнаульского завода меня зачем-то в Бийск казаки перегнали, тюрьма там немалая, а из Бийска — в Салаир, на старый рудник. Грамотных людей там мало, тачку не катал я уже, по должности берг-пробирен, и харч неплохой.

Помягчала власть, отбывших больше половины срока отпустить стали на поселенье.

Слышишь порой: богата Сибирь землёй, а да скудна совестью: русские здесь – потомки буйных казаков да разбойников. Ермак волю искал, а оказалось вон что – каторга. Теперь вот бич Сибири беглые варнаки. «Кто идёт?» – А сам чёрт. «Добро, паря, лишь бы не беглый». А куда деваться осуждённому вдоль по каторге, на пожизненное-то заключение? И жутко подходить к одинокому домику посреди степи, и любое сердце трепещет при виде огонька. Вот, когда плыл по Ангарским порогам, на Кетском волоке тянул дощаник, юрты в низовьях считал, разную Сибирь видел. Садится остяк в долблёнку и копьём-гарпуном закалывает рыбищу, а потом изматывает её на верёвке, и артелью тащат её на берег. Сорокаведёрную бочку муксуна и нельмы за пять рублей там продают. За тысячу вёрст рыбу не повезёшь, а на малых торжках даже осётр идёт фунт за копейку. Дорог нет, вот где болячка, вот уж на сотни лет забота. Кипит здесь, бурлит золотая лихорадка, а золотом своим Сибирь не распоряжается. Тракт починить не на что, не говоря уж о мостах, а сотни пудов золота ежегодно вывозят. А привыкнешь к дебрям – даже такой город, как Томск, тесным кажется.

Интересны здесь бывшие колодники да вольный люд – гулящие. Эти шастают по всем рекам. Баржи и плоты гоняют, а большую прибыль получают только в тайге, от торговли с инородцами. И понаследили же они там!

Ещё помню, как пела на этапе, где-то под Ачинском, пожилая баба. Шла она в конце колонны за осуждённым мужем, а после Красноярска отстала, – видно, заболела. Весь кандалный поход хрипели и матюгались мы, а тут, на привале, замолчали – слушали песню «Как по молодцу плакать некому».

А где плачет мать, там река шумит,
А где плачет сестра, там ручей бежит,
А где плачет жена, там роса падёт.
Взойдёт солнышко – роса высохнёт-от.

Пройдём – что от нас останется, память какая? Песня разве что. И каторжный край сердечными очами надо бы увидеть. Прощай и будь здоров, друг дальний! Поверь: справедлива молва про Сибирь – золотое дно, не малы богатства сибирские.

«Ледяной ад» — это звание закрепилось за Сибирью не сразу. В «страну изгнания» шли арестанты двух разрядов: каторжные и ссыльнопоселенцы. Первым — тюрьма и принудительные работы, вторым — поселенье в глухих местах. Партии арестантов проходили по Сибирскому тракту 15 - 20 вёрст в день. Пётр Словцов в своём «Историческом обозрении Сибири» приводит сообщение: «В 1755 году случилось, что из 2000 с лишком душ, следовавших на поселение в Нерчинские заводы, умерло 517». Четвёртая часть не дошла до места назначения.

С конца 18-го века по Сибирскому тракту строили «этапы» — бараки для ночёвки арестантов. От Тобольска до Иркутска было построено около 60 этапных тюрем, больших и малых. Убийц осуждали на 15 - 20 лет каторжных работ и пожизненную ссылку в Сибирь, грабителей — на 3 - 6 лет каторги и в ссылку от 5 до 10 лет. Отбывшему каторгу определяли место ссылки подальше от городов и крупных поселений. Администрация добивалась, чтобы ссыльные занимались трудом, но уголовники работать не хотели и становились наказанием для деревни. Только мелкие воры из городских ремесленников, а также крестьяне, сосланные за неподчинение помещикам, пополняли число работников.

Нарымская ссылка известна ещё с 18-го века, в основном, как наказание за уголовные преступления. А «Нарымский ад» — это уже о другой эпохе, о судьбе советских «спецпереселенцев», сосланных без суда и следствия за то лишь, что были трудолюбивыми крестьянами. Выброшенные целым семьями в тайгу и болота, «кулаки» и умирали семьями. Дети и старики — первыми, за ними вымирали почти поголовно целые поселенья. На север Западной Сибири сослали в советскую эпоху около пятисот тысяч человек, выжила лишь малая часть из них. Так воплощался лозунг: «Уничтожить кулачество как класс».

Шесть лет было мне, бабушка повела крестить меня. День шли мы в сторону Томи, на другой день добрый мужичок на телеге подвёз. А в Верхотомском на плот нас взяли. Кадушки на нём, котомки с салом, а больше всего корзин и мешков с углём. Брёвна пихтовые, лёгкие, ходко плот бежит, только берега кружатся. В одном месте порвало плот на повороте, корзины плывут, а мешки на дно пошли: из земли уголь-то, каменный. И лагун с кедровым маслом в воду провалился. Тут крику, тут гвалту было, а потом догнали его, плывёт лагун себе к морю, ему и так ладно. Смех

начался, дразнят друг друга. А закат — в полнеба, сосны с берегов в воду глядятся, тишина стоит, и тут запели мужики. Во сне я ту песню знаю, а проснусь — слов не упомяну.

В Томск приплыли, тут и набежали картузы да шляпы торговаться. Мы с бабой Катей в гору пошли, своих искать. А никого дома там не было, айда прямо в церковь, на крыльце и заночевали.

Утром высокий старик с белой-белой бородой подошёл ко мне, спрашивает:

- Откулецкой будешь, глуздырь-богатырь?

- Из нашей деревни,- говорю. - У нас аржаное поле за поскотиной.

- А какая там у вас вера? Я вот с Нарыму пришёл. Настоящие люди в тайге спрятались. Не хочешь ли у нас жить?

Я и посулился. Как бес за язык дёрнул: подрасту — приеду, мол.

Через двадцать лет Томск я снова увидел: под раскулачку семья наша попала. Уже не тем он мне показался, не тем. Тогда нашего брата через него тыщами в Нарым гнали. Не думал, не гадал, а вот стал лишенцем. Было у нас две пары коней да три коровы. Ну, правда, пасека была, овцы, свиньи, и дом наш на отличку был, в десять окон, крыша под железом.

Выгрузили нас, человек с сотню, возле болота: «Стройте землянки». А топоры, лопаты, считай, нет, пять-шесть их на сто человек, большие ножи-то, и те отобрали. Вот жуть брала первое время! От комаров неба не видать, дышать не дают. Потом научились — ведро с гнилушками день и ночь у порога дымит. Если дёгтем не обмажешься, в тайгу не суйся: за день гнус всю кровь выпьет. А зимой и того хуже: морозы там похлеще наших-то.

Все так и говорили: «Пригнали, чтоб уморить здесь». В первую зиму думали: никто не выживет. Землянки рыли чем пришлось — ложками, щепками, пока лопаты и топоры не привезли. Горюй-не горюй, надо бараки ладить, лето здесь коротенько. Ну, к снегу всё же закончили один барак, человек с полсотни набилось в него. К утру вода замерзала в нём, к весне восемь детей померло да стариков трое. Дети простывали, а старые, те уж в самом конце зимы умирали. Вот-вот пучки, саранки пойдут, голод заглушить можно будет, а они на глазах тают.

До тридцатого году один без прав был в деревне, и вдруг пришла разнарядка: выявить девять кулаков. Дивились мы: где их столь взять, - сорок дворов у нас. А быстро нашли, как поняли, что

добро растащить можно. В комбедде-то, думаешь, кто заседал? И на тебе, лодырей главными сделали, трутней — в начальники.

Переворот, он на что похож? На больной рой, когда матки не стало. Пчёлы давят сами себя и гадят, гадят без конца. Одна надежда: умный дедка где ни то матку найдёт, обкурит её и подсадит. Вот если по пчёлам мерить, в деревне одни семьи-трутовки остались. Добра не жди, коли семья больная.

У меня хоть како-никако хозяйство было, пасека в двадцать ульев. А вон сосед Кирилл, его-то за что? Две коровёнки, две кобылёнки. Копейку к копейке копил, чтоб соломорезку купить. Вот она и утянула его в Нарым. Детей семеро по лавкам, всех схоронил, потом бабёнку свою, потом и сам слёг. А земля там на сажень промерзает, закопали на аршин, летом кости наверх вышли.

Русских, чтоб землю пахали, до нас не было там, за Каргаском-то, а понаехало жульё после переворота, в родню остякам записалось, чтоб налоги меньше платить. Как только охотничьи артели позакрывали, они и смотались оттуль. Про нас во как они пели: «Приезжайте, кулаки, спецпереселенцы, на капустные листки меняйте полотенцы». А наши парни песни запели — слушать страховито:

Сидит Сталин на заборе,
Плетёт лапти языком,
Чтоб колхозная команда
Не ходила босиком.

Расстрелять ведь могли за такую песню, как дважды два, но там редко доносили друг на друга.

Я с остяком подружился, помог лабаз в тайге строить. Сохатиной со мной делился, родня его стала в гости зазывать. Обласок он мне помог выдолбить, там он нужней телеги. Велели брусничкой на зиму запастись, а то цинга изведёт. Клюквенные болота я из всех наших первым исходил. Избу себе отдельную я первый построил. Ушли мы из барака: болезни там, как сквозняки, гуляют. А бежать кто пробовал, тех с семьёй разлучали, дальше на север гнали.

К остяку раз прихожу — у него совсем глаз не видно, лицо распухло. Чё, мол, тако? Говорит: пчёлы в тайге жалятся. Думаю: с осами попутал, какие тут тебе пчёлы. Нет, говорит, высоко живут, из дупла мёдом пахнет. Дымарь какой-никакой изладил я, подпиллил сосну и ночью свалил. Потом сутунок выпилил и день тащили мы его к реке. В обласок сутунок закатали, сердце, как у зайчонка, колотит. Вот и смысл для жизни, тут он и появился. На рамках

прополис, он сто лекарств заменит. Мёд — это варенье, лесной ягоды там море, а сахару нет. И, главное дело, своя думка есть, не весь ты подневольный.

Уполномоченный приехал, постоял, головой качает:

- Вас, кулаков, хоть на край свету сошли, вы и там за своё. Ставь брагу, приеду пробовать. - У самого морда с похмелья сизая. Навадился заглядывать с тех пор, как в свой амбар.

Дивны дела, как подумаешь, вот пошто Господь волю дал швали всякой? Уж они злорадничали: лучшие избы освободились, огороды готовы, ухожены. А толку? Пчёл отняли — они зиму не пережили, кони на общем дворе чуть не все передохли. А потом и сами голодать стали — вот они, успехи.

Одно ведь знали: долой да даёшь. А кто даёшь-то? Бес, выходит, раз Бога не признают. Натравили внуков, отцов не признают. Начну разговор со старшим — он орать на меня: тормозов-то нету. Смотрю на них и думаю: легко зажили, а душу-то забыли, помираете без свету.

Туда-обратно — такой путь, такая вот мне судьба. А тыщи могил провалились там, дети малые сотнями мёрли. Извели их, не как класс извели, как породу. Смерть, она, конечно, сама найдёт тебя. А надо же, чтоб в душе было вычищено, как в горнице, не как в хлеву. Тогда ей мало достанется, тогда смерть и не торопится.

Последний коч

Томь, она же не как другие, она река с норовом. Так её лучше дяди Фомы Авдеева никто и не понимал. А он уж с ней миловался, он уж улещал её словами, как девку. Злились, бывало, на него: она сплотку раскрошит, а ему, вишь, глянется: - Ну, вточь как девкятатарка.

Корню он нашенского, прадеды, те тоже речники были. Паромщик был настоящий, на завалинке не рассиживал. У деда Фомы одно на языке – про милочку свою, ему без реки дня не прожить.

- Я заводной, - говорит, - что твой самолёт.

Мы, детвора, тут как тут с расспросами:

- Дед, а это чё за тако, самолёт? Какой он из себя, из чего был?

А его только зацепи, начнёт – не устанет до вечеру:

- Самолёт, ребятки, – это паром такой, на нём не грести, отдыхать можно. Рулево весло у него большо-пребольшо. Паромщик так его поставит на течение, что сплотка поперёк реки сама бежит. Самолёт, он эдак-то весной, в половодье только летал. На Томи, на Чулыме их держали, а на Оби да в межень, по малой воде, тут годится маятник, а не самолёт. Посередь реки, значит, закинут якорь, вот паром от одного берега к другому и мотат течением. Паромы там, в Россее, сплошь перетяги, канатные значит, а у нас больше маятниковы и вёсельны.

Старуха его только водяным чертякой и звала. Знать и уметь всё успевал, а вот по деньгам был неухватистый. Паромна служба, она же выгоду могла дать. Умели некоторые мужики жить, неча врать, умели. Летом день и ночь подводы шли, помногу, бывало, их на том и на другом берегу скапливалось. Чиновники грозятся, купцы деньги суют, а наш брат, простой мужик, стой да помалкивай. Фома себе денег не брал: мне, мол, всё одно, кого везти, хоть мильёнщик ты будь, хоть ссыльный.

А ещё так говорил: – Лодку, её же, как девку, лет пешнадцать растить надо, тогда она лет на двадцать с тобой. Как трубу растут. Это кому как, не всем по нутру, другому дерево жалко. Большу долблёнку у нас трубой называли. На живом тополе делали растрещину-дупло и вставляли распорки. И так по несколько раз, через два-три года. Дерево рану затягиват, и основа лодки получатся крепка-крепка. Потом срезай, выбирай серёдку в сутунке, обтёсывай и высушивай. Крепче такой лодки не бывает. Борта досками нарастил – вот и набойня. Если из хорошего осокоря сделана, она все сто пудов возьмёт.

Раз посылают нас к Авдеевым: - Выручай, дед Фома. Новый барин приехал. Видать, сильно научёный. Об заклад, на ведро вина, побилися, - кто из двух главнее: Сеньша Дежнёв или Ваньша Петлин. Должон ты его положить на лопатки. У молодых ничё не выходит. Там он, у парома.

Ну, портянки новые навернул, идёт дед к парому. И правда, из себя чистенький приезжий сидит, в белом сюртучке, поверх глаз у него стёклышки, разговор ведёт тихо, мужики тоже своё вежество кажут.

- Моё почтенье, Фома Архипович. У нас тут спор зашёл, какой вы национальности.

Сроду начальники такого с нас не спрашивал. Даже дед наш замялся сперва:

- Дак чалдоны мы, така наша нация. В Басандайке у нас, Авдеевых, полдеревни сватовья да шуряки.

- Говорят, вы про Томь песни поёте. Не поделитесь со мной? Я их тоже собираю.

- Ну да... стары люди певали, и я, значит. Вот извольте.

И давай козлиным голоском:

Не бела лебёдка в перелёт летит, –

красна девица из полону бежит.

- Уж ты ой еси, матушка Томь-река,

переправь ты меня на ту сторону

на святую Русь, к роду-племени.

- А пойдёшь ли, девица, за татарина,

а пойдёшь ли, красна, за вогулича?

- Сватались ко мне князья-боярины,

так пойду ли я за татарина?

- Не быть тебе за князем, за боярином,

Быть за плутом тебе, за разбойником...

Парни тут загалдели: - Ты, Архипыч, видать, реку и бабу смолоду путашь. Река весной — одно, а девка в поре — друго дело. У тя всё едино.

- Как это друго? - Это дед Фома в отпор им. - А песни про чё? Коли девка красавица, с чем её равняют? С речкой же и равняют. Только казаку да бурлаку не до них. Дело своё они сильней баб любили.

- Вот загнул, казака с бурлаком равнять! Они вместе сроду не пивали.

- А како различье? Казаки же сперва бурлаками были, на реках жили, эвон в каку даль водой ходили. Потом уж, когда лодки на коней сменяли, тут и переженились.

- Ага, про лихого казака я как раз от бурлаков слышал. А вот почему паромщиков до сих пор бурлаками зовут? Тяжёлая у вас доля? Да?

- Нет, не согласные мы. На реке и людей всяких увидишь, и про всё ты первым узнаешь. Лучше нету местов на всём свете. А бурлаки, когда не сильно пьют, они гордые. Он же со всех сторон жисть узнал, бурлак-от.

- А раньше какие суда ходили?

- Да всяки помню, сколь надобно. Коломенки, тихвинки, белозёрки, ржевки, сурянки, гусяны, беляны, мокшаны, межеумки.

- Маловато пока.

- Дощаники, карбасы, набойни, камяги, унжаки. Ещё?! Расшивы, завозни, паузки.

- Всё равно я больше знаю.

- Ишь ты, когда ж вы их застать успели? Брусянки, ветки, гибежные лодки, жиганы, казанки, каюки.

- А старинные струги, бусы, шитики, насады, ушкуи?.. А какой черёд работ у вас на плотбище?

- Ну, там всякому дело есть, народу немало кормится. Первы по теченью из притоков лес сплавляют. Деревину свалить надо в сентябре, октябре. Вторы сразу продольной пилой на доски распускают. Срубил осенью — древесина сохнет полгода и трещин не даёт, а в жару высохат за месяц-полтора, будут трещины. Большо судно обязательно зимой строишь, а весной конопать его и смоли. Пока земля ещё не замёрзла, кедровы пни корчуй, из них ладь кокоры, передню часть, ну, саму-саму крепку. Третьи каркас ладят, четвёрты борта сшивают.

А как сошьют кораблик, тогда народ на спишку созывам. Спихивать из деревень мужики как на праздник шли — по чарке вина нальют. Главню — стронуть, на слизни барку столкнуть. Их поперёк клали, слизни-то, ошкурены брёвна, по ним баржа скользом идёт в воду. Для спишки всем длинны колья дают.

Сажень по пятнадцати ладили барки-то, да в ширину она сажень на пять. Что ты, большой вес, ухнет в воду, аж на другом берегу волна вдарит.

- А заводное устройство знаете?

- Ну, молодым-то был, помаялся я с ним. Ставят, значит, на палубе деревянный вóрот с четырьмя оглоблями, кабестан ему названье. Четверо кругом ходят, вал вертится, канат тянет, наматывают. Завозят вперёд, забрасывают кошку-якорь, ну и воротом этим сдёргивают баржу с мели. Коли не могут сдёрнуть, подгоняют штук десять паузков или обласков там, товар на берег перевозят. Человек двадцать нас, с зари до зари рубахи мокрёхоньки. На такой случай артель у переката шалаш держала, в нём кто-нибудь ждал, не сядет ли какой-нито ротозей на мель. Обь-то куды как смирна, соня соней течёт, а косы песчаны наматывают. Прошлым летом тут почти стрежень шёл, всё ладно было, хватъ, баржа на мель села.

- Про самоходки слышали?

- Видал я её, самоходку эту, - больно уж тихий ход у ней. Такой же кабестан стоит, его каторжники вертят. А сбоку у такой барки колёса, плищами их зовут, вот они и плюхают день и ночь, а ходу против течения — вёрст тридцать за сутки.

- Ставлю я вам хорошую отметку. Но лучший из кораблей вы забыли. Коч это, братцы, был. Вот уж замечательное судно, а все забыли. Я думал, хоть чалдоны помнят. Он первым по Студёному морю до устья Оби дошёл. Тогда и Ермак ещё не родился.

- А, кочмара, что ли? Слыхал про неё. Она всё одно, что белозёрка.

- Нет, - приезжий говорит, - коч мужской стати, боевой был кораблик. Про Дежнёва слышали? Хочу я памятник ему поставить. Ему и его кочу.

- Карбасу-то? Или как его, эту посудину?

- Да, кочу, памятник нужен. Где-нибудь в истоке Кети его поставить бы. Там главный путь проходил, на Лену, на Амур и на Тихий океан по ней шли, по Кети. Семён Дежнёв, он наш Колумб, дело от отцов знал.

- Ну-ка, что означает слово чалдон?

- Казаки, говорят, которы первы шли, были с Дону и с Чалки-реки. От того и прозвание всем здешним.

- Нет, чалдон — слово монгольское, так степняки называют таёжников. А говор томский, почти тот же он, что у новгородцев и устюжан. Землю эту обжили северяне.

Нашли мы недавно остатки коча, на севере Томской губернии, в мерзлоте лежал, почти целый. Я срисовал его, описал. Его бы и сохранить как памятник. На таком Дежнёв Азию обогнул. Струги да шитики — это потомки коча. Целый караван таких утонул в Обской губе, а кочи уцелели. Открою секрет, для чего памятник: я составил проект водного пути через всю Сибирь. Канал нужен, ох как нужен канал между Кетью и Енисеем, потом за Леной ещё один канал, и вот он, путь в океан. Только успеть бы нам, ведь если железную дорогу проведут, тогда про речные пути забудут.

Мы смотрим: говорит он и говорит, хоть отливай водой. Ба, другой Архипыч явился, только из бар, видать, да помоложе:

- Скоро сюда пароход придёт. На нём не каторжники, а машина вал крутит.

Мы ничё понять не можем, такого слова отродясь не слыхивали:

- Как это порохом? Сгорит же дерево от пороху-то!

- Да они железные. И не на порохе, на дровах, на угле. Народу берёт он, пароход, человек сто да баржу на буксире тянет. Пойдут они и в Кузнецк, и в Барнаул, и в Тюмень. Лоции надо заново составлять: у пароходов большая осадка. Ищу лоцмана, чтоб хорошо Томь знал. Вас, Фома Архипыч, все в один голос хвалят. Согласны работать со мной?

- Оно конешно, раз человек знающий. Согласный промеривать, пойду, пойду, помяну молодость.

Так вот и поплыл старый зипун в последний раз, да против течения. Никак лет пять они ходили, Томь насквозь промерили-описали, на Енисей вышли и его меряли. Обратным путём Кеть обмеряли, канал там размечали. Слух был, где-то на берегу и похоронили дядю Фому. Сам так просил: обязательно чтоб у реки. А песню его тут, считай, каждый из нас помнил. Это когда он Томь хвалил, тешил её словами-то:

Разливалась река —
С крутым берегом равна.
Нагуляйся, милка, вволю,
Ты у батюшки одна.

Ну, на счёт песни врать не стану, а вот паромное место у нас долго ещё называлось Фомин перевоз.

Первопроходцам Сибири очень пригодился опыт поморов, а они доплывали на своих кочах от устья Печоры до Оби за два месяца. Это те самые корабли, на которых викинги достигли Северной Америки ещё до Колумба. Кочи выдерживали морскую качку и хорошо держали курс поперёк волны. Так, по пути в Мангазею в Обской губе большие плоскодонные коломенки перевернулись, а кочи уцелели.

Преемником коча стал струг – до тридцати гребцов. За три месяца доплывали от Тобольска до Маковского волока (перемычка между бассейнами Оби и Енисея), это почти середина пути до Иркутска. На кочах и стругах размещались только гребцы-воины и гребцы-промысловики. Дощаники и шитики уже меньше отвечали качеству боевых кораблей. Это скорее грузовые суда, больше рассчитанные на парусный ход.

А наплавные мосты, как их забудешь! Это поставленные на якоря лодки, поперёк которых доски проложены. До создания сибирской железной дороги на крупных реках здесь не было мостов, действовала паромная переправа. Водный транспорт уступил своё первенство, когда города и хозяйство Сибири уже сложились. Но перевозки ещё долго были сезонными: летом большей частью по воде, зимой санный путь по льду тех же рек.

Праведное Беловодье

Добро здоровье, Митрий Изотыч и тётке Аграфене самолучшии пожеланья. Низкой поклон Еремею Иванычу и Овдотье Степановной, и Егору Фомичу поклон и здоровья желаю, а наипаче душе спасения. Ещё Савелью Лукичу с супругой и детками, ещё Филипу Сысоичу, ещё Игнату Сидорычу с супругой и детками, всем добраго здравия и душевна покоя. На всякий случай простите, в дальний путь собрался я, вернусь ли, кто его знает. Дед перед смертью велел мне идти в Белу землю. Скот всякой распродал, скарб тоже, нащёт продажи дома пока не выходит.

Вы помните, дед Спиридон молодым ходил в светло царство игумена Мелентия, да увидал его токо с краюшку. Пошли они четвёро, молодые были ещё, искать земли непорочной. Нет там ни судей, ни властей, правят монахи, а над ними главный царь-игумен Мелентий. Сохранено то царство до Судного дня, оттуть пойдёт новый род людской. Но грешному человеку нет туда ходу, немало поспешников умерло на самой грани. Шли они, все свои деревенски, и взяли их в плен киргизы и распродали по китайским городам. Дед Спиридон один из тех был. Его уж отпели тут, вдруг он живой приходит. Сказывал ему один нерусской мужик: есть де в Китайской земле в горах озеро велико, живут при нём люди древлеправославной веры.

Лет за двадцать до того один полуполковник у азиатцев чертёж земель списывал и видал то озеро и русско селенье с церковью, где не тронута вера. А как он охвицер и с казаками пришёл да с ружьями, то и не пустили его в село. Сказали токо: «Не переступи черту, коли хошь домашних своих увидеть, нету вам пути в Белу землю». Один казак своё спрашивает: где, мол, девок на невест берёте? А они: тут, мол, и к размноженью всё способно, невест у каликаров выкупаю и крестим первым чином. Ничё, верны жонки выходят.

Долго жил я впусте, подумать, что пойти в эдаку даль, и то страх брал. А намедни пришли сюда люди из нездеиной земли, звали оставлять страну обреченну, где все мы живьём согнивам. Уежжайте, мол, скрывайтесь, Судный день близок, ждать больше неча. Берите с собой

домочадцев, а кто святой земле годен, она сама разберёт. Упросили меня наши деревенски вести артель, как один я знаю путь по дедову сказу. Караваном идти решили, коней вот и верблюдов покупаю. Захотели христиане старой веры пожить там, и я деньги с миру собрал.

Под старость лет дед ведь снова захотел пойти в светлую землю, чтоб и помереть там, - семья удержала. Пуще всего хороший дорожник надобен, чтоб всё в нём без ошибки. От Сулой-города на восход по Чёрному урману, будет Оболонь-слободка, потом вдоль Немирной речки, тут на грани последня кержацка заимка, а как Сизый урман кончится, пойдёт Белогорье, за ним через неделю-другу и само Беловодье откроется. Токо оставя все хозяйски попеченья, можно выжить в Белой земле, чтоб грех мира в неё не занести. Я рассказ дедов слово в слово запомнил.

Передайте поклон Нифантию Семёнычу, ещё Устину – очество забыл. Низкой поклон также Еремею Иванычу, а наипаче душе спасения. Ещё Савелью Лукичу с супругой и детками, ещё Финогену Сысоичу, ещё Игнату Сидорычу с супругой и детками, всем доброго здравия и спасения.

Михайла Пашутин

Не бедна была Русь легендами, и среди всех выделяется одна — о богоспасаемой земле Беловодии. Жила она среди староверов, и в ней царство Русское названо богоотступным.

Церковный раскол в России имел жестокие последствия. Больше десяти миллионов человек, истово преданных православию, власть объявила вне закона. Самое лёгкое наказание — битъё кнутом, употреблялось дознание на дыбе, смертные приговоры — сожжение заживо. В конце XVIII века староверов ссылали в Сибирь семьями и целыми селеньями. Но они и сами бежали сюда и создавали не только скиты, но и целые деревни. Обжившись, обеспечивали хлебом рудники и заводы, но была особая прослойка — бегуны-странники. Эти бежали на восток в поисках блаженного Беловодья. Что находили они? Разочарованье, плен, а нередко и смерть в дороге.

Не такова ли судьба молодого бегуна-странника Михаила?

- А даль-то, даль-то, царица небесна! Конца-краю нет!

- Тише ты. Не вишь — Белогорье? Тут шуметь — грех.

Гряды за грядой, вблизи темно-зелёные от сплошной хвои, а дальше бурые и сизые, идут увалы. И там вон, за синими гривами, лежит сама Чистая земля. В дорожнике так и сказано: перед Беловодьем будет Белогорье.

Господи, неужели когда-нибудь, под вечер скорее всего, донесёт ветер удары колокола — беловодские звоны? Белый горд над синим морем, а церковей в нём, говорят, не сорок сороков, а сто сот с семьюстами. И правит там старец-праведник Мелентий. Вторую сотню лет живёт, на то он и святой. Самая прямая вера, от Царьграда идёт, от апостолов...

К стоянке подошли, уже смеркалось. Огонь под котлом приветливый, хорошо костёр занялся. А Михеич на коленках, то дует в него, то машет соспрелой шапкой. Лицо, багровое от натуги, распухло от комаров, а всё равно доволен, песенку помыркивает. Вздрогнул, оглянулся, шапку отложил.

- Ну, рыбы тут, ребяташки! Чёрные-чёрные карасищи. Ведра полтора мы с кумом надерьгали. Счас бы сеть, тут их хоть возом вези да продавай... Ну дак чё она, речка-то, на полдень показыват или нет?

- Да вроде бы туда, на полдень. Там гора за горой, кто его разберёт. А видко далё-ёко там, страшенна даль!

Полтора Степана пришёл совсем уж впотьмах. Трещал сучьями, пыхтел, - ну совсем медведь. Молча поставил у огня ведёрный туес с рыбой, молча оглядел всех. Руки у него золотые: и кузнец, и шорник, да хоть кафтан сшить — сошьёт не хуже портного. Михеич тоже и сапоги шьёт, и шапки — поискать ещё такого. Потому и решились вчетвером идти, что всё умеют.

Уха с пучкой — вот это лакомство! Михеич сейчас издалека подъедет, а придёт всё к тому же — про последние дни, про конец света.

- Ну-ко, догадайтесь, - кто может перейти море не мокрыми ногами?

- А чудаки же эти казаки! - Спирька не утерпел, со своим влез. - В Кузнецком остроге один парень говорит, отец-де вечер морды поставил, дак сходить проверить надоть. Я ему: чьи таки морды, куда ставил? Как чьи, свои, говорит, дед плетёт. Дак это, небось, мердушки, говорю, верши? Нет, дескать, корчага — одно, а морда совсем друго дело, в неё и больша рыба захаживат. Молоды казаки все курят и выпивают в будни. А крестятся всёжки по-нашему, сам видал — двуперстно.

- Казаки, они тоже всяки есть. Слыхали, в Таре какой бунт содеялся? Человек, говорят, под сто сторело. Не стали присягать царю-антихристу, в огненну купель пошли.

- Да не сожглись они, а бочку с порохом рвануло. - Ох, дерзок стал Спирька за дорогу. - Потом, какие не померли, тех в Тобольск на разбор к воеводе погнажи.

- Не знашь толком, дак и не плети лыко! Потом уж бочка-то взорвалася, от большого огня. Так я слыхал.

- Вот и в Сибири сожигаться стали. Край, видать, настал. Одно осталось: в огонь идти. Сказано же: при восьмой будет при тысяче, при последнем будет времени...

- Да нету в Писании ни самосожженцев, ни запощеванцев, которы до смерти постятся. Всяки были праведники, а таких нету-у.

- Спать пора, вставать-то до свету. Боже, милостив буди ко мне, грешному. Подаждь, Господи, оставление грехов всем прежде отшедшим в вере и надежде воскресения, отцем, братиям и сестрам нашим, и сотвори им вечную память. Аминь!.. Ноги-то спасу нет, как гудят.

- Дядь Семён, а как это — по морю не мокрыми ногами?

- А, не забыл? А вот как: погаснет солнце веры — пойдёт антихрист по льду сухими ногами, до любого дойдёт царства, всех под себя возьмёт. Взойдёт солнце веры — потонет он, растает лёд неверья... Рыбёшки-то хорошо бы побольше наловить до солнца... Ну, спи с Богом. Идти-то завтра с зарёй ведь.

А не спалось Мишке, вспоминалось. Ходил полуполковник с казаками, чертёж земель снимал и пришёл в русское селенье с белой церковью. И тот полуполковник, воротясь, в книге всё пропечатал, а чертёж нивесть куда девался, стёртый был.

С десяток лет после того собрались девять наших староверов и туда пошли. Сколь-то раз они схвачены были и откупались чем Бог послал, а народу китайского видимо-невидимо, и все ищут семьям на прожиток. И пришли они к реке, а на ней перевоз держат русские. Спросили, как крестятся, откулешны и как шли. Поняли, что говорят правду, и провели их до селенья с монастырём, в коем довелось им молебен слушать. Сам игумен спрашивал, из каких они мест. Сказывал игумен, что ушли они, как зачалось брадобрейство.

Надо всю каторгу узнать, всё горе людское увидеть, вот тогда душе откроется Белая земля. Сказывали, там и не пашут, рисово зерно само растёт на болотах. Везде, на всей земле будут реки огненны, одна Беловодия спасена будет, и оттуда пойдёт новый род людской.

Ну, даст Бог, и мы добредём...

Мы – староверы

Кажись, один уж я и помню, как трактора пришли. Самы это первы были, фарзоны назывались. Идут по Гуниной гриве, чихают-попукивают, задни колёса у тракториста выше головы, на них ножи сверкают. Их всего два и было-то, а чё тут началось, батюшки-светы! Старухи которы в погреб, которы на подволоку, на чердак полезли, иконы в окна выставляют – сатана, мол, пришёл, конец свету. А мы, ребятня, айда к ним, нам всё нипочем. Мужики, которы из вятских да помоложе, тоже подошли, стоят, тя-янут шеи. Один другого в бок толкат, - а вода текла с радиатора: «Вишь, напрудил лешак, не хуже быка». А тот: «Дак пошто он передом, гляй-ко, передом!» А?! Вот какой народ был...

Ну чё, наливай, раз в гости приехал. Попробуй нашей чалдонской браги. Ты, поди, думал: кержаки не пьют? Раньше, это правда, меньше пили. А от нынешней жизни как не пить? Ну, осподи благослови...

Пришли трактора в колхозы – и всё, жить как хошь, уж не поживёшь. А раньше... Теперь никто не верит, а я с шестнадцати годов семью кормил, пятерых едоков. Отец глухонемой, мать хвора, сёстры-погодки моложе меня, - вот сколь с одного ружья кормилось.

Отец, вишь, какой был: хоть и в сажень ростом, а не говорил, маячил только. Его ещё маленьким гусиха напугала: парила под лавкой, гусята вылупились, а его в зыбке одного пошто-то оставили, он заплакал, она и налетела, стала крыльями его бить... А мать из вятских была; не смотри, что отцу по пояс, топала на него, пальцем грозила. Сиротой она осталась, и лицо от воспы рябовато, вот и выдали за кержака, да за негомо. А так-то что за старовера, что за татарина, девок только в крайнем случае отдавали никонианцы-то. Ну а староверы наши сперва меж собой считались: кто поповцы, кто беспоповцы. Потом всё перемешалось.

С отцом в бане редко кто сдюжит, один Еремей Глазырин, да и тот со второго захода выскакивал. Попарится это отец, ноги в пимы, веник под мышки и айда на пролубь. Там девки ли с вёдрами, бабы ли с бельём, его

не интересуется, а всё же правду-то спереди веником прикрывал. Идёт себе, зад дымится, перед занавешенный. Веник в пролубь макнёт, разотрётся и обратно пошёл, только зад посверкиват.

По отцу-то родни было, - считай, весь кержацкий край. Это по праву руку от речки. А вятский край — он за мостом, в сторону Суенги, мать оттуль взяли. Это которы из Рассеи приезжали, те сперва отдельно селились, их всех вятскими называли. Отец в моленный дом ходил, мать — в церкву. А мы с сестрёнками вятскими кержачатами считались: я и с отцом в праздники ходил, и с матерью. После колхоза сразу моленный дом закрыли, под контору отвели, потом склад там был, опосля уж сушилка. Церкву в клуб перекатали, после войны и клуб сгорел. Молились всё же старухи, ходили на праздники в Бийск, даже в Томск с неделю шли, говорят.

А родни по заимкам, правда, много было, старики ведь, не как теперь, шесть-семь колен помнили. Тогда в любую кержацку избу зайдя, хоть и к незнакомым, — напоят, накормят и в дорогу поесть дадут. А там и надо-то было: зашёл — перекрестись на иконы двупёрсто, поклонись три раза, и всех делов-то. А уж расспросы пошли — обязательно родня найдётся. Мирской зайдёт — сразу видать: ни перекреститься, ни слова сказать, того и гляди, чё-нито стибрит.

На Бажинской заимке дядь Митрий жил, по матери он родня, не сказать, что богатей, а и не бедный, коней четвёро, добры кони, понимал он в них. И ездил с форсом, рысак был у него и кошёвка малинова. Куда теперешним коньям! Он на нём в Сорокино ездил, не ближний свет, там раньше ярманки были, на бегах много выпаривал. До сотни, говорят, выпаривал, а корова тогда десятку стоила. Пьёт потом, гулят с удачи неделю. Ему уж лет тридцать было, а не женатый. Гармошку с каждой ярманки покупал, потом дарил их. Отец, мать ругаются, а ему нипочем. Гармошек-то у наших раньше в заведении не было, на балалайках играли, ну, рожки там, пищалки разны. Идёт с гармонью нарастопашку и на всю-то заимку песняка задуват:

Эх, по деревне мы пойдём -
Рубахи долги пёстрыё,
Берегите, бабы, девок -
У нас бирки вострыё.

Они все песельники были, плясуны, Ноговицыны-то. И драчуны, да здоровуши. Уж Ноговицыны загуляли — чужой не заходи: и напоят, и налупят. Топоры, ножи бабы попрячут, дак они ступени с крылечка разберут и двери с петель вынесут. На других посмотрят — плюются: «Разве это мужики это, горсть вони. У нас уж гулянка дак гулянка, утром

проснёшься — сразу видать: старики водой нас разливали». Я как-то съездил туда, где заимка была, - крапива одна. Сослали их всех, в Нарым сослали. А чё вот к чему порешили семьи? С кого теперь спросишь? Трое их, братовъёв, жило на Бажинской, и пошто-то у всех только девки получались. Одна за одной, да корявы, замуж-то не берут. Сослали их, а они там, в Нарыме, за остяков вышли, а потом и немцев туда заслали, такой ли ещё колхоз развели.

Дядь Митрия перым в район вызвали, коня с кошёвкой отобрали, а самого в каталажку. И сапоги хромовы сняли, а на кошёвке потом начальство разъезжало. Потом узналось: это Сергуня Порохин на него написал: дескать, батраков нанимал. В лесу жили-то, каки там батраки? А из-за бабы всё, только из-за бабы. Ну, бог-то всё видит, не пришёл Порохин с войны. А дядь Митрия раскулачили, так в Нарыме и помер...

Отец, считай, последним в колхоз лошадь сдал, - ему чё докажешь. Всем тогда, кержакам и вятским, одинаково пришлось: как загнали в колхоз - хоть пой матушку-репку, хоть живьём в землю ложись. Наши сперва-то слышать не хотели, а как прижали этим, как его, самоблаженьем, - куда деваться? Таким ли налогом припёрли - всё продай, и то не хватит. Которы, правда, в Чернь уходили, в тайгу, а их там искали. Найдут - в сиблаг угонят.

Отец, тот сильно лес любил. В праздники, бывало, народ выпить, поплясать соберётся, а он головой мне киват, руками костёр показывает: айда, мол, в тайгу. Перву гриву перевалишь - и вот она Чернь, конца ей нету, так с горы на гору и катит. Станет, бывало, у самой здоровенной сосны и вот он стоит, вот уж он стоит. Ведь чё-то же думал человек? Понимал: сосна она и есть сосна, а ты - раз и скovyрнулся, червяк червяком... К тракторам все скоро привыкли, а он - нет: как увидит - долго крестится, как-то не в себе делался. Да что ты, железной посуды и той в доме не держали, избы без единого гвоздя ставили, а тут на тебя куча железа прёт. Как-то быстро он заболел, в полгода не стало. Встал ещё было, гроб-домовину стал тесать, а не может уж.

Могилы раньше жальниками называли, возле каждой заимки они были - всё распаханно. А наше, кержацко, кладбище на пригорке было, пруд под ним внизу. Теперь цистерны там врыты, гэсэм этот, заправка. Вот с самого краю отца и похоронили. Кто мог подумать? Сперва эмтээс рядом построили, ну, вроде терпимо: трактора там, а кресты тут, ограда ещё цела была. А как расстроились, никто и не спрашивал, ограду порушили и пошли под цистерны ямы копать. Кресты-то сперва не трогали, а потом всё одно их гусеницами замяли. Так и остались наши под соляжкой да под мазутом, так и лежат там.

А дома' возьми — ни одного настоящего чалдонского теперь не найдёшь, хоть пройди от Салаира до самого Залесова. Крыльцо высоко полагалось, как на второй этаж заходишь. Внизу коровник, над ним сени и кладовка, в ней обязательно ларь под зерно. В самой избе — лавки вдоль стен, на одну мужики садились, на другую бабы. На одной, спереди, дырки поделаны под прялки. Тябло в переднем углу — киот с иконами, по-вашему. Ну, полати, конечно, над дверью, возле печки. У кого дома лучше были, тех первых и кулачили. Вот и не стало добрых-то домов. Если не сгорел дом, то продали.

Друг у меня был, Федька Глазырин, а у него мать записна считалась. У ей чуланчик свой отгороженный, туда никто уж не заходи, посуда только её, сыну и то нельзя пить-исть. Все среды, пятницы соблюдала — мяса не ела, молилась ночами, домовина уж на подволоке выдолблена стояла. Это вишь чё, готовилась, значит. А ведро-то на всё хозяйство одно, и то дыряво, дно паклей заткнуто. Вот коня мы с Федькой с того ведра поили, это можно, в коня бес не вселится, а сами знашь, как пили летом? На край колоды ведро поставим, паклю выдернем да рот-то под струйку подставлям. Боже упаси ртом задеть — где она друго ведро возьмёт? Сильно бедно они жили, отца не было, забрали его.

А меня Ипат Лукич надоумил, крёстный, хороший мужик, первый охотник был, царство ему небесно. Ты, мол, Вася, сходи-ка в заготпушнину, там работать стало некому, а план большой даден. Года твои пока не вышли, тебя возьмут. Я послушался, пошёл, — правда, взяли. Пошёл да и зажил, куды с добром. Сапоги у меня хромовы, галифе суконно, считай, новёхонько, пинжак тоже купил, деньги появились, — один я такой по деревне хожу. Тут и девки запоглядывали, а то, бывало, на точок в лаптях верёвошных придёшь — как и не видят.

Крёстный, Лукич-то, мне и берданку отдал. В войну он помер, я уж на фронте был. Рассказывали, просил перед смертью в тайгу свозить, хоть с краюшку посидеть. А кто свозит?..

Вот и охотник я. На неделю, на две в тайгу ухожу, обратно иду — мешок шкурок тащу. Жизнь-то у меня и пошла в гору. Теперь, конечно, тот мешок тыщу стоит, а то и все две, дак ты время-то не ровняй. Хорошо за шкурки платили. Можно было только зимой охотничать, и то прокормишься, но тогда летом бери вилы, в колхоз иди. После войны уж, как на тракторе стал работать, я кротов этих да рыжих хомяков по двести штук за лето набивал. Врать не стану, за них больше получал, чем за посевну и за уборочну. А сравни-ка, сколь тогда тракторист получал, сколь простой колхозник, — далё-ёко не родня.

Ведь сколь лесу, сколь зверья было! Колонок, ласка ли эта — за зиму штук тридцать брал. На лис, на зайцей петли ставил. А зайцы, их только на шкурки: никакого зверя с когтями есть нельзя, грех считалось. Барсучье сало если ел кто для леченья, ему долго надо было поститься да отмаливать! А барсука-то, сколь его было, а рысей! Прямо к деревне приходили зимой, на собачат с сосны, бывало, кидались. А весной по насту косули шли откуль-то с Алтаю, - тут не зевай, не спи и с мясом будешь. Косачей, рябчиков тоже бил - эти на суп. Было дичи, что ты, кто не видал - не верит. До войны все гривы в сосняке ещё стояли: и Вахрамеева, и Кузякина, и Гунина, и Долга грива, там теперь поля всё. Вот и подумашь: куда девалось? Другой раз выпью и заплачу. Да я бы уплатил теперь, чтоб хоть перед смертью летягу повидать. Знашь, каки у неё глазищи?.. А чё плачу, старый дурак, один я, что ли, их повыбил? Ну, не сиди порожняком-то.

Сперва побаивался, конечно, сильно далёко от деревни не уходил, шалаши не под горой, а на горе ставил. На горе не так жутко, а за водой-то далёко ходить. Потом стал землянки рыть, потом первую избушку поставил, в тайге уж по месяцу живу. Чернева тайга, урман называются, на сотни, может, верст ни души, а мне поглянулось. Ночью у костра шкурки натягиваю, песни потихоньку пою, - жизни, вроде бы, конца-краю нет. Приду в деревню - бабы спрашивают: неуж ты, мол, ночью лешаков не боишься. А я смеюсь - не думал пошто-то, не боялся. Как уходить из дому, бывало, помолюсь да и забуду про их. Мать-покойница за меня кажин день молилась, из зари в зарю глядела - не иду ли с горы.

Раз, правда, поблазнило. На медведя я не ходил, побаивался, да и как ты шкуру потащишь — дня два ходу? Заведенье у наших, у кержаков, было: убил Самого — постись, молись. Мать следила за этим, всё время спрашивала. Без дела убить - грех, мол, и немалый грех. А одну медведиху убить пришлось: кобеля чуть не задрала, ухо ему оторвала. Его на стог сена выменяли, а сто сот кобель стоил: хоть на рысь, хоть на барсука, хоть на белку. Верёвками её за лапы да приподнял, подтянул на сучьях, ночью уж обдирал, и пошёл вниз к ручью - руки помыть. Обрато иду, к костру-то, - батюшки-светы: баба гола присела, да здоровеннуца.

Баба теперь как начнет лаяться, опять вижу: медведиха и медведиха стара. А другой раз летягу сдуру убил, не разглядел в потёмках, думал, тетеря летит, - всю спину ей дробью разнесло. Шкурка голуба, как-то сизым отдаёт. Красивый зверёк, что ты! Лежит она на земле, судорга уж по ей, а глазищами во-от такими в лицо мне смотрит. Сильно жалел, тоже похоронить пришлось. Дак не поверишь — долго снились они мне. То

одна приходила, то другая. Даже на войне снились. Не вру, ей богу. Налил? Ну, с богом...

Эх, у меня коса до пояса, кудёрочки до глаз,
А разудалый мой залёточка в обидушку не даст.

Грех на мне, парень, большой, видать... Иду это раз с Черни домой, с горы в тайге спускаюсь и вдруг девка навстречу. Не видит меня, присел я, затаился, а как увидела – глазищи округлила, перекрестилась и прыг в кусты, под гору кубарем. Дикошара така, а глаза большущи – как у летяги. От меня, как от нечистой силы, закрестилась. Откуль, думаю, така взялась, наших девок всех, вроде, знаю, их далёко в лес не загонишь. И куда она, на ночь глядя, в тайгу идёт? У матери спросил – не слыхала. Потом всё же узнал от кого-то: это Вагайцевы с Суенги, настоящи чалдоны, мол, богомольны. Ушли от колхоза в тайгу, в запрошлу весну, как раз на Еремея-запрягальника снялись всей семьёй, бросили дом, иконы одни взяли, в Выдриху, дескать, подались, не ближний свет. А для прилику слух пустили: в Елань, мол, переходим, там колхоз больше. Тогда ещё не так строго было, это после войны ты уж хрен с одного колхоза в другой переедешь, а сперва-то ещё разрешали. Девку эту Фелисатой будто звать, лет двадцать ей, а так и сидит монашкой

Ну, хожу это по тайге, петли ставлю, а самому интересно стало. Думаю, всё одно я вас найду, охотник я или нет! И нашёл избушку, по дыму утром нашёл. Дотумкал, на сосну залез на самой высокой гриве, и вот он – дымок вдали. Айда туда, скрадок в ельнике поставил, следить стал. Живут, вижу, четверо – старый мужик, двое парней и она, – полянку раскорчевали, огородишко завели, три улья стоят с пчелами. Избёнка дранкой вразбежку покрыта, в одном окошке стекло, а в другом – бычий пузырь. Землянка рядом, у ручья, погреб, видать, изладили.

А потом всётки устерёг одну её в малиннике. Уж детна утка на крыло встала, чирков там на озере смотрел, а стрелять не стал. Испугалась сперва-то, присела и крестится. Ну, я по-хорошему, сказал, откуль я, давно, мол, знаю про вас, никому не сказывал. Вроде, успокоилась, слово за слово, давай рассказывать, как живут. Мать у них померла, тут и похоронили, середь тайги. А хотели, и правда, в Бахтарму идти, или как её там. Дескать, где железа много, там и бес правит, всё к одному концу, мол, идёт, а где вера настояща, туда колхоз не дойдёт.

А зиму-то, спрашиваю, как же, зиму-то ведь с ума же можно сойти без народу? Чуть не плачет, – а так, говорит, и живём: пока отец вслух Писанье читат, молчим, а так – сплошь ругамся с братьовьями. Одного Ларькой звать, другого Саркой. Ну, Ларька, говорю, это Ларивон, понятно, а Сарка – это как? Сарapiон, говорит, неуж не знашь? Отец уж колоду себе

вытесал – ждёт светопреставленья. Двенадцать громов кряду, двенадцать дождей горячих, двенадцать градов каменных с неба, и тогда уж – реки огненны хлынут. В судный день любя железака в реку огненну тянет, а ты, мол, с ружьём целыми днями ходишь. А коса-то у самой – в кулак толщиной, а глазищи-то ещё больше, как она про страховито про всё рассказыват. А я поддакиваю, думаю себе, – ты теперь от меня не уйдёшь, летяга большеглаза. И правда, на второй раз тут же и до греха дошло, сразу как-то. Стал я, вроде, прощаться да приобнял её чуть-чуть, а у ей и ноги подкосились... Да на малине на рассыпанной, – туесок-то опрокинули, – да у муравейника, ни я, ни она не помним,

Ну, и пошло у нас, и закоромыслилось, – она уж сама ко мне приходит в избушку. А уходит – шепчет: – Ох, догататся отец – зашибёт, с одноразки зашибёт!

Н-да, нашёл, значит, спасеницу в праведной земле. Смеётся и плачет: куда ни кинь – кругом клин, согрешенье одно... Налил?..

А тут вот она, война. Ну, война она и есть война, век бы её не поминать. Прихожу домой, а уж четвертый день война, говорят: – На тебя повестка лежит, просрочил ты. Куда деваться? В лес бежать – два дня туда да два обратно. Скажет ведь – сбежал я от неё. Отец маячит: иди, мол, воюй, как следно. Напился я перед отправкой, первый раз сильно напился да проболтался парням: там, мол, в тайге два таких лба сидят, про войну знать не хотят, а мы иди, башки подставляй. Утром похмелились мы с Пашкой и пешком в Салаир пошли. Убили его, как-то сразу и похоронка пришла. А тех двоих, говорят, привели под ружьями с тайги-то да в амбар заперли. Чё уж, как уж с ними потом было, не слыхал. Ну-ка, налей, да по полной...

На фронт пригнали, под Велики Луки, стрельбы провели – я всех лучше. «Ты, Скуратов, в снайпера пойдёшь, готовься». Батюшки-светы, это чё, думаю, кажин день теперь в живых людей целить буду? Из пушек палят – не видать, в кого, а в эту, в эту линзу-то, в её же личность видать, усатый он там или безусый. Мать наказала: пока, дескать, человека не убьёшь, тебя не тронет. Масхалат дали, пимы, горюшка, вроде, нету. Ночью на сосну залезешь, день сидишь, как сыч. Ну, пальнешь раз-другой для отводу глаз, чтоб начальство не страцало. А потом узнал: снайпера, они же первым делом друг за дружкой охотятся. Один выстрел оттуль дали и молчок, это он, успевай, выслеживай. Не ты его – значит, он тебя. Я такого первого снял, они меня и застукали. Вдруг будто штук сто топоров по сосняку – тят-тят-тят. Щепки, сучки летят, это они по мне с крупного пулемету очередюгу жахнули. Да втору тут же прямо под ноги мне. Сосна подо мной кувырк, я и полетел в снег. Лечу-кувыркаюсь, а возле меня пули

хыть-хыть-хыть. В сугроб упал, лежу в снегу и думаю: мать там, видно, лампадку не гасит. Там, на фронте, все шептать-молиться начинают. Что ты, парень, что ты... поле видал телами завалено, да один на одном лежат, и пулемёты над ними день и ночь косят...

А ранил меня свой же брат снайпер. Весной было дело, вода в окопах, день-то в воде на локтях да на коленках стоишь. Переколотили нас, от полка почти ничё не осталось. Через день да кажин день в это, как его, в боево охраненье посылали. Это же вперёд всех, под сами-то под пули. Солнце, как счас помню, вставало, я из окопа выглянул, рукой от солнца заслоняюсь, а он, пёс, с сосны мне в лоб и уцелил. А видно, не смерть мне там была. У них пули-то разрывны, она в руке у меня и разорвалась, аж глаза кровью забрызгало. А кабы не разрывна, она бы сквозь голову прошла, что ты!

В госпитале отвалился, на комиссию вызвали, пальцы не шевелятся – списали. Подошёл я к сосне на горе, отгуль деревню видать уж. Вот оно, рядом, а ноги не несут, как ватны стали. Слабость, вишь, - три месяца в госпитале да сорок вёрст прошёл. Лежу и плачу, ага, так обидно стало. Лежу под сосной, а она вся молоньями пожжена, искорёжена - мне стыдно стало. Лежу и думаю: Господи, живой остался, дай только силы – не знаю, чё сделал бы. А она вроде как шумит: ладно, живи, мол, посмотрим, чё ты тут натворишь. И тут понырёвски девки на быках едут, керосин везут. Одна-то мне поглянулась, красива тогда была, костиста, правда, смехом посулился приехать со сватами. А вишь, так оно и вышло, четырёх девок мы с ней напахтали, внуков теперь семеро по лавкам.

Вернулся домой – жрать неча, хлеб весь забирают, работать в колхозе некому. Послали меня на курсы трактористов, оклематься пока, работник-то с меня как из хрена гуж. На трактор сел, да сразу бригадиром поставили, а какой я тракторист? Некому пахать-сеять, одне девки да я, полорукой. Трактор она не может завести – ко мне идёт, плачет; ремонт – опять за мной идут. Нет мужиков, хоть шаро'м покати. В посеvну и в уборку домой ночевать не пускают, а кульстан этот – провокация одна. Спит она рядом, постаныват, а им же тоже все сроки вышли, не на кого надеяться. Ну, и закатил я кругалья, после войны знашь, как жить охота? Война-то не кончилась, вдруг завтра обратно заберут. С Танькой Босыгиной черт схлестнул надолго. Она возьмёт нарочно трактор заглушит и под него залезет, коленки выставит, и пошёл ремонт, - где ж ты устоишь? Я и так-то шкелет шкелетом пришёл с войны, отъедаться нечем, кроме пучек да дикого луку, а тут меня и совсем запошатывало. Дорвался в обчем.

Потом слышу от девок: Фёкла банна, говорят, с сиблагу вернулась, у ей ребёнок год как помер. А мне и не в ум, что там за Фёкла, да не у нас же, а в Суенге. Она, мол, Фёкла эта, умом тронулась. В сибулоне, там урки баб сильничают, а парнишка тут у родни помер. Теперь вот ходит по деревням, ищет его. Да что за Фёкла, спрашиваю, не слыхал раньше. А пришла, говорят, из тайги с брюхом, отец быдто из дому выгнал, а братовъёв забрали обоих, в район увезли, как война началась. Как уж она в тайге пузо нагуляла – все бабы дивятся, от брата, что ли, а больше там неоткуль. Тут меня и стукнуло. Может, спрашиваю, слыхали, чья така? Вагайцева, мол, знают их, отец-то, Иван Гордеич, сильно уж богомольный. В колхоз её записали, а она, вишь, по большим праздникам навадилась на работу не выходить – вот и засудили. Вся деревня плевалась. На работу дак грех ей, а с братом, мол, блудничать – это не грех! Потом слышу: ноги дескать у неё обморожены, зараженье пошло, померла, говорят, Фёкла Банна...

Был я в Суенге, видал могилу. Родня похоронила, крест большой поставили, восьмиконечный, как положено, а написано плохо, еле-еле видно: Вагайцева Фелисата Ивановна. Я химический карандаш купил, хотел подправить, да думаю: увидит кто, скажут, чё он к могиле лезет. Маленького креста рядом не видать. Лей давай, лей, не трусись...

А мне уж отец грозить стал, маячит: женись, мол, пёс ты подкорытный, пока ноги не протянул. Прихожу раз домой – бричка-пароконка стоит у ворот, думал: гости. Мать говорит:

- Надевай хорошу рубаху, новы сапоги, езжайте на Поньри, к Таське Могутиной свататься.

- Как так?

- А чё тако? Она девка не ленива, и не слыхать, чтоб блудила, как другие, езжайте.

Как, думаю, сам сватать буду, чё скажу? Из отца какой сват, самому придётся. А она – вот она, бежит с огорода, руки в земле, рот до ушей – хоть завязочки пришей. На друго лето избу их перевозили. Полез на чердак, а икон там штук двадцать скопилось. И больши, и маленьки, всяки. Трону их, а краска сыплется, крыша-то давно худая. Старухи перед смертью её бабушке отдавали, а та уж сколь годов как померла. Постоял подумал: мать же вашу перемать, чё наделали! Их же, небось, тыщи вёрст в котомках тащили, отгуль несли, с Рассеи. Первым делом моленный дом ведь ставили, потом уж себе избы. Так и закопал их там под рассадником, когда уезжали. Да многие так делали, как старики помирали: лебеда на рассаднике остаётся, а под ним стары иконы.

Пока молодой был, о грехах-то не думал. А теперь сны вот замучили, таблетки уж заказывал, ничё не помогают. Таське, старухе-то своей, рассказываю — та своё: это грехи, твой стыд тебе спать не даёт, велит споведаться. А где нашему брату теперь споведаться? Там где-то, я слышал, на то врачи учатся, чтоб как раз таких слушать, а у нас, вишь, одно — вот при ей, при бутылке. Тётка Домна, ей уж лет девяноста, небось, та говорит: сны, они не соврут, их только уметь понимать надо. Кто грехи, мытарства эти, или как их там, изживёт, тот молодится начинат и обратно ребёночком стаёт.

Нет уж тех кержаков, чё зря говорить. Те-то про конец света часто говорили, на каждый большой праздник, а теперь никто и ухом не поведёт. Перед концом света много чего люди увидят, а понять станет некому. Всё ни почём станет, хоть два чуда на день — как так и было.

А в тайгу-то? Нет, не хожу больше. Далёко стало, давно не бывал. Дошёл и до нашего краю лесоповал, лет тридцать валили. Куда деваться? Видеть уж стал плохо, кака мне теперь тайга?.. Да чё уж теперь, не наше время...

И вот, слушай, другой сон вижу, тоже не первый раз уж. Несут будто покойника по улице, наши мужики вроде несут, бабы идут гунински и елански вместе, а я на ходке подъезжаю, опять вроде бригадиром у трактористов работаю. - Кого хороните, спрашиваю. - Кого-кого, Василья Скуратова, вишь, допился, чёрный, как из печки. - Да вы чё, бог с вами, какой вам Скуратов, живой он! - А пошёл ты к такой матери, пока в бока не торкнули. - Пошто помер-то, чё приключилось? - Да от водки, дескать, похмелиться не дали, вот кровь и свернулась. - Ну, едрит твою голенищи, - а медали-то, мол, пошто медали-то не взяли? У его же медалей полно. - Каки там медали, говорят, весь век рюмки за углом высматривал, вот его медали. - Да я счас сбегаяю, оне в комодё! У его же дочери, внуки есть, как без их-то!?

- А детей он, говорят, по сенкам оставлял по чужим. В какой деревне бригада стояла, там и дети живут, теперь не узнают его.

- Бросьте вы, говорю, всего-то у одной у Стешки Помыткиной, да и та в Горяевке замуж вышла. И родни ведь никого не видать. Может, говорю, не он совсем, обознались вы? - А нам, дескать, мать его не крестить, унесём да зароем, лишь бы на поминках подали.

Да мордасты всё парни гроб-то несут. - Нет, говорю, ребята, дайте-ка в личность гляну, я тут всех знаю. Наклоняюсь будто, а он, гад такой, подмигиват из гробу: не выдавай. Я тут с испугу-то перекрестился, а он сел в гробу и забазланил спьяну:

Чугунка старая-престарая
Ходила с бато́гом,
А полюби́ла рукомо́йника —
Забегала бегом.

И пальцем на меня, гад такой, показывают: «Бей вятских!» Все на меня кидаются, духота вот кажин раз нападёт, и тут просыпаюсь. Старуха говорит: это грудна жаба сосёт, сердце тебе давит, дак уж не знаю. Грех, выходит, он всё равно грех, веришь ты – не веришь, он всё одно мучит...

А этим што, Гурьян ты или Севосьян, унесут и зарюют. На поминках-то передерутся, небось, если хорошо подадут... А как так – я не заметил? Только сели – и уже нету! Сходи к Вале-продащице, она на дому водку держит. Так, мол, и так, скажи, от свата Скуратова, только тройку накинь... Унесли, скажи, унесли, медали, небось, пропили. А куда деваться, не наше время...

Про Золотую бабу

Нуми-Торум, владыка мощный,
Хозяин верхнего мира,
Над тайгой, в зените, вечный след твой,
А Нарым поёт хвалу и славу!
И шаман, выдавший небо, скажет:
- Нуми-Торум видит злых и хитрых,
Что железом землю устилают.
Чтоб медведь весной просыпался,
Золотую мать он к нам направил.
Мать огня, мать жизни охраняет
Всех рождённых, всех она запомнит.
Он богиню-мать послал на Север,
Где ночами сполохи играют,
Чтобы снова на скале прибрежной
Ей сидеть, всех нас благословляя,
Всех, чья жизнь короткая проходит
Так, как бабочки в костре сгорают.

Вот она, удача: песня-заклинанье теперь на бумаге. Плох или хорош мой перевод, но он есть. Теперь важно довести её до города. Записывал тайком, по ночам, при сальной плошке. Не зря здесь прожил, нужное дело сделал. Ещё несколько лет, и будет поздно. Посвящена песня Сарни-най, огненной богине-матери. Южные ханты имени такого уже не знают, да и здесь, на нарымском севере, о ней помнят не все. По-видимому, культ её, обычай этот из глубин истории.

Милостив Бог ко мне, - чуть было не умер, зато подружился с шаманом. Видимо, плевроит подхватил на охоте, когда ночевали в снежной норе. Хантам хоть бы что, а я горел в жару и задыхался. Начался отёк лёгких, и в здешних условиях это смертный приговор.

Шаман Кузёма Пырчин живёт в глухой тайге, ехать к нему около суток на оленях. Но меня довезли живого, хоть и без сознания.

Когда вынырнул из беспамятства, увидел улыбающегося остяка: «Стороф, руть-ики, теперь шить путешь». «Шайтанщик» оказался не стариком, а сорокалетним мужиком, роста среднего, коренастым и, как все здесь, коротконогим. Это – от недостатка витаминов, уже много веков ханты живут на севере, деды их овощей и фруктов не видели.

Доложил: душу мою он извлёк из нижнего мира. Говорит, стояла она там одна-одинёшенька, ничего не понимая, хотя русских там видимо-невидимо. Много там всяких душ-уртов, и большая часть навеки, безвозвратно мёртвые. Только люди Севера, те, что жили правильно, возвращаются детьми, остальные – вечные пленники тьмы. Правда, про огонь и муки шаман ничего не знает, там просто тундра.

Мы, русские, хороним неправильно, и скоро все останемся в нижнем мире. Хоронить надо головой на юг – это самая хорошая сторона – или на восток. И зарывать глубоко нельзя – душа не освободится. Жил когда-то в тёплой стороне, куда гуси на зиму улетают, большой народ, любил золото и войны, а стариков тогда зарывали в курганы. Теперь они все там, во власти хозяина страны мёртвых, Хинь вэрт имя ему, он же самый сильный дух болезней. Жили они немирно, убивали и грабили, этим детьми уже не вернуться. Русские тоже закапывают головой на закат и очень глубоко. И потому старики детьми всё реже возвращаются в мир живых.

Ничем в быту от других Кузёма не отличается, только бубен я сразу заметил в углу. Детей у него трое, родиться они стали недавно, с опозданием от сверстников, зато ни один не умер. В остяцких семьях дети рождаются каждый год и многие умирают. Матери не горюют: так судил Торум, верховный бог, хозяин неба. В другой раз душа вернётся на долгую жизнь, узнает старость.

А бубен, оказывается, сохранился в районном музее. Когда-то принадлежал он деду Кузьмы, и проезжий русский, буровик, подсказал: попробуй вернуть его, теперь можно. И удалось, бубен почему-то отдали. А деда, говорил отец Кузьмы, увезли в город, арестовали его, и с тех пор вестей о нём нет. А как попал в руки Кузьмы дедов бубен, он и почувствовал себя йолом-колдуном. Слова «шаман» они не знают, оно из другого языка.

Рассказ Кузьмы-шамана

Я молодой был, считали — плохой родился: слабый, ума не видать чё-то. Топор возьму — ногу порублю. Тонул раз, сети рвал, ружьё терял. В лес пойду — никого не убью, пустой домой приду — надо мной смеются. И чё-то тако находило на меня, дёргались руки, голова кружилась. Потом жениться сильно надо стало. Женился, а бабёнка по ночам плачет: «Уходить буду, мужика нету».

А один раз в тайге медведица близко подошла, вот как ты, обнюхала и не тронула. Сперва медвежонка я увидел, он в муравейнике рылся, фыркал с радости. Поглядел на меня и не убегает. Я стою, говорю ему: - Зачем глупый такой? Молодой ещё? Большой станешь, в тебя стрельнёт кто-нибудь. Смотри, люди, они сильно плохие, да ещё пароходы эти пришли, железо всяко-разно.

А на меня сзади кто-то дышит. Оглянулся — она, мать медвежья, прямо в ухо мне сопит и головой мотат. А потом повернулась она, побежала, и медвежонок за ней. Рассказал — не верят мне, опять смеются. Одна старуха поверила, она давно родилась, когда тракторов не было. Сказала: - Видно, душа деда вернулась из нижнего мира. Он большой шаман был. Его испытывали так: он в прорубях выплывал. В одну нырнёт, в другую вынырнет. А так-то, летом, плавать не умел. К нему больных везли, и мухоморов на подарки издалека везли. Без мухомора шаману нельзя. Чтoб долго вертеться, два дня плясать, надо сушёный мухомор за щёку.

Потом тяжело заболел я, посчитали: умер уже. В болото провалился, зима начиналась, вот и заболел, дышать не мог. А умирать — чё-то нет охоты. Тогда я как заново народился. Лежу, рук и ног не чую, и вдруг в голове свет, огонь прошёл по телу и вижу старика. Потом второго, третьего, много стариков, и все похожи, головами кивают, договариваются меж собой. Это деды-шаманы пришли, так мне старуха-медведица сказала. И после стал я видеть тех, кого рядом нету. Три дня лежал, хоронить собирались, а я нисколь не пахну. Потом встал и стал понимать не так, как раньше, лучше стал понимать. Деревья стали подсказывать, знаю теперь, чего птицы друг другу кричат, и зверя угадывать стал, чего от него ждать.

Однажды пришла во сне она, вроде медведица, вроде старуха, и говорит, что надо пройти главные болезни. Я входил в избы и в чумы и видел горячку в груди, гной в кишках, соль в спине. А она подсказывала, что надо без спичек и кресала разжечь огонь и сварить болезни в котле. Потом медвежий голос сказал, что пора

мне побывать в нижнем мире, в краю мёртвых. Я умом пошёл вниз Большой реки, в сторону ночи. Есть где-то в тайге большая яма, через неё уходят в нижний мир. Там увидел Мать огня, Сарни-най, она кивнула. Так-то пройти к ней нельзя — пропадёшь, там силков и капканов много. Там луков-самострелов деда наставили, росомаха не проскочит. В яму я вошёл, провалился куда-то, и понесла меня Река назад. Ходить туда людям опасно, можно не вернуться.

Ну а без бубна какой ты колдун? Бубен привезли, взял я в руки, - вроде, стало весело, а ничё не выходит. И другой, и третий раз — то же. А потом привезли больную девчонку. Взял я бубен, завертелся. Тут сразу стал шаманить: признал меня бубен. Духа-помощника я редко зову, - если надо кого найти, потерянного, или вылечить сильно больного. Тебя увидел — сразу понял: одному не справиться, надо помощника звать. Надо было тебе отдать свою силу. После того дня три еле ходишь, сам больной делаешься. Тут надо долго спать, потом много есть. А когда ищешь кого, надо его видеть умом, а не глазами. Тогда поймёшь, где он заблудился, кто девку украл, держит обманом или силой.

Тебя лечить сильно тяжело, ты русский. Как закамлал, бубен-олень сразу к неживой земле понёс. Звери-помощники за мной несутся. «Птицы-звери, в какую землю придём?» К худой, говорят, к обречённой земле идём. К обрыву, к берегу шагнул, вниз посмотрел — сильно жутко. Клыкастые звери сидят, лижут, кости кругом. Пролетел мимо — проснулись они, вниз по течению помчались. Внизу гул стоит, река о смерти поёт. А по берегу окаменелые люди поставлены. Семь их стойбищ обошёл, яму с водой в топком месте нашёл. Дух-помощник говорит: здесь ныряй. Я нырнул. Там у мёртвого дерева олень-бубен привязанный остался, пусть отдохнёт, сам дальше пошёл. Внутри нижнего мира попал, много людей-теней вижу. Пернатый, зобастый зверь вдали крыльями машет, меня ждёт, зоб у него надувается. Если клонет, здесь останусь. Ему панг-мухомор показал, он обрадовался. Много там уртов-душ увидел, всякий народ видал: и ненцы, и наши, и ваши, русские, тоже есть, и ещё не поймёшь кто. Все хотят вернуться и жить, а не могут дорогу найти. Там тот же Нарым. Нэрэм по-нашему означает болото, - в нижнем мире всегда туман и холод, а лесу мало. А если идти дальше нижним миром, там, на юге, есть тёплая земля, оттуда птицы прилетают и дети приходят в мир. Старики проходят насквозь нижний Нарым и возвращаются снова детьми. Бывает, часть души уходит вслед за умершим человеком, когда сильно

горюют. Надо в нижнем мире уговорить умершего, чтоб отдал чужую душу, пострадать его. Он же не хочет расстаться, ему там боязно одному. Когда уходил, люди-тени кричали, а ничего не слышать, только шум водопада. Небесный ветер так шумит. На оленя тебя посадил, сам рядом бежал, вывез бубен-олень, в жилище очутились. Огонь разжёт, тебе грудь оттёр, ты глаза открыл.

Сам чего сможешь? Надо услышать, не зовут ли туда. Когда в теле сила и свет есть, духам болезни не войти, ты их прогонишь. С деревом надо дружбу завести, оно поймёт и болезнь твою в себя возьмёт. Деревья, они самые добрые на земле, а всех добрее кедр: всех кормит. Не будет у него шишек — белки не будет, не будет белки — соболя не станет, не будет соболя — медведя не станет, не будет медведя — охотника не станет. Так устроено, а Мать огня порядок знает.

4 сентября. Пора домой, в город. Есть ещё один текст. На прощанье Клава, жена Кузьмы, спела песню-причитанье самой богини-матери. И оказалась мать жизни покинутой женой, совсем не грозной. Кажется, у неё с мужем была семейная размолвка, и он лишил её прежнего места в верхнем мире. Она мечтает вернуть любовь супруга. Возможно, это про другую богиню. Имени её не знают.

«Удачу приносящая песня» — такое вот названье. Исполняли её только женщины, при том в Медвежий праздник. Песню эту давно пела бабушка Клавы, за точность ручаться нельзя.

Ослепительно белых быков
Бесконечный оленный обоз —
Еду в устье великой реки,
С вестью радостной еду я, най,
Чтобы муж меня вновь похвалил.
С тайной дверцею чуден мой дом
На скале у великой реки,
В нём огромный очаг — это жизнь.
На свистящих утиных крылах
Я в родное гнездо прилечу,
С вестью радостной, лебедем став,
С громким кличем на север помчу,
И за мной лето катится вниз.
Друг, с которым имела детей,
В верхнем чуме своём он сидит,

И он скажет: - С вестями ты, най?
С доброй вестью вернулась домой?
Будет жизнь, будет в чумах огонь.
Лес, под солнышком спину ты грей,
Духи леса, храните людей,
Духи вод, рыбам дайте проход.
Жизнью-обручем всех охвачу,
Танец мой радость всем принесёт,
Дым — жилищам, оленей стада —
Много радости, много добра
Всем приносит мой танец огня.
В край на полдень, к истоку Реки,
В край, откуда к нам гуси летят,
Я подарки отправлю туда.

Легенда о Золотой Бабе проникла даже в Европу. Её пересказал Матвей Меховский, ректор Краковского университета, в своём «Трактате о двух Сарматиях» (1517 год): «За землю, называемую Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большой идол Zlota Baba, что в переводе значит "золотая женщина" или "старуха"; окрестные народы чтут её и поклоняются ей; никто проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует её с пустыми руками и без приношений; даже если у него нет ценного дара, то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговеино склонившись, проходит мимо».

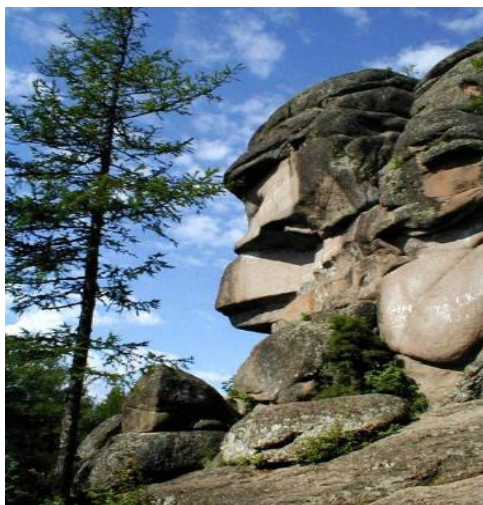
Посол Австрийской империи Герберштейн оставил нам интересные «Записки о Московии» (1549): «Золотая баба, то есть золотая старуха, есть идол, находящийся при устье Оби, в области Обдоре, на более дальнем берегу... Рассказывают, или, выражаясь вернее, болгают, что этот идол, Золотая Старуха, есть статуя в виде некой старухи, которая держит в утробе сына, И будто там уже опять виден ребёнок, про которого говорят, что он её внук». Похоже на скульптурное изображение череды поколений. А нет ли здесь влияния скифо-сарматской культуры на древних угров?

Итальянец Гваньини в 1578 году изложил ту же легенду чуть подробнее: «В Обдорской области около устья реки Оби находится некий очень древний истукан, который москвитяне называют "Золотая Баба", то есть "Золотая Старуха". Это подобие старой женщины, держащей ребёнка на руках и подле себя имеющей

другого ребёнка, которого называют её внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена воздают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценные собольи меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения; сырые же внутренности жертвы пожирают, и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странно сказать) обычно дает вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел».

О золотой статуе упоминается в одной из ранних сибирских летописей – Кунгурской: «В 1582 году, 5 марта, послал Ермак в низовья Иртыша в Демьянские и Назымские крепости и в волости пятидесятника Богдана Брязгу. Тут было у них мольбище большое богине древней: нагая с сыном на стуле сидяща приемлет дары от своих. И жертвуют ей остатки во всяком промысле, а ежели кто по обету не даст, того мучит и томит, а кто принесёт ей, жалеючи, тот, перед нею упав, умрёт, ибо имеет жрецов и общину великую. Когда же дошёл к ним слух о приезде Богдана, велела спрятать себя и всем бежать...».

По хантыйским поверьям, с приходом русских хранительница очага и рода ушла из срединного мира в нижний. Вернётся она под солнце, когда в мире совсем не останется «неправильно живущих», убивающих друг друга и всё железо уйдёт обратно в землю, в болота.

Что сосна помнит

На лесной гриве в три берёзовых роста вознесла вершину к небу сосна, и лет ей на вид с полтыщи. Как сейчас помню, дед говорил здесь: - Сибиряком родился — в тайге не тушуйся. Коршуну лес не в диво, волку зима за обычай. Так и нам, чалдонам.

Вот тут узнал я, кто мы, — чалдоны.

- Тут наш просёлок на большой тракт выходил. Вниз гляди. Тройки там скакали, колёса и полозья саней скрипели. Несметно народу прошло. А мой-то дед слышал, как кандалы звякают.

С тех пор, как Русь на восток двинулась, мимо сосны тёк людской и конский поток. Сказ сосны весь о былом: боры полны птичьим гомоном, дождик ласков, воды и света на века хватит...

Тишина была, тишина стояла, пока не застучали топоры. Первых, с топорами, было трое. Поднялись снизу на макушку гривы, долго вдаль смотрели. Валами уходили за окоём леса, садилось солнце, большое, багровое, и на нём мошкара плясала.

- Вот, ребяташки, пришли мы. И озеро, и речка! А ключ-то под горой до чего холодный! Али как, ещё однуё гору перейти...

- Перейти бы, дядь Нифантий! Там, поди, настояща-то земля.

- Нет, с бабами-то, с детьми-то — несодейно будет. А чем не свята земля? Всё есть, живи только по божьей правде.

- Ага, покорчуй-ка их, попробуй. Смотреть и то страшно.

- А ты как думал? На то он и лес... Ах, хороши!

И стукнул обухом по стволу. Любит человек дерево, но несдобровать деревьям от его любви.

Потом пришло их много, и послышался железный шелест, хряск топоров по живым телам и стон падающих. В одно лето оголился бок холма. На второе лето падали кедры, пошли на дранку, на крыши и ограды. Потом оголились соседние холмы — появились пашни.

Старая сосна помнит беспрестанное движенье. Шла казачья сотня на горячих конях, молодцы без команды рывкали:

Всё бы тебе, мати, в терему сидети,
В терему сидети, на меня глядети,
А твоему дитяти конём володети,
По полям летети, саблюю вертеги...

Ехали на саних люди промышленные, везли мешки с собольими шкурками и фузею для обороны, без неё живым до города не добраться. Староверы уходили из царства безверия, где вот-вот железо заполонит всю землю. Шли старатели-горщики, клонили головы от усталости. Были костры углежогов, долгие сырые дымы, потом обугленные тела-стволы повезли на телегах — ради ещё большего огня, ради серебра и меди. Шахты задымили, зарычало железо, такого голоса не слыхивала земля. И услышала сосна: зафыркало вдали и рывкнуло железное чудище, как гриву, распустило чёрный дым по ветру. И это был траур по санному тракту.

А на юге лежит земля душных городов и чёрных речек, это о ней провода всю ночь хрипят над дорогой. Забылись сказы, дедовы песни чужими стали. Ни про удалого ямщика, ни про беглеца-бродягу уже никто не вспомнит. А вид с холма велит задуматься: что здесь было и то ли ещё будет. Память путь показала, и вперёд она смотреть велит. Теперь и мне надо, чтоб внук рядом стоял, смотрел с холма, вникал в дедовы слова: — Смотри и думай, чтоб родная земля пустыней не стала.

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ СИБИРИ

Притяжение Востока (Григорий Потанин)

Здесь, в молодой университетской роще, можно отдохнуть и подумать. Посидеть в одиночестве, провести черту на земле стариковским батожком. Мечтали о Сибирском университете, бились за него. Вот он — ничего возвышенного. Лицом-фасадом здание обращено к северу, будто ищет таёжную даль. Голоса кругом молодые, звонкие; смех течёт по дрожкам, обтекает кедры и пихты. Шумные приветствия, ритуальные объятия, споры немножко театральные. Но бывает и тихо — время для раздумий. Есть и скамейка, садись и подводи итоги.

Жизнь возьмёт своё, пойдут поколения студентов. И не помнит молодость, какая борьба кипела вокруг этого заведения. Скажут ли они своим детям и внукам: Потанин приложил силы к открытию Сибирского университета? Вспомнят ли Ядринцева? Когда-то гремел он в Петербурге, на студенческих посиделках: «Портал из белого мрамора, а сверху — метровыми золотыми буквами — Сибирский университет!» Нет уже Ядринцева, и здание стоит не такое уж величественное. Есть лица инородцев, правда, пока их немного.

Недавно подслушал здесь разговор. Шумно спорили студенты, на старика на скамейке и не взглянули. Один пальцем тыкал другому в грудь: - А Потанина возьми: учился на естественном отделении, а полез в историю. Нынче это дилетантизм: увлекательно, а не убедительно. Ломоносовы — давно пройденный этап.

Второй был солиден, возражал достойно: - Да он был университет до университета! В нём один географ, ботаник, историк, этнограф, фольклорист. Всё на уровне его времени. Скажешь — нет?

- Казачий замах, размыл границы всех наук.

Когда-то сами в Петербурге так же спорили с Ядринцевым: вкапываться на узком участке или вширь охватывать — что нужнее? Полвека прошло с той поры, а вопрос-то не решён. Недавно тюрколог Радлов похвалил за широту:

- У других напора не хватает, нет смелости для таких сопоставлений.

- Ну не скажите, Василий Васильевич, меня вон дилетантом выставили.

- Сделайте сноску на характеры: заносчивые господа. При Вашей-то судьбе... Вы — и скромность, и смелость.

Академик Ольденбург, давнишний друг, пожурил наставнически: - Ты должен написать главную книгу о Монголии. Шесть томов путешествий по ней надо сжать в один том. И по этнографии — то же нет единой книги. Ты же главный сибирский этнограф.

Почему да почему... предмет описанья на глазах меняется: Монголия не та уже, какая была лет сорок назад, - освободилась от китайской власти. И политические страсти сейчас поглотили, смута надвигается.

Кто-то написал недавно: судьба была к Потанину жестоко несправедлива. Так-то оно так: не позволила закончить университет, каторга и ссылка...но одолел ведь, успел, книги оставил. Мечтал о Тибете — добрался и монастыри ламаистов посетил. А Тибет — это царство монастырей, в одном Гумбуме две тысячи монахов. И почти кругосветное плаванье было. Но лучшие годы выкинули из жизни, девять лет!.. Судьба-индейка то больно клонет, то проквохчет благосклонно.

И вот последняя глава жизни — оглянись, заполни крестиками клеточки памяти. Днём в голове прокручиваешь воспоминания, а вечером диктовка. Глаза отказывают, вот беда. А издать-то ещё много надо. Очерки путешествий — шесть томов. А если собрать ранние путевые очерки, - ещё том. Ещё наберётся большой том статей по этнографии. Плюс том разрозненных статей по фольклору. «Восточные мотивы» — ещё томище, чуть не девятьсот страниц. А ещё «Сага о Соломоне» и «Ерке», их бы в один том спрессовать. В два тома можно уложить сибирскую публицистику. Воспоминания... жаль, скомкал, не закончил книгу. И всё? А материалы по истории Сибири? А легенды, сказки, эпос ордынцев? Один Гэсэр чего стоит! Томов пятнадцать набралось бы, если бы

кому-то пришло в голову издавать. А с дневниками — все двадцать. Размечтался, кто же это издаст...

О чём только что думал-то? А, лютые дни, сломанная молодость. Три года следственной тюрьмы в Омске, где Достоевский недавно отбывал свой срок, потом каторга и ссылка... Утром, чуть не на рассвете, повезли на площадь на высокой чёрной колеснице. На грудь повесили дощечку: «Государственный преступник». Публику согнали силой, обыватели вяло переговаривались и безразлично посматривали на осуждённого: мало ли в Сибири преступников, кто их разберёт. Привязали к столбу, прочли приговор: пятнадцать лет каторги и бессрочная ссылка! Палач неумело, с натугой сломал шпагу над головой — знак лишения всех прав. После сбавили срок и каторги, и ссылки. Больше всего давила мысль о пожизненной высылке: до конца дней не видеть Сибири! Всё здесь своё, всё родное. Сердце колотится, как в детстве, когда из странствия возвратишься.

...Жандарм-следователь смотрел как на помешанного. Ишь чего удумал: уравнивать в правах колонию с основной Россией. Рассуждает о мудрой Азии, о просвещении с Востока — сумасшедший! И вот вам первый каторжник, которого не в Сибирь повезли, а из неё — на Запад.

Военно-каторжная тюрьма, Финляндия. На что уж безотраднее пустыня Гоби, а и она лучше той крепости в Свеаборге. С кандалами на ногах долбил камни, копал канавы, катал тачки рядом с ворами и убийцами из солдат. Не понимали они, за что попал сюда этот казачий офицер-очкарик. Не за что, — зачем. Чтоб сибиряки не задавали властям досадные вопросы.

Там, на каторге, оберегал душу свет из детства. Иртыш в родных местах стремительный, ковыльная степь зовёт за горизонт... Верилось: ждут дальние края — загадочный Тибет, горы и степи. Чистейшее озеро Куку-нор лежит среди снежных вершин. Стоят они в отрешённой неподвижности, небо созерцают. Монголы и тангуты дали им имена своих святых — буддийских. А ещё из Кронштадта вокруг Европы, с заходом в Англию и Италию, дальше океаном на Яву, потом до китайского порта Чи-фу, оттуда через Пекин к границе Тибета. И открылась древняя императорская дорога по Китайской равнине. Караваны, повозки, пешим путникам числа нет. Казалось, все идут к Великой стене, а нет, она им не интересна. Добрались до вожделенного озера Кукунор, а потом

нанесли на карту высокогорное Гашун-Нур. От Иртыша до Хуанхэ – ещё и такой был маршрут.

Да, линия судьбы... Вот если бы не встретился в Омске с Семёновым-Тяньшанским, другая вышла бы судьба? Удивился знаменитый путешественник: казачий сотник знает азиатскую ботанику как учёный. Распросил про наблюдения, про дорожный дневник и решил: прирождённый географ! Ещё больше поразило его знание киргизских и татарских сказаний. А когда увидел собранные по архивам материалы для истории Сибири, затвердил:

- В университет, в Петербург!

Пётр Петрович – добрый он гений, спасителем стал, главной опорой. Он, Семёнов-Тяньшанский, добился полной реабилитации после каторги и ссылки, и в первые большие экспедиции он же направил. Кончились лютые дни, опять в седле! А когда-то тяготила казачья лямка: двадцать лет до пенсии, и всё то же, день за днём. И похвалы потом Семёнов-Тяньшанский расточал в газетах: «Экспедиция Потанина доставила истинные сокровища». Назвал пионером, одним из первых пришедшим на Тибет.

А Бакунин – с виду добряк добряком, хоть и насмешник. Ещё тогда назвал сибирским Ломоносовым, что-то разглядел сразу, помог добраться до Петербурга. Ломоносов с рыбным обозом в Москву пришёл, а бывший хорунжий из Барнаула в Петербург с золотым обозом. Конечно, Бакунин сразу видел людей, разбирался в них. Общинное устройство государства – и эта идея им же подсказана.

Десятилетним отдал отец в Омский кадетский корпус, где сам когда-то учился. Подружился там с Чоканом Валихановым, он больше других мечтал о дальних путях, о горах и пустынях. Короткую жизнь отпустила судьбу Чокану, потомуку великих ханов, яркую карьеру и раннюю смерть. А терпкая поэзия странствий – не для всех она, тут выносливость нужна, отменное здоровье. Без них, может быть, и каторга сломала бы. Снежные вершины Алатау, Алтай, поразивший разнообразием, и совсем не изученное царство – Джунгария. А пёстрый и шумный город Кульджа, где сошлись десятки народов! Но сильнее позвала сибирская история, зарылся в омские архивы.

И запал в память золотой караван – санный путь в столицу. Беда ждала там: исключили из университета. Но тут же оказался в экспедициях, собирал гербарии, записывал тюркские сказанья,

работал переводчиком. Чем были лютые дни каторги? Проверкой духа, жестокой, но, оказалось, необходимой.

Через десять лет после осуждения в каторгу и ссылку — первая экспедиция в Монголию. Пржевальский сумел увлекательно описать своё путешествие в Центральную Азию, и Русское географическое общество снарядило туда новые экспедиции. Кто бы мог подумать: каторжанин Потанин выехал с группой исследовать внутреннюю Азию, а вслед за тем ещё и ещё. Пять путешествий по Монголии, в южный Китай, на окраину Тибета, в загадочную и закрытую страну.

Всё отложилось в два тома «Очерков Северо-западной Монголии». А вторая экспедиция — самая удачная — ещё два тома. А ещё через десять лет — самая несчастная: умерла по пути в Тибет верная Саша. В долгих путешествиях всегда была рядом. Задумали

тогда завершить что не удалось Пржевальскому: побывать в столице Тибета, обследовать окрестности Лхасы. Предупреждали её врачи, не велели идти в трудную экспедицию — не послушала и умерла в походе. Верно тогда сказали: смерть Александры Потаниной —

такая же, как и смерть Пржевальского. Только для России-то осталась она почти неизвестной.

В юности всё бросила, уехала из хорошего города в тьмутаркань, «замуж выскочила» за ссыльного, бесправного и нищего. Так, прежде бывало, вольные женщины выходили за крепостных — любовь побеждала. В Пекине врач русского посольства уговаривал её побережь себя. Не могла она заботиться о себе больше, чем о других. Ещё не достигли Тибета, она потеряла речь. Умерла в пути недалеко от реки Янцзы. До Урги, столицы Монголии, несли тело на руках, потом везли в Кяхту, чтобы похоронить в русской земле. Всё сразу обесценилось. Понял: это было семейное их дело, в горах и пустынях жили семьёй. Дети-то не получились: не в дороге же рожать их...

Да, светло в мечтах — горько в жизни. Идёшь от воды до воды. Даже в тумане надо двигаться, даже под дождём, даже при сильном ветре. Беда, если лошадь сойдёт спину или верблюд сломает ногу,

заменить их ничем. Конь идёт вдвое быстрее верблюда, а рысью — втрое. Но и выдохнется быстрее. Он должен пить каждый день, а корабль пустыни неделю движется без воды, груз подымает большой и за три дня обойдёт ретивого коня.

Солнце ещё только восходит, а караван уже поднялся. Верблюды и лошади навьючены, но надо всё осмотреть, иначе будут остановки в пути. Завтрак скромный, а следующая трапеза вечером, перед ночлегом. И кто знает, где она будет: у колодца, в сухой степи или в ауле. Караван начинает медленный ход, силы надо беречь, впереди вёрсты и вёрсты. Степь надвигается на тебя, всасывает. Ты в ней — промельк, а она недвижна, как и горы.

Сколько раз пересёк Гоби? Четырёх коней потеряли в ней за первую экспедицию. Гоби — сердце Монголии. Вот ключ к истории народа: вокруг окаменелой пустыни сложился быт с кочевыми монастырями и юрточными библиотеками. Среди кочевников мира монголы самые грамотные. Невольно подумашь: этот народ из детства шагнул сразу в старость. Поражает равнодушие к смерти. В монастырях тела умерших отдают собакам. Где-то живёт кутухта, и значит, всё идёт правильно: он же святой, всё предвидит. В Урге, в центре столицы, деревянные постройки стоят опасно близко одна к другой, пожар враз может уничтожить полгорода. А кутухта, говорят, — разве он позволит огню вольничать? Гегены пониже — тоже надежда народа, они всегда знают, что делать, куда идти. И эти потомки непобедимых воинов как будто не замечали, что землёй их владеют китайцы. Нет пушек, нет войска для сверженья китайской власти? А их и не надо, говорят, есть же гегены, и когда они захотят, власть императора сама падёт. Так ведь и вышло, освободилась недавно Монголия без крови. Без выстрела! И всё это — аксиомы буддизма. Нельзя привязываться к жизни, всё, что привязывает нас к ней, несёт страданье.

Куда же могли уходить от врагов ранние монголы? В степи ведь скрыться негде. Выходит, Гоби укрывала. На Руси — леса, потом кремни, а у них вместо крепости каменная пустыня. И вот потрясенье: монгольские сказанья, как бы окаменелые, перекликаются с былинами о Добрыне-змееборце, о Святогоре и об Илье Муромце. Наши богатыри (слово-то монгольское!) чем-то похожи на Гэсэра. А он, как и Волх Всеславьевич, сначала колдун, потом уж воин. И совсем уж удивительно: легенды о Карле Великом и Чингисхане замешаны на тех же мотивах. Случайные люди спасают брошенного в степи младенца, и он восстанавливает свои

права наследника. Всё идёт по воле Неба, и хан — воплощение этой воли.

Отправились в Монголию с большими планами. В монастыре Шара-Сумэ монахи обвинили в осквернении святынь, набросились с палками и загнали в темницу. Иноземцы здесь не бывали и должны немедленно уйти со святой их земли. Отряд выпустили, но велели идти дорогой, какую укажут они, монахи, иначе не вернут оружие. Пришлось от него отказаться, или не видать запланированного маршрута. Ушли, не прощаясь, ночью. Вот так ламаисты-созерцатели! А почему так влекла она, Монголия, это понял позднее.

Осень, возвращались из долгой экспедиции, шли вдоль Орхона-реки. Священные для монголов места, здесь старейший монастырь, здесь прошло детство Темучина, и где-то здесь была столица его империи. «ХарахОрин», - сказал хмурый проводник и указал кнутом на земляной вал. «Чёрная ограда» по-монгольски, а тюркская параллель как будет? - КаракОрум. А вдруг это и есть развалины легендарного города? Марко Поло описал чванливую и пышную столицу ханов-чингизидов. Каракорум, будто бы, построил сам Чингисхан. Никто не запнулся за странность: в века могущества монголов столица их называлась по-тюркски. Что-то тут не так. Может быть, сохранилось старое слово, домонгольское? Название городу дано было до империи монголов, когда властвовали тюрки? Именно так, китайские летописи упоминают Каракорум, столицу Уйгурского каганата, за пятьсот лет до Чингисхана. Остановиться надо было, начать раскопки, да зима надвигалась, продовольствие кончилось, проводники зароптали.

Прибыл в Иркутск и посоветовал Ядринцеву отправиться туда. Удача ждала старого друга на Орхоне: нашёл параллельные надписи на древнетюркском и китайском языках. Вот он, ключ, вот доказательство! Орхонские надписи прочитали: здесь был Каракорум. И вскоре Радлов перевёл хвалу кагану Бильге. *Знайте и помните, камень этот поставлен, чтоб вечно помнили славу великого Бильге-кагана.* Камень выстоял, каменные книги стоят по степям и холмам Сибири, и стела Бильге-кагана из самых интересных...

Европейцы видят в Сибири только кладбище народов, жизнь в юрте считают ненормальной. А скорее наоборот, выморочный-то городской быт: закрыты двери в природу, чувство земли гаснет, отмирает. Не хочет Запад признать, что Восток тысячи лет питал его легендами.

Нелегко дались «Восточные мотивы»: к преданьям об Аттиле — через ордынские легенды. И как ополчились на эту книгу именитые, учёными званиями увенчанные: дикая мысль, мол, искать единство тюрко-монгольских и европейских сказаний. Какой-то Гумен-хан одарил подробностями легенды о Карле Великом!? Да тут же и славянские сказанья, да ещё с заглядкой в хазарские! Загаддели: ложный путь, болотные пузыри. Неслыханно: тибетские, уйгурские и славянские легенды вместе! Какая может быть связь? Но сопоставления далёкого — это же лучший путь для учёного.

Легенды об Аттиле разошлись по Европе — ничего удивительного. Борьба отца с сыном, заговор братьев против царевича и похищение, обречённость на смерть, торжество царевича, справедливые суды. Даже пара: звезда Цолмон — царь Соломон никого не увлекает. Строгость науки держится для них на страхе гипотез. А с детства любимый наш Еруслан Лазаревич из таких глубин пришёл — дух захватывает. Из Арслана (льва) через Уруслана, стража Индийского царства — к Ивашке-торокашке. Этот путь мотивов и самого поразил поначалу. Тысячелетия наслоились, ничего невероятного. Мотивы шли с Востока на Запад. Вот и добрался этим путём до божества Арья-Бало, а это глухая древность.

Но, слава духам земли, не все европейцы на одно лицо! Французы призадумались: в самом деле, сказанья о Карле Великом перекликаются с Востоком. Сам герцог Бонапарт, глава их Географического общества, слушал три часа и сам подливал в бокал: — Угощайтесь корсиканским вином, мосье Потанен. Так Вы думаете: гунны принесли сюжет? А сами пели о хане Гэсэре? Или, как Вы говорите, об Арья-Бало? — Какое отличие от англичан: те себя ставят выше всех, их арийское высокомерие непобедимо. Есть, мол, народы расцвета и заката; британцы — народ полдня, на Востоке — народы полуночи. А сами потеряли чувство святости жизни.

Особенно причудливы скитания легенд о царе Соломоне: индусы, монголы, персы, евреи, греки, славяне — все варьируют их на свой лад. Почему вождь кочевников Гэсэр-хан и иудейский царь так похожи: строят храмы, судят мудро и справедливо, наказывают зловредную силу? И везде это отцы народа. Где первоисток этой саги?

Или вот: почему Алтай священен? — кругом души предков. Потому и величают его: Хан Алтай. *«С высоты взглянуть — треуголен*

ты, хан Алтай. А как сбоку взглянуть – девятиуголен ты, хан Алтай. По скату гор посмотреть, – как сукно, разостлался ты, хан Алтай. Много крови пролилось в тебе, хан Алтай! Хорошо был устроен ты, хан наш Алтай. Пропадать стал, как сосна с сухими корнями, горем загоревал ты, хан Алтай!» Как похоже на «Слово о погибели земли Русской»! На эту параллель навёл алтайский художник Гуркин, верный друг. Он об Алтае не может говорить без восхищенья. Реки гремят, живность разнообразна, склоны гор – ковёр цветной. А учёные обыватели знай талдычат о бедности Востока. Да там заветы гуманнее наших: Не рубите сырой лес. Не колите молодой скот. Чтобы вас не забыли, чтите предков.

С Востока возвращаешься с новым взглядом: столица империи – парадный мундир, окраины – лохмотья. И ниже всех жизнь коренных народов, на их земле назвали инородцами их и обирают все, кому не лень. А они считают русских «не чистыми»: принесли болезни, каких здесь не бывало от века. Теряет лицо Сибирь, на себя уже не похожа. Тут хорошо живётся мошенникам, а честному чиновнику дышать не дают. Серую массу, равнодушные её и гений не одолеет. Всё равно им: колония Сибирь или просто провинция.

А на склоне лет вспоминать и записывать – радость: «Теперь перед нами возник вопрос, что такое в самом деле Сибирь, колония или провинция?..Тогда же мы поняли, что интересы Сибири противопоставлены интересам Москвы...Мы спрашивали себя, поддерживается ли это положение искусственно или это неизбежный рок для Сибири?» И с удивленьем узнавали, что ещё декабристы вели такие споры в долгие зимние ночи. Батеньков усмотрел в Сибири признаки колониальной страны: он – единственный сибиряк среди них. Взгляни открытыми глазами на инородцев – что увидишь? Безжалостно обираемый народ, колониальное бесправие. Обречённые племена, себя уже потерявшие. А в официальной печати одно: никаких колоний нет у России и быть не может. О римских колониях, испанских и английских – сотни страниц, а о России на этот счёт – ни гугу. Ханжество или страх? Если позволить обсуждать, возникнут ведь партии...

Один вопрос задавали друг другу в молодости: когда займётся в Сибири заря демократии? Разбудим спящую царевну, и станет вся Сибирь единой общиной. От сельской артели до общесибирского парламента – ступени самоуправления. Деревни, волости и уезды – общины, всё государство – система общин. Ох уж эти книжные

красоты! Горьким смехом отозвались они, а Сибирь их так и не заметила.

Все прогнозы власть подвела под обух: сепаратизм. Вкатили поначалу пятнадцать лет каторги, наравне с разбойниками и повстанцами. За споры-разговоры! За попытку понять, что она такое, Сибирь. Приговор подписали московские сановники, не вникая в дело. Чины и ордена получили. А у следователей была оторопь: вот сумасброды, говорят о большом будущем каторжного края.

Написал в воспоминаниях: «Теперь, пятьдесят лет спустя, смотришь на наше прошлое другими глазами. Меня, как было сказано в конфирмации, осудили: во-первых, за распространение в Сибири сепаратистических идей; во-вторых, за основание в Петербурге тайного общества под названием “Сибирский кружок”. С нынешней точки зрения, ни мои сепаратистские идеи, ни это тайное общество не будут преступлением... По моему теперешнему убеждению, превращение невинных студенческих попоек в тайное общество было натяжкой полковника Рыкачёва. Эти наши собрания отличались от других студенческих тем, что они были составлены исключительно из сибиряков».

С Ядринцевым быстро добрались до темы: Сибирь – колония или обычная провинция? Писать: «интересы Сибири» нельзя, строгий цензурный запрет. И всё же бесстрашный Ядринцев грохнул книгой «Сибирь как колония». Он восхищался Америкой: вот, мол, образец демократии. На крови коренного населения, индейцев? На рабстве негров? Их даже не признали инородцами, в них не видели людей. Глубже понимал дело другой друг молодости – Чокан Валиханов. Надо, чтоб народ не потерял своего лица, иначе это чьё-то чужое будущее, не наше.

Написал вот: «Ядринцев очень любил жизнь». А самоубийство? Доведён, сломался. Мягкая душа, бурная, но мягкая. Перенёс «Восточное обозрение» из Петербурга в Иркутск, поближе к читателю – и спрос на газету упал в десять раз. Не хотят сибиряки читать своего брата, вот столичный взгляд на Сибирь – это, мол, другое дело.

Прекратить уголовную ссылку!? А зачем ещё нужна будет Сибирь? Университет им подавай! А студентами кто, потомки каторжан? Дворян-то нет здесь, крестьянские дети, что ли, придут на лекции? Так их и в гимназиях-то не бывает. Купчина, тот рассуждает просто: я, мол, свои тыщи без большой грамоты нажил,

и Петька весь в меня, ни к чему нам ваш *уньситет*. И на вопрос: какой тогда будет Сибирь лет через сто, - ответит просто: А мне тогда не жить. Словом, провались земля и небо — я на кочке проживу.

Мрачноватый вывод сделал недавно: «Строительная работа народной массы в Сибири потерпела фиаско». Даже близкие замахали руками: как это, во всём, что ли? Не состоялась народная мечта о воле, вот в чём. За нею шёл сюда Ермак, а следом пришла каторга.

Страшный рубеж перешли и не заметили: раньше человек обживал землю, теперь изживает. Вот с чего начать курс родиноведения: убереги свою землю от разграбленья и от обезличиванья. По родным тропинкам пройди подростком, изучи сперва дедовы просёлки, потом уж большие тракты. Через перелески и речки, по мосткам, по полям и межам — увидишь, как же цветиста, велика и разнообразна она, наша малая родина! Но что с нею будет?

Бедной она выглядит: нет ещё великих сказаний. А ты поработай, запиши малые, и они расти будут. Для больших сказаний нужна большая вера в свою землю. Не хотят понять главного: русский народ заложил здесь основы своей будущей истории. Придёт время, и сибиряки напишут «Сокровенное сказанье» нового народа. А пока — подступы к нему.

Зачем-то же посылает Небо героя. Для обновленья жизни, для исправленья людей посылает. Вот матрица мифа о Спасителе. А землю очищать, конечно, надо. Иначе не останется мест для кочевья. Вот же она, воля земли и неба.

Печальник Сибири (Николай Ядринцев)

Степь с перелесками, озёра, холмы... Реки по краю тайги — под стать Волге. Просторна Сибирь-родина! Горизонт то близкий, то дальний, и тревожит он, набегают мысли о пределах жизни.

Газеты уже возвестили: «Восточное обозрение» переезжает из Петербурга в Иркутск. Редактора образованные сибиряки называют «нашим Герценом» и берегут его книги. Да много ли их здесь, образованных-то? Тихо было в Иркутске, и вот приедет знаменитость, напечатает фельетоны, и расколется иркутское общество. А внешне Иркутск привлекателен, жива память о декабристах, здесь издавали первую частную газету... Всё перетрясёт память за месяцы тряского пути.

Написано в справочниках: родился Ядринцев Николай Михайлович в 1842 году в Омске, в купеческой семье (утаили, приличья ради, что мать была из крепостных). Девять лет исполнилось, когда переехали в Томск. Два писателя, Куцевский и Наумов, написали о Томской гимназии неприязненно. А по Ядрицеву, в нищих гимназия воспитывает «поклонение труду и таланту». Здесь отличился успехами и нетерпением: без гимназического свидетельства поступил вольнослушателем в Петербургский университет. Поступил и так же не закончил. Забегал вперёд, хотел обгонять учителей. А судьба-индейка провоцирует нетерпеливых.

В кружке студентов-сибиряков ночи напролёт спорили: Сибирь — колония или обычная провинция? В печати запрещались выражения: «народы Сибири», тем более «интересы Сибири». И

газету, позднее, пришлось назвать «Восточное обозрение»: «Сибирское обозрение» – словосочетание нецензурное.

Ох уж эта «весна 60-х», быстро она кончилась! Петербургский университет закрыли. Пришлось вернуться в Сибирь. На хлеб зарабатывал домашним учителем в Омске и напечатал там статьи о важности университета для Сибири. В 1864 году решил переехать в Томск. И вот 1865 год – арест, затяжное следствие: «Грозные тройки с жандармами свезли юных мечтателей и поставили пред холодными следователями и судьями».

По «Делу о злоумышленниках, имевших целью отделить Сибирь от России и образовать в ней республику по образцу Северо-Американских Соединенных Штатов», три года провёл под следствием в омской каторжной тюрьме, где недавно отбывал свой срок Достоевский. Сорок четыре человека арестовали в разных городах Сибири, треть их осудили в ссылку.

Через три года Сенат издал внушительный указ «Об удалении подсудимых из Сибири с целью сделать их через то совершенно безвредными для оной». И сам «царь-освободитель» руку приложил: «Быть посемену».

В ссылку некоторые ехали глубоко больными. Так подействовала «подследственная пытка», до бессонницы довела, до галлюцинаций. Шашков большие подавал надежды, а разочаровался во всём, будущее Сибири видел в мрачном свете. Шукин же совсем тронулся рассудком, об истории сибирской говорил с каким-то суеверным ужасом.

Один из всех «государственных преступников», Ядринцев, понял: тюрьма – это шанс понять карательную систему изнутри. Нашёл себе увлекательное занятие – собирал материал для первой книги «Русская община в тюрьме и ссылке». Сколько бродяжких сказаний накопила Сибирь! Неужели всё это уйдёт из памяти? Из бесписьменной тьмы – во тьму письменного беспамятства!?

Вот он, главный нарыв Сибири, - штрафная «колоднизация». Пошутил так в кругу чиновников – на лицах оскорблённое достоинство: как можно шутить на эту тему! – А делать вид, что ничего такого нет, - это можно? – Тайга да тундра и племена вне истории. Мы им культуру принесли. – Культуру, от которой они вымирают? Гнусные порядки, и оправдывать их неблагородно. В ответ холодная спесь: - Будь вы дворянин, я бы прислал вызов на дуэль.

Недавно сам великий князь высказался по-купецки кондово: Плохой климат — хорошее средство наказания. Зачем нужна будет Сибирь, если её перестанут бояться? А сатирик уже стал аналитиком и по-своему увидел положительную сторону тюремной общины: она помогала арестантам выжить. Книга «Русская община в тюрьме и ссылке» заинтересовала Льва Толстого, помогла ему в работе над «Воскресением».

Потом спохватился: идеализировал-то мазуриков, а не крестьян. Когда заселяли Приамурье, пригнали туда четырнадцать с половиной тысяч солдат и матросов, осуждённых в каторгу. Из каземата на простор, вали лес, заводи хозяйство. Кто стал работать? — вчерашние крестьяне да казаки. Остальные в бега подались, разбойничали на дорогах. И смотришь, опять они в кандалах. Народ говорит: таким тюрьма на роду написана...

Сослали на север России в Архангельскую губернию — не в Сибирь, а из Сибири. Позднее вспоминал: «Я пробыл в ссылке шесть лет, с тюрьмой около десяти лет — десять лучших лет юности... иногда тоска и безнадежность сокрушали дух». Ещё бы, ссылка-то была назначена бессрочная. До конца жизни в глуши близ Полярного круга! Но быстро победил слабость, выписал книги. Доказал моральную разрушительность ссылки в Сибирь.

Переменчива судьба: после освобождения работал в комиссии по реформированию тюрем, затем поселился в Омске и с головой погрузился в местную печать. Неожиданно для всех статьи эти оценил генерал-губернатор, пригласил на службу, и эта должность помогла вчерашнему государственному преступнику собрать материал для главной книги — «Сибирь как колония».

Смелый был выпад: к трёхсотлетию «Ермакова похода» знаток Зауралья доказал, что Сибирь стала колонией. Шли в неё искатели воли, и вот... «Сибирь пережила все периоды, которые свойственны всем новооткрытым странам. Она была колонией звероловной, колонией горнозаводской, местом поиска золота, наконец, местом ссылки. Постепенное заселение, земледельческий склад, оседлость и формы жизни создали в ней ныне задатки жизни гражданской, воспользоваться которыми для создания прочного общества будет зависеть от нас самих».

Да, 1882-й — взлёт в судьбе бывшего арестанта: вышла самая значительная книга и появился первый номер «Восточного обозрения». Желанное детище. Газета печаталась в Петербурге, и друзья посоветовали перенести редакцию в Сибирь, поближе к

читателю. Благодушествовал сам Потанин: как Антей, от прикосновения к земле-матери обретёшь здесь небывалую силу. А решение это обернулось крушением давнего проекта. Тираж газеты упал десятикратно: не хотели сибиряки читать «своего брата», вот, мол, столичное мнение о Сибири — совсем другое дело. В штыки встретили местные воротилы, а газетчики исполнили заказ столичных толстосумов.

Книге «Сибирские инородцы» предшествовала серия статей и почти все под псевдонимом Семилужинский. Он понятен только для томичей. На идею прогресса налепились расистские предрассудки, надо заклеить высокомерие колонизаторов. Европейцы даже на мировом древе языков тюрко-монгольскую ветвь расположили в самом низу. По коренным культурам русификация прошла, как паровой каток.

Экспедиция на Алтай дала радость: Географическое общество не поскупилось, наградило золотой медалью. А впереди ждало настоящее открытие, о нём весь мир узнал. Потанин заподозрил, что видел развалины Каракорума, столицы чингизидов, и советовал поехать туда.

Его группа возвращалась из Монголии и двигалась вдоль реки Орхон. Здесь, недалеко от буддийского монастыря, монгол-проводник указал на рвы: Хара-хОрин.

Знающий язык насторожился: на тюркском будет Кара-корум. У монголов владыка *хаан*, в тюркской орде — *каан*. Не это ли место ищут археологи? Не сюда ли ездили князья за ярлыком? Но как объяснить недоразумение: столица Чингисхана именовалась по-тюркски? Нашлось неоспоримое доказательство — текст.

Сначала вырыли большое изваяние черепахи, символ начала мира. Наткнулись на остатки стен и дворцов. А настоящая удава — надписи на каменных стелах: за пятьсот лет до Чингисхана где-то здесь была столица Уйгурского каганата. Кара-корум — её название. Нашли и пышную хвалу кагана:

Не даром камень мой века стоит в степи
на перекрёстке троп и кочевых путей,

ведь именно затем, чтоб видели его,
и воздвигал его Бильге-каан.

Вот она, слава земная: камень стоит, а кто помнит Бильге-каана? Полторы тысячи лет сокрушают ветры воинскую славу, и прошла дрожь, какую вызывало имя царя-вождя.

Очень поздно, не сразу понял парадокс свой: родился романтиком, а боролся с романтической школой. В конце жизни пришло разочарование в местном обществе. Критическое отношение к колониальному положению Сибири не сложилось даже к началу двадцатого века, ведущие партии не хотели обсуждать проекты автономии крупных областей.

И вот последняя проверка: побывал в Соединенных Штатах Америки. Поехал в Чикаго на Всемирную выставку, и убавился пыл к «заокеанской демократии». Выходит, ближе к истине был Потанин, хмуро хмыкавший: - Для коренного населения, для индейцев, блага демократии не писаны? Спроси наших инородцев, хотя бы они такой судьбы? Да, обманывали и спаивали, но племена не уничтожали. Другое дело ассимиляция, тут они подражали нам, а мы что? - мы награждали их дурными болезнями и своей бесхозяйственностью. Да, природа запасла здесь на тысячелетия — спустили богатство за столетие. Нет, так не хозяйствуют, так живут залётные, а им хоть трава не расти здесь завтра.

Соединённые Штаты Сибири... Горько расставаться с иллюзией молодости. Вернулся с ворохом впечатлений, но не смог поделиться ими с читателями. Возбужденье быстро угасло, ряска сомкнулась. Но как жить без веры в лучшее, без перемен? Писал когда-то статью «Спящая красавица»: «Прекрасные глаза её ещё закрыты, живые силы молодого тела ещё в покое, под влиянием этого покоя они растут и накапливаются, это не смерть, а сон ребёнка. Тихое дыхание и лёгкий вздох показывают, однако, что близко пробуждение. Величественная, свежая, прекрасная, может быть, скоро откроет она свои глаза и встанет со своего ложа навстречу румяному утру новой жизни». Вот-вот явится королевич Елисей и разбудит её поцелуем. Но горьким было пробужденье и красавицы, и королевича...

1894-й год: поехал в Барнаул на тряском тарангасе. А любимая женщина, ради которой отправился на Алтай, - на пароходе. Так, конечно, комфортнее. Но было ещё что-то: видимо, предумала, не хотела связать судьбу с человеком, хоть и знаменитым, но на

двадцать два года старше. И тут провал, и тут поражение. Итоги жизни выглядят печально, как дорога от Бердска до Барнаула.

Зачуханные русские деревушки на местах телеутских поселений. Уныние от них: какими были при Рюрике и Гостомысле, такими и остались. Сибирь обречена на повторенье? Не сохранила ни малейшей самобытности. И ради этого были жертвы молодости! «Слёзы и теперь капают на дорогие могилы, личное счастье, может быть, утеряно, разбито, опрокинуто навсегда, а ведь мы хоть минуту хотели жить общественными радостями, мы желали счастья другим, грядущим поколениям...» Неужели всё забудут, затопчут стадным порядком? Надо видеть, но грустно понимать.

Есть хорошие результаты, есть, и не один. Удалось два путешествия на Орхон, второе — с подробным освещением его в десятках газет, с докладами в Петербурге и Париже об открытии Каракорума. Увидел второе издание книги «Сибирь как колония». Побывал в Америке и задумал книгу «Сибирь и Америка». Надо бы приступить к ней на Алтае. Но нет былой энергии, пропал интерес.

Сверлит ночами в виске: Что, просветитель, стало тебе светлее? Удалось тебе разбудить *спящую красавицу*? Разбудили — и что открылось? Лицо искажённое, страшно нездоровое. Беспрестанная смена населения, обречённого жить без родной земли. Нет, невозвратимое — невозвратимо. У Ассирии и Вавилона был свой срок жизни, а у Сибири её судьба отнята. Могла породить новый народ, более здоровый и жизнестойкий, могла — и не сумела...

Российские газеты оповестили: сибирский публицист ушёл из жизни в Барнауле. Только близкие знали, что Николай Михайлович свёл здесь счёты с жизнью. Причиной признали неразделённую любовь... в пятьдесят два года.

Последний жест романтика: нет удачи в любви, как не было её и в главном деле. А не была ли неудача в любви последней каплей? Не подорвала ли реальность прежнюю веру в Сибирь?

Противники злорадно усмехнулись: С богатырских плеч сняли голову не большой горой, а соломинкой. А он написал перед смертью стихотворение «Прощание с родиной»:

Не узанный никем,
Я в дальний путь изгнания пошёл,
Но всё же край благословил свой милый...

Благословил, да. Только как отозвалось благословенье?

Но имя прошептал страны своей любимой,
В которой голос мой ответа не нашёл.

Вот в этом всё: не нашёл ответа. И ночи без сна, и ощущение напрасно потраченной жизни. Не всегда, не каждый день оно, но как подкатит, - тьма, безысходность. Моральная победа и поражение от стервятников, удар в спину.

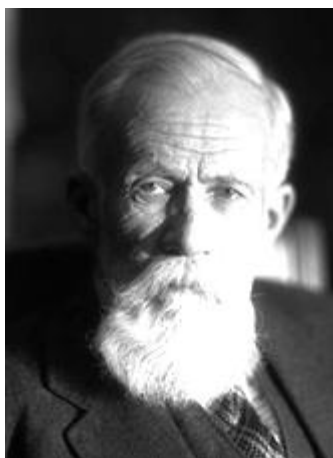
Лучший друг и объяснил лучше других: «Было как бы два Ядринцева. Один западник, воспитавшийся на Белинском, Герцене и Чернышевском, с жадностью впитавший в себя идеи Запада, преклонявшийся перед западной культурой... Для Ядринцева, с его молодой верой в торжество света над мраком, с его верой в общество, в котором, ему казалось, должны преобладать симпатии к добру над злыми инстинктами, печальный конец был неизбежен».

И вот Иркутск преподнёс непосильное испытание: окрысились прохвосты, сплотились на мелкой выгоде. И погубили лучшее издание Сибири. Даже Потанин понял это поздно: «Антей от соприкосновения с почвой поднимался с удвоенной силой. С Ядринцевым от соприкосновения с родной почвой произошло совсем другое... похожее на то, которое совершилось с другим сибирским патриотом, выступившим задолго ранее Ядринцева, с Ершовым, автором «Конька-Горбунка». Печальная закономерность?»

Памфлет «Иллюзия величия и ничтожество. Россию пятят назад» издал в Женеве. Никто не понял, что это политическое завещание Ядринцева. Ещё раз взглянул на Россию глазами европейца и увидел: восточная деспотия, застой и разложение. Америка смешала, спутала многое, вбила клин в сознание. Понял так: потому она на сто лет обогнала Сибирь, что сразу избавилась от колониальной зависимости. Но её опыт не годится для Российской империи. Там потомки островитян, а мы — обитатели бескрайних лесов и степей. Бездёжно мутным показалось будущее Сибири. А Потанин одно советовал: набирайся терпенья, здесь «формируются кости и мускулы живого организма». Сибирь всё меньше походила на центр великого континента. Америка внушила: путь у мира всего один — стандартизация. А через поколение будут взорванные мосты и овраги завалят трупами. Где взять источник веры?

На родине отстоялась азиатчина, и если Сибирь отделится — погрязнет в ней окончательно. Былой мессианизм уступил место отчаянию: «Сибирь — несчастная страна, которая должна быть искупительницей чужих неудач и чужих фантазий». Вот и самому указали место: не свой. Века проверят, века укажут, кто свой здесь, кто чужой.

Основатели областничества разошлись? У одного из них была школа: от Потанина пошло евразийство. В Ядринцеве побеждал скепсис, сибирская реальность всё больше угнетала, а взгляд с запада укреплялся. Недоброжелатели поняли по-своему: романтиком остался, уязвим для партийной борьбы. Главной задачей считал: объединить Сибирь... а впереди был страшный раскол, гражданская война. Почти всех областников, переживших её, большевики перестреляли. Объявили мечту их реакционной, оболгали в энциклопедиях. И лишь к концу тёмного двадцатого века заговорили о «печальнике Сибири» без оглядки, не шёпотом.

Золотое дно **(Владимир Обручев)**

Говорят, судьбу-долю шагами не измеришь, только мыслью. А если жизнь почти вся — пеший ход? Прошёл десятки тысяч вёрст по нехоженным местам — след ищи в книгах. На картах остались стрелки — маршруты, схемы пути: Средняя Азия, Сибирь, Дальний Восток, Монголия, Тибет. А пунктир всех путей — вот он: пять корешков на книжной полке «Истории геологического исследования Сибири». Чуть не вся жизнь в них, по десятилетию на том ушло.

Не всякому институту по силам такая История, и со стороны не понять, сколько тут работы. Рядом — трёхтомная «Геология Сибири», а этот вот двухтомник — «Полевая геология». В неё утрамбовано несколько ранних книг. После неё ещё десятки книг, больших и малых. И среди них по-детски тонкая «Занимательная геология». Из семидесяти книг и тысячи статей оказалась самой востребованной, любимой книжкой многих школьников стала и в городах, и в сёлах. Кто-то усмехнётся: родила гора мышь, академик выдал на склоне лет детскую книжку. Но геологию пора ввести в школьную программу!

А давно ли её, геологию, даже наукой не считали? Тогда выпускник реального училища Обручев выбирал, куда поступать. Выбрал горный институт. В России, в стране с несметными недрами, было тогда всего семь образованных геологов.

В двадцать лет пришло юношеское разочарование: «Шуми, вечное море, шуми! Моё счастье, моя жизнь уже отшумели». Казалось, поздно родился, всё важное уже открыто. А это как горизонт: шагай — и он отодвинется, взойди на гору — даль

необъятная. Рассказы и повести писать начал тогда же, в двадцать лет, а первый фантастический роман выпустил только в шестьдесят.

Недоброжелатели шептали по углам: в детство впал от величия. Учёному от фантастики один, мол, вред. Как бы не так. А что вы можете сказать об ядре Земли? Как оно формировалось, - тут мы гадаем. Как отделялась мантия? Тут геологи до сих пор фантазируют. Да, история Земли волновала сильнее всего. Её страницы — в десятки миллионов лет, главы — на миллиарды. В геологии уходишь в далёкое прошлое, а в фантастике — в будущее. Зачем-де геологу фантастика? А лететь в архей, в начальную пору Земли, ни один писатель-фантаст не решился. Нет следов его на поверхности: четыре миллиарда лет прошло. Кипит лава, тяжёлые металлы вглубь опускаются, потом будут выходить наружу через вулканы. Потом осадки вздыбятся, и морское дно станет горным хребтом. Потом каньоны разрежут горные цепи, и кое-где можно заглянуть вспять на миллиард лет. Урал, например, был высоченной горной цепью с вечными снегами...

Обида юности прошла быстро: есть ещё на Земле места, где нога геолога не ступала. Первое испытание — чёрные пески, Кара-Кум. До прокладки железной дороги геологи там не хаживали. И как бороться с барханами, никто не знал, и генерал-руководитель ответа на вопрос не знал. Он прикажет, а ветер возьмёт под козырёк: - Слуш-ш-шаюсь.

Да, дерзкий бросили вызов — потянулась через пески насыпь... из того же песка. А знают ли столичные инженеры пустыню? Снежные сугробы весной тают, а песчаные наступают тысячелетиями. Барханы постепенно хоронят луга, погребают поля, кишлаки и речки, и, пожалуй, никакая великая китайская стена не остановит их.

«Так что ж теперь, - кричал генерал, - сдаться на волю песков? И ташкентцы никогда не увидят паровозов?» - Один-то бархан можно раскопать, а чем остановить ход песков? Они движутся, как раньше ледник наступал. - При чём тут ледник? - Так его ведь тоже нельзя было остановить.

И всё же волевой генерал был прав, позднее пришлось признать. Человечий напор сильнее, лопаты побеждают заносы. А наука оценила как будто побеждённого студента: признали членом Русского географического общества. Книга «Пески и степи Закаспийской области» награждена серебряной медалью Географического общества. А «Закаспийская низменность» —

малой золотой медалью. Две такие награды — не худо для начала пути.

Каракумы перестали быть полной пустыней в геологии, белым пятном в науке. Тут было первое озарение: каракумские пески принесла с гор река. Потом человек растащил Великую Аму, большую реку, арыками, и пустыня двинулась на север. Талдычат о морском проливе, а это древнее русло Амударьи. Она тащила пески с гор, а ветры разнесли речные отложения.

О, Каракумы — настоящее чистилище: то адская жара, то холод. Только встали на ночлег, подул сильный ветер, и зашлись песчаные сугробы унылым восточным причитаньем. Зашептали о несчётных поколениях, о заглохших оазисах и костях в песке, о засыпанных колодцах. И вдоль полотна дороги уже потянулись песчаные косы, растёт невиданный бархан, сотни вёрст в длину.

И вот окончанье горного института — пригласили в Иркутск, первым геологом Восточной Сибири. Две трети русского золота добывали там. А что ещё знают о Сибири европейские геологи? Исследование этого «бескрайнего пустыря» только-только начиналось. Но уже шёл спор о великой стройке, о небывалой железной дороге — транссибирской. Через Урал, от Перми до Тюмени, она уже проложена: начали с трудного участка. Но дальше, по тайге, через великие реки — труды невероятные.

Путь в Сибирь изматывает, как большая экспедиция. И то сказать, семь тысяч вёрст на лошадях, со скарбом. На каком-то захолустном стане (народное слово) шалманы распотрошили плетёные корзины. Как же матюкались они, наверно, найдя там только книги и детские пелёнки.

И сразу столкнулся с чванливыми дилетантами: для них байкальская впадина получилась из размыва складок. Это что же за река текла тут, если размыв в километр глубиной!? Фантастика, да и только. Байкал для них остаток, осколок древнейшего внутреннего моря. Очень и очень, мол, древнее море, палеозойское. Но тогда были бы на дне совсем другие отложения — в сотни и сотни метров. А их нет, и склоны хребта, окаймляющего Байкал, слишком круты.

А как решить загадку: посреди материка, в пресном озере — обитатели моря? - Тюлени-то, - спрашивают местные жители, - тюлени здесь откуда?

- Значит, были водные перемычки. Ледник делал своё дело, перегородивал реки, создавал цепь озёр...

Что это за чудо — славное море Байкал! По легенде, его создал Пламенный дракон. В переводе на русский «бай гал»: огонь, остановись. За десятки вёрст от его нынешних берегов, в тайге, сплошняком лежат обкатанные валуны. Буря вывернет ель с корнями, а под ними, метров на сто пятьдесят выше нынешнего уровня Байкала, круглые валуны. Проваливается озеро, а хребет вокруг — поднимается. Миллионы лет так, но не с палеозоя, как считают многие. Откуда здесь угленосные районы? О чём они говорят? Были заболоченные мелкие озёра, в море-то хвощи-плауны не растут.

А Сибирь — школа куда более интересная, чем Каракумы. Неоглядная и загадочная, преподносит сюрприз за сюрпризом. объездил бассейн реки Бодайбо, исследовал берега Лены. Золотая лихорадка забирала здесь десятки жизней рабочих. Добыча золота шахтами была ещё редкостью, здесь можно было изучить её в разных вариантах. Оказалось, выгоднее добираться до глубинной россыпи шахтой и там, под землёй, создавать проходы-штреки. Всё как в угольной шахте. Издержки, правда, большие: верхний золотоносный пласт остаётся нетронутым. Вниз спускаются в бадье и работают с керосиновыми коптилками. Летом рабочие спускаются во тьму в валенках и полушубках и разжигают там костры. Катают тачки по подземным штрекам и грузят породу в большие бадьи. Верху работяги крутят колодезный ворот, и опять тачка — уже к реке, к промыванию.

С Лены по Витиму-реке — до Бодайбо, где конторы больших золотопромышленных компаний. Вот Золотое дно, вот оно где. Тысячи крестьян-бедняков приезжают сюда весной, а осенью уезжают. Но сотни бессемейных или пропившихся остаются на зиму. Есть там остров Цинготный, на нём растёт черемша, по-сибирски колба, отменное средство против цинги. Сюда весной привозят рабочих, перезимовавших на приисках, и они ползком добираются до травы-спасительницы. Спят в шалашах и на удивление быстро встают на ноги. Живуч сибиряк!

Дороговизна там запредельная, а особо дорогой товар — водка. Привозить её запрещено, а для жуликов — навар. Дельцы помельче устраивают свои мнимые штольни возле больших драг и шахт и скупают у рабочих краденое золото. Старатели отдают его за водку. Домой нести — большой риск: отнимут и накажут, а жулик, скупщик краденого, выдаёт чужую добычу за свою. Прииск его — фиговый листок бесстыдного заведения.

Добывать из глубоких шахт — мелкому владельцу это не по карману. А крупные воротилы не понимают, что богатый золотиносный пласт — не только нижние пески, но и высокие береговые террасы. Река сотни тысяч лет углубляла русло и создала целую лестницу террас. И самая верхняя запрятала крупные самородки. Русло реки давно отошло в сторону, а старатели знай копают нынешнее дно. Тут надо знать историческую геологию, понимать ход ледника. Он давно ушёл, а земля тысячи лет помнит. Сибирь упрятала свои тайны в вечную мерзлоту, и человек вступает в безнадёжную борьбу с нею. Всё в ней отпечатано — и наступление тайги, и судьбы рек. И какие поразительные замеры: кое-где мерзлота под сотню метров. Стены шахты и потолок держит она надёжно, обвалов нет. Но порой угорают в шахтах рабочие, задыхаются в дыму.

Двести лет звучал здесь клич алчных: «Сибирь — золотое дно». И вот, мол, оно, рядом, успевай гребни. А ниже этого дна лежат богатства немеряные. Есть металлы во сто крат дороже золота, есть радий. Но кругом спешка-лихорадка: успеть, застолбить, а вдруг кто перекупит участок. Чуть не треть золота остаётся в отвалах. Через годы, с новым оборудованьем, там возьмут ещё тонны «подземного солнца».

А почему вот так двулико золото? «Солнечный металл», а будит в человеке дьявольскую жадность. Царь Мидас, любимец богов, выпросил неслыханную милость: чтоб в его руках всё превращалось в золото. И умирал царь голодной смертью, и молил богов отнять редкий дар, а река, в которой он умылся, украсилась золотым песком. «Не рад больной и золотой кровати».

... Кто бы мог подумать: Гоби была цветущим краем. Когда? — при динозаврах: позднее нашли здесь окаменелые останки. Хорошо, что до Гоби наткнулся на нерукотворный эоловый город. Другие видели это изделие бога ветров и не поняли его. Певцов побывал здесь, путешественник известный, и в его отчёте есть сообщение о старинном форте. Обман зрения: это чистая работа стихии, творенье мачехи-пустыни. Пьедестал двух хребтов и ветровой коридор, *бэнь* по-монгольски. А останки — выветренные каменные холмы с причудливыми изваяньями.

Группа всадников еле двигалась под палящим солнцем. Въехали в сонное царство, и головы вращались справа налево. Сказочная сонная страна: дома и башни дремлют, а из дверей никто не выглянет. Живые здесь только ящерицы. Они шустро бегают

между сфинксами, часовнями, причудливыми буддийскими ступами. Ваянье бога Эола, он пел здесь свою песню за сотни тысяч лет до человека. Но почему так правильно расположились останцы, ну прямо улицы и переулки?! Ветры дули в одну сторону, вода текла в другую. А круглые башни — след завихрений, здесь ветры сшибаются лоб в лоб. Отложения мезозоя, начинались они, когда здесь волочили хвосты гиганты-ящеры.

А ещё наткнулись на холмы с непонятным чёрным блеском. Издалека решил: каменный уголь. В старой Сибири такое называли горелой горой. Нет, оказалось — самородный асфальт. Значит, в глубине тут залежи нефти, и она выходит через трещины. Никто раньше не встречал такого, природный асфальт не описал ни один геолог. Позднее дали название этому минералу — *обручевит*. В книге «Пограничная Джунгария» это самое примечательное описание.

Джунгарские ворота — труба длиной вёрст под пятьдесят, настоящая иерихонская труба из-за частого рёва свирепого ветра. Были случаи, ураганы губили большие караваны, они страшны даже когда вырываются на равнину. Важное место, памятное: с древности шли здесь орды, не миновал его и Великий шёлковый путь. А самое замечательное в Джунгарии — кости динозавров. И летающего чудища птерозавра, и — особый раритет — джунгарского крокодилomorфа. А нынешняя редкость — дикая лошадь. Кулан — по-монгольски означает «быстрый и непобедимый». Как же приручили их древние охотники? А без этого не было бы кочевых орд, больших походов и набегов. И сохранились они в малом числе: около двух тысяч особей на всей Земле. Удивительное место и мало изученное.

И после двухгодичного путешествия — вне группы, почти одинокий путь через Китай в Тибет — пришла мировая известность. Два года в горах и пустынях, с проводником, по-русски знавшим несколько слов. Четырнадцать тысяч вёрст пешего хода с геологическим молотком! Семь тысяч образцов, и среди них больше тысячи отпечатков ископаемых животных. Поражались коллеги: вот везунчик, удача за удачей. Баловень судьбы! А вы попробуйте пройти окаменелую пустыню вдвоём. На южной окраине Гоби ураган гальку по земле катит. Вот и задумаешься о стойкости жизни.

Что показывают окаменелости? Жизнь на Земле длится три с половиной миллиарда лет. Ну, в архее смотреть не на что, а вот

дальше стоит заводить машину времени. Застывают расплавленные граниты и базальты, основа земной коры. Геолог тут найдёт себе занятие: началось отложение осадочных пород. Протерозой — примитивные водоросли, сине-зелёные. И бактерии были, конечно, но они видимых следов не оставили. Хотя нет, как же, а железная руда-то! Залежи её — след их работы. Железобактерии отделяли рудные массы, создали запасы для человека, а он появился через полтора миллиарда лет.

Геологическая система Сибири... попробуй-ка, опиши её в единстве. Долго-долго ни у кого не получалось. Только по слоям, по возрастам удалось описать. Найди древнейшие пласты, доосадочные породы — это точка отсчёта. А дальше этажи, ступени напластований. Когда поняли это, открылась история Земли, и геология стала наукой. Тут и золотоискателю прямое указание: различай неразмытые породы и перемещённые. А то ведь годами копали там, де золоту взяться неоткуда: ни вулканов остывших, ни следов разлома.

Нижний пласт — архей, древнее темя Земли. Обнажения его, докембрия, очень редки. Есть в Забайкалье: граниты, базальты, гнейсы — ступени в сотни миллионов лет. Если от нас идти, сверху вниз: кайнозой (новая жизнь), мезозой, палеозой, протерозой. Вот он, нижний ярус, и есть древнее темя, а за ним был кембрийский взрыв жизни. Среднесибирское плоскогорье, между Енисеем и Леной, мало кто запоминает. Неприметно оно, время стесало, а когда-то высокие были горы. Тогда было сплошное Сибирское море, и посреди — *горст*, поднятие. А раз море не покрывало это темя, нет и напластований. Ни карбон (каменноугольный период), ни пермь не отложились. Не говоря уж о «молодых» породах эры средней жизни — мезозойской. Ни мрамора, ни известняка. В других местах, в Кузнецкой котловине, скажем, бурно потекла жизнь, там древесные окаменелости отложились аж в километровые толщи. Не будь опусканий, грабенов, не было бы огромных озёр и лагун. Горсты подверглись разломам, их распилили ручьи и ветры, а грабены заполняли оползни, обвалы и реки нанесли песок, ил и глину.

Чем интересен третичный период, - море быстро перемещалось по северной Азии. Западносибирская низменность — бывшее море. Вон куда заходил океан, тогда ещё не Ледовитый. Нашествия ледников — это потом будет. И сколько их было, пока не ясно...

В окаменелой Гоби, где прежде искали следы моря, была неожиданная удача: нашёл зуб носорога. Хоть не верь глазам своим! В учебниках всего мира сказано: здесь было море. Проводник взглянул и пожал плечами — мелкая штучка. Зуб, эка невидаль. Да носороги ведь не живут ни в море, ни в пустыне. Не морские они твари, кустарник жуют. Значит, здесь были луга, кусты, деревья! Но никак не море.

А почему ушла жизнь отсюда? Надо годы пробыть на ветровых дорогах, только тогда поймёшь такое. Тут и начала складываться золотая теория: понял происхождение китайского лёсса. Желтозём — это же ключ к истории Поднебесной, древней земледельческой страны. Джунгли высохали, ветры пылью уносили плодородный слой. Культура Хань, Поднебесной империи, выросла как бы на уворованном желтозёме. А воры — свирепые ветры. Даже название главной реки китайской — Жёлтая.

Год 1892-й — Потанин предложил пойти с ним в Тибет. Но для «сибирского дедушки» поход стал роковым: умерла Александра Викторовна, жена и верный спутник. С её смертью Григория Николаевича как будто подменили: всё стало не интересно, вернулся в Россию. А экспедицию Обручева Географическое общество оценило высоко: и новые материалы привёз, и геологические карты. Пришлось поправить классическую книгу Рихтгофена. А шуму-то, шуму-то было: он ниспровергает фундамент европейской науки! Заключение, что «лёсс северного Китая является продуктом пустынь и полупустынь Центральной Азии», вызвало раздраженье начальства: не уважает, мол, авторитеты.

Общепринятую гипотезу, будто в Гоби было море, зуб носорога разом опроверг: в третичном периоде моря здесь не было. А монголы рассказали о драконьих скелетах в пустыне. Откуда крылатые змеи на знамёнах? Значит, кочевники, проходя через пустыню, видели устрашающие скелеты ящеров. Большая экспедиция раскопала там позднее целое кладбище динозавров. Да и носорог этот явился как будто из легенды. Гоби крепко запечатала свои тайны, на миллионы лет. А сколько караванов сгнуло в ней, о том кабинетные теоретики и слухом не слыхивали.

И какой поэзией полны там названия мест! Сырхэн-Гоби, Харарат, Долон-тургень, а ещё: Ямшин-таг, Булек-таг и Кум-таг. Песни в пустыне звучат редко, и в них если не вековая тоска, то ярость мести.

Монголия серьёзных исследователей не разочаровывает, но испытывает крепко. И спекуляций вокруг неё было вдосталь. Американец Осборн доказывал: вот она, прародина человечества, именно здесь обезьяна слезла с дерева и взяла палку в лапы. Да, пожалуй, и огонь-то здесь же приручили. А всё потому, что впадина поднялась и леса рано исчезли. И ведь приняли эту гипотезу, хотя висит она в воздухе, ни на что не опирается. Нет здесь костей обезьян, синантропы прошли гобийские ворота явно с юга. А шуму было, а суеты вокруг мыльного пузыря!

Потрясающее открытие той поры, времени Первой мировой войны, - движение континентальных плит. Догадку об этом высказал немец Вегенер, но идею бродячих тектонических плит назвали сногшибательной и пытались высмеять. Немногие поняли её. Чтобы континенты сами поползли по планете, - что, мол, за бред! Какая сила может их двигать? Сам-то Вегенер механизм этого движения объяснил смутно. А вот поди ж ты, ошеломляющая гипотеза выстояла, превратилась в теорию. Мощные плиты, одни части света разъединяют они, другие сближают. В эти же годы главного геолога Сибири выставили из Томска: Обручев-де политически не благонадёжен.

Самый молодой профессор Томского технологического института, автор уже десятка книг, заявил, что тектоническая гипотеза многое объясняет. А в исторической геологии разобрался лучше других. Но создали скандальную атмосферу, наказали за левые убеждения. Выдавили, заставили уйти. Решали-заседали чиновники от науки, у таких ничего похожего на открытия ни в душе, ни за душой.

- Вы думаете, это делает честь институту?

- А что тут попишешь, Потанина тоже не утвердили. Сверху большое давление.

А главный их довод: диссертацию так и не защитил. Они-то в учёном совете сидят со степенями. А когда настоящему геологу писать диссертацию? Каждый день дорог, а тут садись за имитацию учёности, нужную только для птички-галочки. Потому-то и забиты институты имитаторами. И покинул Сибирь, великий простор для исследователя. А в Москве новые испытанья придвинулись...

Да, в историю науки вошёл с триумфом, а диплома доктора наук всё нет. И когда выставили из Томского технологического, оказался без заработка. И вот — на положении безработного — обобщай накопления. Двадцать пять лет горы и пустыни не

отпускали, теперь — предварительные итоги. В интуиции-то есть она, есть новая наука о далёкой древности.

Докторскую степень получил только в грозном восемнадцатом году. Зато путь в академию наук был потом недолгим. 1912-й и 1921-й годы — цифры зеркальные: в двенадцатом выставили из Томского технологического института, в двадцать первом стал членом-корреспондентом Академии наук. Вскоре и полным академиком. А ведь главные открытия к тому времени ещё не обобщил...

Молодым ещё написал вот это: «Счастливого пути вам, путешественники в далёкие тысячелетия!» Подразумевал втайне машину времени. Вот уж помогла бы написать историческую геологию! В Томске задумал несколько повестей, а издал не скоро: революция, голод, не до фантазий. Хотя, если подумать... герои рвутся к ядру планеты и убегают от грозного времени.

В Москве, когда был безработным, захотел пересоздать книгу Жюль Верна. В ней, в «Путешествии к центру Земли», есть крупные натяжки. В его время считалось, что Земля — пустотелый шар, а это, по всем статьям, несуразность: в центре тяготения, конечно, скопились самые тяжёлые металлы. В «Плутонии» дал более реальное представление о строении Земли. У Жюль Верна к центру Земли спускаются по жерлу вулкана. В «Плутонии» следопыты заходят в большой пустой карман. Там, в гигантской этой пещере, живут монстры-ящеры. Там летают стрекозы-гиганты и ползают страховитые жуки с могучими клешнями. Да ещё и троглодиты нашлись там — пещерные люди. Ну, в общем, разные ступени жизни. Увы, нет серьёзной и увлекательной книги о глухом прошлом Земли. Жуть-то изобразить легче, чем работу открывателя.

Есть северная легенда о Земле Санникова. Мореход Санников решил: в Ледовитом океане есть тёплый остров — на него летят весной птицы. Адмирал Толль искал этот оазис жизни и погиб где-то на островах. Как и в «Плутонии», путешественники погрузились в тёмную жуть и вернулись обогащённые знанием. Читателей у «Земли Санникова» оказалось даже больше, чем у «Плутонии». Забава? Нет, путь к занимательной геологии. Без такой книжки не загорятся юные сердца, не повлекутся фантазии к истории Земли. Собираются лететь на чужие планеты, а свою понимают плохо, поверхностно — не по-сыновьи и не по-хозяйски...

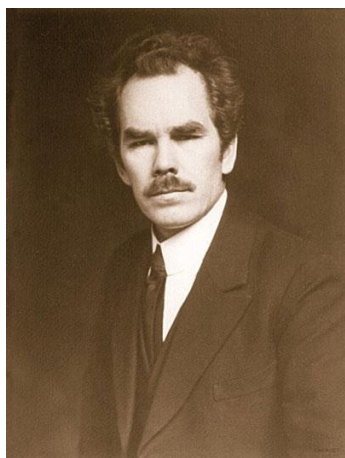
«В дебрях центральной Азии» — ещё один опыт в стиле: пришлось ввести приёмы приключенческой повести. А в основе-то

своё, личный дневник путешественника. Чуть-чуть задел китайские предания о кладоискателях, чуть-чуть древние мистические страшилки. Хорош материал у Пржевальского и Певцова, но о читателе они не думали. А самый главный читатель — какой он? Молодой, его надо уметь завлечь. Он ищет как раз то, чего учёные мужи боятся, - «сгущения красок», острые, смертельно опасные ситуации. Вот и понадобились заманки: «Возьмите это сочинение, - сказал мне старик, - жена моя по-русски неграмотна и у неё тетрадь пропадёт. А вы, может быть, найдёте в ней интересные вещи, поправите и напечатаете рассказы о том, как Фома Кукушкин в пустынях Азии искал и находил клады». И главы: «Воскресшие рудокопы старого рудника», «Клады в развалинах древнего города Кара-ходжа», «Клады в городе Нечистых духов», «Клады в мёртвом городе Хара-хото», «Сокровища храма Тысячи будд».

«Шуми, вечное море, шуми!» А геолог найдёт следы древнего моря. Тектоника Сибири приоткрывается через такие вот крупные частности, как следы палеозоя. По-своему ответила она на вопрос: что же такое северная Азия в геологических процессах планеты. А для этого пришлось пройти тысячи вёрст по пустыням, по горам, по тайге...

Девяносто три года прожил — век без малого. Удостоен высших наград, трижды лауреат государственной премии. Для мира важны не медали и звания, а открытия. Целые разделы в исторической геологии уже поколения учёных понимают «по Обручеву». Мир перевёл романы на разные языки, их читают на Востоке и на Западе.

На всё это подвинула Сибирь — кладовая, безмерная, ни с чем не сравнимая. Она воспитывает дух богатырский, а её называли холодной пустыней.

«Ждущее величие»

(Георгий Гребенщиков)

Сибирский образ мира — как создавать его, не видя Сибири? Что вывез из России, то и в дело пошло. Писали же Гоголь в Италии и Тургенев во Франции. Но им никто не мешал вернуться на родину. Недавно здесь кто-то написал: потанинскую программу выполняет теперь Георгий Гребенщиков. Выполняет, а Сибирь-то его уже не помнит. Да, Потанин напутствовал: «Знамя Ядринцева лежит не поднятым, и я думаю, вы должны его поднять и понести в будущее». А если оно, будущее-то сибирское, - тьма крошечная? Когда-то и Лев Толстой приветствовал сибиряка, назвавшегося калмыком: «Хорошо, что у вас здоровая идея, а без идеи разве есть смысл жизни?» Научил делить все идеи на здоровые и нездоровые.

Вот она, книга о Сибири, пока в рукописи. Последняя, наверно, и на чужом языке, на английском. Кто её здесь заметит? Американцы к чужому не любопытны, этот островной комплекс от англичан. Упомянул о миссии, завещанной патриотам Сибири. «Широка и необъятна сибирская земля, так широка и так необъятна, что не пришёл ещё певец, чтобы воспеть её и изобразить её величие». Таким вышел запев романа, седьмого в большом сюжете. Не себя подразумевал, нет, - певца давно ждут. Но кто теперь, после катастрофы, возьмёт на себя эту миссию? И чем жить, если не видеть в Сибири залог выздоровленья? А вдруг удалился от задачи, когда пересёк океан?

Что знает средний американец о Сибири? Да почти ничего. Начинаешь беседу — в глазах безразличие. Правда, немного оживляются, когда узнают, что сибиряк. И тут, как из рогожного мешка, вынимают дурацкие вопросы: про дикарей в тайге да про

медведей на улицах. Индейцев видят в нас эти беспробудные обыватели. Вот на кого третишь здесь просветительский запал. Вряд ли возьмут в руки толстую книгу про Сибирь, в ходу у них трамвайное чтиво. Первый том романа не разошёлся, приходится сокращать тираж...

А материально, без высоких запросов, жить здесь удобно. Типографию купил, завёл своё издательство. Да что издательство, центром русской Америки стал ведь. Но что будет с русской диаспорой? Погаснет за поколение, внуки язык дедовский забудут. Станут заурядными американцами с искажёнными русскими фамилиями, Сибирь для них будет не ближе, чем луна. Хотя и с русскими парижанами то же ведь будет, с беженцами в Европу. Ждут с моря погоды: авось всё само уляжется там. И откроются дали-виды — за страданья наши, за безмерные. Или мистики подмешивают в историю, или большевизм одобряют, хотя бы наполовину. Революция страшно опустошила души, раньше не бывало в народе столько изверившихся. Там, на родине, верующих бьют и плакать не дают.

Затеplилось было сибирское мессианство — вера в Сибирь-спасительницу. Выстраданная вера. Но разве вытекает она из сибирской истории? Или это чистой воды романтизм? Нет, Потанин не был романтиком. А всё же и для него родные места — святые. Ведь что получалось: Русь святая, а Сибирь — грешная? Да она ещё больше страдала и отдавала себя миру. Значит, вера протестная? Об этом задумался, когда читал лекцию «Сибирь как русская Америка».

Где она, Сибирь? За океаном, до конца дней недоступна. Осенний гул тайги, дымка над хребтами... Господи, неужели никогда не увидеть? Былая Россия — за морем времени. Проехать от Москвы до Алтая — что увидишь? Говорят, расстреляли почти всю редакцию «Сибирской энциклопедии», а там были ученики Потанина. И о нём пишут со злобным шипеньем, называют врагом прогресса. Не славил классовую борьбу в таёжных стойбищах и не чернил прошлое народов — значит, классовый враг. А литература с этим новым героем! Дьявол на уши нашёптывает красным щелкопёрам, воспевают разрушителя, а нужен восстановитель. Да, восстановитель веры...

Хотел разом открыть большому миру душу сибиряка. Сибирь — изнутри самосознания, тут обязательна догадка о судьбе ближайших поколений. Куда чалдон потянется, нев сторону ли

Америки? Которая и без него есть, сильная и самодовольная. Равняться на неё, подстраиваться? Были такие проекты, были. Изучать надо, сравнивать. Для того судьба и забросила сюда. Без этого просто изгой, человек без родины. А в первые годы в Америке и без языка, как герой Короленко. Наперекосяк жизнь пошла — так порой кажется. Это меланхолия накатывает. Из простого народа, минуя гимназию, прошёл в литературу. Оказывается, не так прост он, простой-то народ. Это выродки из дворян любили побаловаться понятием *простой народ*. Вот и проиграли ему, спесь их утопила.

Был редактором серьёзной газеты, издавал книги в столицах — на фронт пошёл добровольцем. Фельдшер видит только изнанку войны, в лазарете нет героических порывов, только хрип и стоны. А у революции лицо какое? Мерзкое, кровь бессмысленная. Вот и приходится доживать век свой за океаном.. где русские вовсе незаметны. В Париже, там читатель есть, много сейчас русских в Европе. Там издал первое собрание сочинений, прославился даже шире, чем в России. А советская цензура сделала всё, чтоб на родине остался неизвестным. Есть лишь упоминания критиков-костоломов: «Не стоит и читать слезливо-нудные реляции Гребенщикова». Сами, конечно, ничего послереволюционного не читали.

«Современные записки» удостоили высшей чести: в первом же номере, на первых страницах — «Чураевы». Запев, начало романа про семейство староверов. Русская катастрофа просится в большое полотно, в сибирскую эпопею. Начинал как семейный роман, а растеклось вширь — перекааты, буруны, излучины. Роман-река, с омутами, с берегами задебренными. Образцов почти нет, есть только поволжская Мельникова-Печерского. И некто Шолохов печатает странную для советов донскую эпопею. Там, под красной звездой, как блины, пекут эпопеи с обратным знаком: славят самоликвидацию народа. Идеал у них — герой-безбожник и село без обычая.

Говорят: староверам, этому осколку былых веков нет места в нашем веке. А они так же разнолики, как и остальная Русь. Трудолюбивые, зажиточные, устойчивые в семейном быту и вере. На советском жаргоне — сплошь кулаки, и этим судьба их предрешена. А бежать уже некуда — край света. Финал может быть только трагическим: Василий Чураев вернётся в родные места, будет узнан и схвачен как «контрик». Вернётся — нет ни дома, ни прежней Сибири...

На двенадцать томов замахнулся. Хватит ли жизни-то? Кержацкая самоизоляция и бурная современность. Прятали мир свой в дебрях,

ждали судного дня и дождались. Открещивались: *Чур меня!* Такая жизненная идея у старообрядцев: спасение души от пороков века. Упёртые апокалиптики, они толкуют знаки конца света. Ещё до революции, на Алтае, охватило предчувствие: наступит их город, с головой накроет. Пришло и к ним обмирщение. Мир провоцирует: отрекись от отцов — и станешь современником. А революция преподнесла такое, что и в кошмарах не видели. И первым делом ударила по вере — по основе уклада. Задавил грешный мир, не позволил существовать.

Грех признаться, был задор или фантазия-обморок — написать крестьянскую эпопею, крепче толстовской, почвеннее: «Я испытываю такую любовь к земле и солнцу, к животным и растениям, что кажется, сумею написать “Войну и мир” лучше Толстого — вот до чего доходит дерзость после или в момент отчаянья!» Не дворянская точка зрения в основе, а староверско-крестьянская. И потрясенье мира — пострашнее наполеоновского нашествия.

Здесь, в американской Чураевке, додумывай судьбу рода староверов. С детства видел их, рядом были, а не понимал. Мать из рода кержаков, предки-казаки были староверами. А без потанинской наводки, пожалуй, не забрезжил бы замысел «Чураевых». Смутно очертилась драма братьев-кержаков: каторга, война, утрата веры и поиски её. Василий примеривается к разным путям, чтоб помирить дух предков с машинным веком. И превращает жизнь свою в *хождение по мукам*. Бес искушает его, отчаянье и поиски пути домой. Оказалось — к пепелищу...

Может быть, мешанина выйдет. Семейный роман, роман воспитания, областная эпопея, историческая хроника, философский роман... не уложить в готовые рамки. Душу коренного сибиряка никто по-настоящему не описал, тёмную глубину её не измерил. А безмерность её поразительна. Думали: проста она, примитивна. То жестоки, то добры без меры. Обычай держатся деспотично — и анархия, бегство от властей. Независимость и общинность — нераздельно. Вся история для них — путь к катастрофе. Верят в близкий конец света — и копят богатство.

Сотни лиц просятся в коллективный портрет низовой Сибири. А о чём, в главном-то, «Чураевы»? О новом расколе в отечестве, более страшном, чем тот, семнадцатого века. О расколе семейном, о возвращении блудного сына. Грех отпадения — вот интрига. Начал, примерно, как хотелось Потанину, бытом, этнографией, а потянуло философствовать. Роман потёк своим руслом — философским и

разошёлся с заветом «сибирского дедушки». Он же предостерегал: «Роман из жизни интеллигентных людей в Сибири не имеет до настоящего времени необходимой для него почвы». Интеллигенция-то вся завозная, не коренная — взгляд со стороны. А вот дерзнул, замахнулся. Есть современный пласт, есть прения о вере. Бегство от мира и обмирщение — сквозная тема всех томов.

А могла Сибирь отделиться по религиозному основанию? До Урала — новообрядцы, восточнее — старообрядцы. Казаки долго не признавали Никонову церковь, а крестьяне бежали за Урал целыми общинами. Нет, не остановить им, апокалиптикам, общее отпадение от веры. Патриарх Фирс Платоныч разводит руками: «Вер разных больно много в нашем крае стало». А сын Василий захотел опробовать их на предмет истинности. Кержак-богоискатель бросил вызов отцу, и началась смертельная вражда с братьями. Потом искал истинную веру в экспедиции на Восток («Спуск в долину»), был толстовский порыв к упрощению, к крестьянской жизни («Веления земли»), потом начало войны («Трубный глас», «Сто племён с единым»). Разлив мировой войны и начало великой смуты — «Океан багряный», «Лобзание змия».

Кержак пошёл путем интеллигентских искушений, искал истинного Бога. А слиться с народной стихией он уже не хочет: слишком много увидел озверенья. Вот тут препона: народному роману нужно ощущение низовой правоты, а кругом безумие.

Закоснели в средневековье? Примерно так думал, а прожил два лета у староверов — и потянула к себе алтайская Русь, запросилась в крупную раму. И фамилию подобрал: «Чурка крепкая, кондовая, остаток крепких кедрачей Сибири». Староверы не умствуют пустословно, не задают Творцу досадных вопросов, страх Божий останавливает. Знают без учёных книг: смысл есть у мира, есть несомненно, но вечность нам недоступна. Богобоязнь средневековая, а календарь и медицина языческие.

Сторонись суеты, чтоб не заслонила она вечное. Это первый завет. Второй: не святотатствуй, хула на Духа не прощается. Есть закон воздаяния, а человек подвержен греху. Так с чем тут спорить? Коренная русская мысль, никаких излишеств. А Василий прельстился в Москве умственным изобилием, не сразу понял, что мудрость-то книжная ничего не стоит без личного опыта. Старовер стал последним богоискателем в стране безбожия. Но кто твёрдо верует, тот Бога не ищет, он Его слушается. Дорого даётся нынче этот опыт! А без него нет русского человека...

Что в семейном предании Чураевых? В машине они усмотрели сатанинский дух, во всём видели знаки судного дня. Но разве для них только настал страшный суд истории?

В начале понимал прямолинейно, как все: чалдонская упёртость — нежеланье стать как все, сдаться стадной безликости. Беда придёт к ним, если замкнутся в своей косности. Век исказит лицо, вывернет душу-веру наизнанку, и это хуже смерти. Полное *обмирщение* — отступничество от святынь, предательство. Не понять это чуждому миру, и пощады от него они не ждут.

Обычно областной роман — идиллия и разрушение лада. Вдруг открылась переключка с «Братьями Карамазовыми»: Василий проходит те круги испытанья, какие предстояли Алёше. Укрупнил мотив родового греха: за преступления отцов рассчитываются каторгой и Ерёмка-мясник, и Викул, и Василий. На излом берёт история чалдона, испытывает его страшными видениями, под стать адским. Душа на скорый износ обрекается...

Интересная сложилась тройка из учеников Потанина. Новосёлову, Шишкову и Гребенцову досталось выполнять потанинский завет. И все трое взялись за один материал — за старообрядцев. Одинаково поняли причины ожесточения сибиряка, и героизации окаянных дней нет ни у одного. Александр Новосёлов не успел достичь зрелости. Совершил несколько путешествий по местам расселения староверов на Алтае и за статьи эти приняли его в Русское географическое общество. Из разрозненных очерков составила книга «Лицо моей родины». Вышла уже посмертно. Особенно отделил обречённость староверов.

Повесть-предупреждение. Искатели Чистой земли сами себя ликвидировали, выбор пути сделал их врагами. Революция подтвердила опасения Новосёлова: в момент Колчаковского переворота убили его в Омске. Книга «Лицо моей родины» — хороший пример: название нужно тёплое, согревающее. Скажем, «Моя Сибирь». И побольше философии коренных сибиряков. Никто ею не занимается, думают, что её как не было, так и нет. А пора «задуматься над прахом многих полудетстки безобидных народов и племён Сибири, которые, оказываясь часто без вины виноватыми, покорно уступали своё место более сильным в борьбе за жизнь...» Аборигены северной Азии могут остаться без наследия...

После первого тома «Чураевых» как-то сама выкатилась «Былина о Микуле Буяновиче». Роман-сказание получился и угодил в момент: русский простак соблазнился лёгкими посулами. Забитый

крестьянин пришёл в разбойничью ватагу, потом стал атаманом у «зелёных» и, ослепший в огне, обратился к Богу. Что главное в этой антибылине? Бунт, ожесточение угнетённого. Так поняла эмигрантская критика: поиски выхода повели от одной жестокости к другой. Писалось увлечённо, и звучит вещь как баллада: всё вместе, и всё несоединимо. Критик-эмигрант увидел в романе подслащённость, а героев назвал пейзажами. Ни разбойника-каторжанина, ни жестокого атамана почему-то не разглядел в Микуле. Чего уж ждать от критиков-большевиков?

В другой части Земли другой сибиряк по-своему, но тоже в духе жестокого романтизма нарисовал нигероя гражданской войны. «Страшная русская сказка-быль» — так Вячеслав Шишков увидел гражданскую войну. Изуверство предугадал он ещё перед революцией в повести «Тайга». Предвидел, как поведут себя потомки разбойных казаков и каторжников в большой смуте. Ведь и в мирные-то дни не поймёшь, матерится сибиряк или молится.

Русский бунт, бессмысленный и беспощадный — как ни нарисует его, всё будет «литература». А рисуют двояко: там — в ореоле героизма, здесь — как дьявольскую одержимость... Кто соберёт все факты, кто уложит в систему? Не скоро это будет, — когда смута вычерпает силы народа... «Былина о Микуле Буяновиче» догадку даёт, каким должен быть финал большого романа. Возвращение к земле и роду — первая забота погорельцев. А чтобы роздых пришёл, понять надо знаки тьмы и душу подвинуть к храму. Понять, куда пути ведут — к богосыновству или к осатанелости.

«Ватага» и «Былина о Микуле Буяновиче» в разных станах созданы, а есть явные переключки. Оба героя, Зыков и Микулка, из староверов, а стали атаманами и сгорели в огненной смуте. Дмитрий Фурманов, комиссар-писатель, назвал «Ватагу» жуткой и мерзкой клеветой на революцию. Шишков написал трагедию-абсурд, а комиссару подавай героизацию. Красно-зелёная партизанщина, с командирами из староверов — не вместить такое в их соцреализм. Но это было. Без трагической подсветки получилась бы литературщина. Жутко-театральные расправы Зыкова — это из народных рассказов, такое не выдумаешь. Дорогу, по которой вели обречённых, устлали коврами, а по сугробам расставили кадки с фикусами. Было четыре тысячи в уездном городе, в котором венчался Достоевский, — осталось две.

Не умер ли старый друг Вячеслав? Успел он, Шишков, создать народный роман о Сибири. «Угрюм-река» — так назвал его. Записал

на Тунгуске старинную песню казачью, читал её у Потанина. А замысел из старых сказов о сибирской «золотой лихорадке». Юный Прохор хотел расстрясти спящую Угрюм-реку, разбудить глухомань, клялся: «Загублю жизнь в дело, оставлю потомству плоды рук своих». И быстро убедился, что большие капиталы добываются лишь преступлениями. Засадил отца в «жёлтый дом», убил возлюбленную, спасителя своего, Ибрагима, отправил на каторгу. В приступе белой горячки проклял чрево матери и ликвидировал себя...

В советской Сибири литераторы отгородились от областничества; критика даже слабый отголосок его оценивает как вражеский выпад. Не потому ли «Угрюм-река» повторяет схему романа Горького «Дело Артамоновых»? Вырождение трёх поколений предпринимателей. Благодатная земля и нравы звериные. Народ сразу признал роман, в популярности он превзошёл все советские бестселлеры...

Видно, старость, подкапывает: всё чаще наплывают картины детства. Прервал работу над большим романом, взялся за повесть о детстве и юности. Лирика — кому нужна она в век потрясений? Нужна, особенно там, где забывают родину. Полвека просилась повесть на перо, и вот сама вылилась на бумагу. Говорили и говорят об отставании Сибири. А вдруг оно благотельно? Образованный человек очерствел и впал в безверие. Чувство природы уходит из больших городов. Вера русская хранится по окраинам империи...

Нарисовал «жизнь одного из сынов простого и всё-таки великого народа» и что глаза впервые увидели и что сердце различило. Раздумье о мудрости низового, замордованного народа. Небо Егорка увидел в весенней луже и ощутил его как обещание бесконечности. Небо в луже — начало философии. Мудрость, она оказалась в надежде бедных, которым всегда есть за что биться. Им-то жить хочется больше, чем сытым. Бредут они по тёмному бездорожью, постигают всё наощупь. Егорку-Георгия изумляло просвещённое бесстыдство. Груб люд деревенский, тяжко груб порой, а циников в нём почти нет. Почему же в кругу образованных-то их стократ больше?

Тяжёлая жизнь вчерашних бергалов, грубость и семейное ожесточение, а щемит сердце. Светлы они, видения нищего детства, такой капитал не растратишь. Какие дали виделась, какой взлёт! И вот итоги: в Америке доживаешь век свой. И «Письма с Помпеяга» шлешь в никуда. Теплится надежда на восстановление нормы —

утопия Руссо против марксовой утопии. Пройдёт Россия и разъединение, и воссоединение. Пройдёт и поймёт заново

вселенский смысл, от которого новые люди уходят...

«Егоркина жизнь» — получилась поэзия труда на земле, всё о крестьянских ремёслах. «Какое у народа сердце, какова душа его? Не всякий даже искренне кающийся раскроет душу и сердце. Никто, нигде

не разглядел во всём величии народа от земли. Никто не разгадал».

Пойми душу сибиряка в испытаньях — поймёшь, что там, в грядущем. Потанин советовал сибирякам опираться на этнографию. Это народнический прицел. А «Моя Сибирь», в главном, — программа преобразования края: «проклятая страна изгнаний, каторги и стонов скоро превратится в благословенную обитель, куда откроется паломничество со всех частей света». Скоро... На Сибирь возлагается миссия просветления и спасения заблудшего человечества. Написал в рериховском духе: Сибирь — «это такое географическое место на земном шаре, где должно возникнуть теснейшее культурное единение самых великих наций и где дружески протянут друг другу руки Восток и Запад». Лет двадцать понадобилось для отрезвления.

Сибирское мессианство — какие у него корни? Сначала думали: спасёт себя Сибирь — забрезжит будущее. Не от жалкого ли состояния мечтания эти? Тут вилка: узнавание себя и великий проект...

Сибирь-де ничего не дала культурному миру, никаких идей, ничего, кроме сырья, нет у неё от века. От шаманов, мол, что ли, идеи придут? Как Запад думал о самой России, так и мимо Сибири пройдёт. Мимо сказаний, мимо настоящей истории смотрят. И сибиряки туда же — приучились смотреть на себя чужими глазами.

Не сразу осознал свой долг *карьма*, потомка алтайских инородцев. Примерить на себя чужую судьбу — вот самая большая опасность. А всё ведь к тому идёт. Сибирь без аборигенов — область

как все другие, только климат похуже. Средний американец пожмёт плечами: мы и без индейцев построили небоскрёбы. И в России были такие борзописцы: вы, мол, назад зовёте, в яранги и чумы. Нет в истории примеров оживленья отсталых племён... Нет, всё-таки не слепой рок забросил сюда, на реку с индейским названием Помпераг. Новый горизонт для обзора. Но без веры, без жертвенности – куда шагнёшь.

Пригнулся с радостью к рериховскому обществу: вот люди веры. Но что это за вера? Заслонять горькую реальность павлиньим хвостом! *Шамбала сияющая* – художество на месте веры. Сам же Рерих упрекнул других: «неиграемым играют». Да, художник выдающийся, изумляющий. Видеть Алтай взглядом пришельца из космоса – блестящий приём. Но не теряется ли почва-реальность, если смотреть из Шамбалы и нынешние провалы считать легко поправимыми? Доверились снам Всотока, сами себя назначили наставниками человечества. На Тибет зовут, пути благословения – буддийского – всем указывают. И Ленина, творца геноцида, величают братом-махатмой! Стилизованные пророчества – вот что такое ваша эзотерика. А главное, что толкнуло к рериховцам, – поиски оптимизма. Слишком много стонов доносится со всех частей света. Захотелось синтеза...

Вот и загнал сюжет в тупик, византизм захотел соединить с оккультизмом. Сибирь-Шамбала – эта пышная игра не для народного обихода. Написал как-то: «Ни Горький не заразил меня безумством храбрых, ни Лев Толстой, одобрявший во мне призыв сынов народа обратно на работу на земле, и ни Г. Н. Потанин, надеявшийся, что я подниму ядринцевское, т. е. его, потанинское, знамя, – никто не сделал из меня своего честного последователя». А подхватил ведь рериховское знамя, не разделил художника и мыслителя. Не скоро спохватился, что Рерих и Потанин несовместимы, на разных путях они.

Потанин считал: в Сибири рано ещё философствовать. Нет, мыслить можно и с нулевой отметки, от староверского кругозора. Не подменять, не уходить от коренной традиции, не звать в сияющую гималайскую пустоту. А «Письма с Помперага» писал по Рериху. С другой стороны, кто не поверит в Сибирь – не увидит её в нужном масштабе.

Романтическим стилем написал: «возможности Сибири настолько велики, что наш европейский разум даже не подготовлен для того, чтобы вместить их в рамки общепринятых понятий об отношениях

между Западом и Востоком». Но выкачают недра, повалят леса, перекроют реки — и останется она ободранной, в том же полукOLONIALном состоянии. И не дадут ей пробудиться, заговорить народным наречием. ...

Какая тогда у неё миссия, если мыслить трезво, как велел Потанин? А он верил в неё неколебимо. Романтик Ядринцев, кажется, сломался. Он побывал в Америке — и раскололась душа его, жалкой показалась вдруг Сибирь. И вот судьба-индейка для чего-то забросила сюда другого сибиряка. Надолго забросила — сопоставляй, мысли независимо. Много чего ещё откроют в Сибири. Или главное уже открыто, остаются месторождения да частности истории? Тут основной предмет книги «Моя Сибирь».

Что, вся сибирская история — резня племён? Это взгляд завоевателей: спит-де восточная Татария и ждёт властной нашей руки. Земля богатая, а занята народами без истории. Надо принести историю, понимай — бесцветность и безликость. Нет, займёт Сибирь своё место в мировой истории, дайте только время.

Предвзятость хуже слепоты. Узнали о золотых курганных грифонах — приписали их атлантам и гиперборейцам. Только не сибирякам. Потанин и Ядринцев в письмах отзывались о Томске кисло: город торгашей и разбойников, без следа умственной жизни, а всё же настаивали: будет он университетским, будет центром умственной жизни Сибири. Сломать общее равнодушие — это самое важное. И на чалдонов смотрят по-разному.

«Русский народ, брошенный судьбою для строительства в пустынную Сибирь, предоставленный своей инициативе - с одной стороны, и избавленный от гнёта крепостничества - с другой, конечно, научился быть самим собой...» А что это значит, если без идеализации? Рядом — противоречие: «В этой полудремотной широте природы складывалась особая, веками накопленная всенародная философия азиатской лени и печали... Надо сказать правду, что большинство сибирского населения привыкло черпать из природы всё в неограниченном масштабе, но совершенно не привыкло глядеть в будущее». Лень от инородцев досталась? Ну ещё бы, нашли на кого свалить свою вину. И можно не замечать, что «русский быт строился на трёх кощунственно уживающихся между собой основах: церкви, кабаке и матерщине. Там, где вы увидите или услышите один из этих русских признаков, - это ещё не значит русской оседлости, но там, где все три рядом, смело почувствуйте себя в России». И всё же «какое дремлющее, ждущее величие!!!!!!».

Кто они, колонизаторы Сибири? Казаки и старообрядцы. За ними шла лапотно-избяная Русь. Была колонизация? С Ключевским не поспоришь — авторитет бесспорный. Но в его время на противостояние Востока и Запада, человека и природы смотрели оптимистично...

Нет, не обойтись строгим анализом, если хочешь понять Сибирь. И вошёл в книгу стиль поэмно-сказовый: *«Настоящий богач никогда и никому не скажет, где у него спрятано серебро. Настоящий алтай-кижи никогда и никому не скажет, когда опять Ойрот придёт»*. Какой любовью дышит сказанье о хане Алтае, о владеньях его бесценных!

Бирюзовой лентой обвила Катунь
широкое подножие Белухи.

Позвала с собой из гор младшего брата Архыт.

Позвала красавицу сестру Чую.

Взяла с собой многих меньших братьев и сестёр.

Встретила горного богатыря Урсула. И вместе с ним
побежала дальше вслед за Чулышманом.

А шаманы!.. Ну кто же вспомнит про языческую отсталость, когда видит камлание? Только совсем уж глухой к поэзии. *«Ок-пуруй! Ок-пуруй! Я сел на моего коня...Я взялся за поводья, мягкие, как косы молодой невесты...Ок-пуруй! Буланный конь понёс меня на небеса. К Ульгеню! К богу светлого покоя, к богу радости, к богу голубых видений...Ок-пуруй!.. Земля осталась глубоко внизу, и я, как в горностаевый мех, закутан в гриву. Как зайчонок в гнезде из пуха матери, я утопаю в тёплом, ласковом, певучем встречном ветерке. Ок-пуруй! Я, шаман Карамес, говорю: буланный конь несёт меня на небеса, к сиденью Ульгеня, к сколоченному золотыми звёздами синему престолу. Не смею глядеть, но вижу: сидит и дремлет Ульгень... Вот он, Ульгень, вечно празднующий и весёлый, с белой бородой, как вечный снег Алтая»*.

«Какое у народа сердце», - не просто ответить. Попробуй нарисовать коллективный портрет — выйдет абстракция. «Народ был всякий: простой и непростой, наивный и лукавый, грубый, ласковый и даже нежный, часто пьяный, часто чуткий, тонкий и изобретательный, оседлый, кочевой, богобоязненный, преступный». А как пройдёт он полосу геноцида? Какое у него будущее? Василий, блудный сын и мыслитель, будет схвачен в родной заимке, уже обезличенной, беспамятной...

Завершать выпало, дописывать, досказывать. И за русских, и за коренных. Новая Сибирь может прорасти, конечно, только из своей основы, на старой почве. А чтоб вперёд идти, надо старое

подытожить. Тут важно чувство правоты. Фёдор Шаляпин нашёл нужные слова: «Хорошими соками напитала вас Сибирь-матушка, очи зоркие дала и ум наблюдательный, острый и спокойный».

Всё-таки главным исследованием стали семь томов «Чураевых». Остальное — подход к ним и комментарий. Прогресс — довод вроде бы неоспоримый, но сколько в нём парадоксов! Машина сомнёт традиционную веру. Здесь вот сильная нация пишет смертный приговор слабым племенам, оголяет землю, опустынивает — и этим гордится. А там, дома, нарождается всемирная империя навыворот. И потому сибирский провинциализм спасителен: был шанс сохранить культуру, не порвавшую с природой...

Только космизм, только ритмы высшие снимают чувство безысходности.

Лики каменного века (Алексей Окладников)

Ветер в лицо и скрип уключин. Так день за днём, третий месяц. Жена у рулевого весла, грести надо самому — до мозолей, до изнуренья. Треть Лены прошли вдвоём на вёслах сквозь дожди и холодные туманы. Дни недели сливались в один, но мало-помалу Лена открывала свои тайны. И вот момент перелома — река-угрюмица обернулась красавицей.

Всего на миг глянуло солнце в просвет облаков, и по скале побежали навстречу лодке олени. Прибрежная скала, и на ней, высоко над землёй, рисунки. Культовое место, здесь когда-то поклонялись неведомым духам. Здесь молились хозяевам реки и тайги, но вот когда? Ленские писаницы — пропущенные страницы сибирской истории, знакомые и при каждой встрече новые. И сами собой вспомнились громовые камни — находки детства.

Давно говорят: родиться надо в нужном месте. Первое открытие, как первая любовь, — на излёте отрочества. В окрестностях села Бирюльского и раньше находили таинственные камни. След пещерного человека открыл в Забайкалье старый крестьянин в середине века девятнадцатого. Погреб копал в огороде, и нате вам — кучка обработанных камней глубоко в глине. Учитель гимназии, слышавший о каменном веке, не поверил глазам своим: тут вам не Африка. Троглодиты в Сибири?! Невозможно — морозы-то вон какие. Да вот же, смотрите, — народ давно находит здесь громовые камни. Детям не велят их трогать: не ангелы же камнями с неба кидаются, а бесы, небось, их сквозь тучи швыряют. В Агинской школе был уже краеведческий кружок, туда Алёшка Окладников притащил свою находку и стал в нём председателем. Огляделся, ощупал камни, и потянули они к себе, и открылся «нюх»

на древность. Тогда и началась охота за первобытными камнями — в начальной школе.

В родном Забайкалье все по-разному относятся к каменным рубилам. Бурят-ламаист ни за что в руки не возьмёт: а вдруг с камнем войдёт в тебя душа давно умершего человека. Эвенки смотрят иначе: если отнестись по-доброму, дух того человека поможет тебе. А русские просто тащат камни домой — пригодятся в хозяйстве, ну хоть как груз в кадке, огурцы солить или грибы. Подросток Окладников сразу ощутил: в археолога из каменного зубила должна войти душа древнего охотника. Попробуй глядеть на мир его глазами — поймёшь, чего он хотел. Помогли речные наскальные картины — писанные камни.

Это второе открытие, и тоже близко к родным местам. На языке науки — петроглифы, а по народному присловью — писаницы. Первые озаренья живописцев! Вот здесь жили ранние богомазы, и ты должен определить — когда. Занятные фигуры нашли на реке Белой, но их ценности никто тогда не понял. Тысячи лет пляшут человечки над водной быстринной. Одни побольше ростом, другие поменьше. У одного круг над головой, у другого в руке круг малый. Бубен? Ну да, шаман камлает-пляшет, а дух-помощник служит ему. Всё здесь впервые: служитель верховного бога и дух-хранитель действуют согласно. Проблеск религии и утро искусства — вот что понял тогда. Здесь, в родных местах, люди жили с пещерных времён, а в учебниках написано про глухие внеисторические задворки! Да тут культурные напластованья на тридцать тысяч лет толще, чем в вашем центре. Богатое рисунками Прибайкалье показало миру эпоху цветущего шаманства.

В Иркутском пединституте свою школу создал Петри. Вот уж прирождённый был археолог. Ему первокурсник Окладников показал домашнюю коллекцию каменных топоров. Она удивила Петри, и он доверил студенту обработку старой коллекции. Кружок, единственный на всю Сибирь, издавал свои учёные записки, и восемнадцатилетний археолог из Аги напечатал в них свою первую статью. В этом кружке выделился Михаил Герасимов, позднее он прославился на весь мир. А тут и первая самостоятельная экспедиция на Селенгу. Там открыли поселения конца каменного и начала бронзового века. Заселение Прибайкалья — неизвестная древность. Почему сходились сюда племена, почему так густо расселились вокруг Байкала и по рекам?

Археолог должен быть готовым к голоду и холоду. Хорошо, если он вырос в глухой деревне да ещё в голодное время. Это почему? – удивляются горожане-собеседники. А вот почему: такой человек лучше поймёт возможность выживания. Практическая сметка нужна: что искали по берегам пещерные люди, кроме мест для охоты? Не понимают вопрос кабинетные историки. Выходы кремния, кварцита, роговика – вот что искали. Тут ищи мастерские по камню, просеивай отщепы, годные для наконечников копий. Кремень труден в обработке, зато даёт острое лезвие. Им удобно снимать шкуру хоть с оленя, хоть с тюленя. Для дротиков, коротких копий, годится яшма. А если ты наткнёшься на углубление в горе, где жили охотники, то тут усердно потряси-ка решетом. Здесь первонаследники Сибири провожали солнце и встречали утро, заклинали зверей и прятались от грозы.

Палеолит в Сибири... стоило заговорить на эту тему – в ответ кривые усмешки. Какие могут быть на Лене следы древнекаменного века? А это простая боязнь риска, не всяк пойдёт против общего течения. Гарантий нигде нет, открытие всегда непредсказуемо. Идти по следу древнего человека можно всю жизнь: от Прибайкалья до океана, от Амура до Алтая, только признает ли учёный мир твои наблюдения?

1936-й год: в Прибайкалье открыли стоянку Буреть – палеолит бесспорный. Но это уже не пещера, а первый семейный дом. Крышу делали из бивней мамонта и рогов оленя, на них набрасывали палки, потом уж пласты земли. Красавица Ангара сохранила десятки памятников-стоянок. О них писал кандидатскую диссертацию, потом издал её в двух томах. А позднее опубликовал трёхтомник «Ангарские могильники». Ну, как пить дать, древние охотники понимали толк в пейзаже, выбирали красивые места.

В 1935 году приняли провинциала аспирантом в институт Истории материальной культуры – ведомство Академии наук, главное учреждение в археологии. А выбор свой сделал ещё раньше: изначальная история Северной Азии, самые первые ростки культуры.

Тогда уже захватило, заморозило первобытное искусство. Еще в 1929 году обследовал Шишкинские писаницы в верховьях Лены. Здесь «пробивался маленький, но уже чистый и звонкий ручеёк искусства, которому предстояло в будущем стать могучей полноводной рекой». А по Ангаре-то сотни первобытных рисунков, они не уступают ленским, и главное, много их, удивительно много.

Что бы это значило? Пригягателен Байкал, не одно бродячее племя остановил он, сделал полуоседлым. Пошли они вокруг него, через перевалы и водоразделы. До Лены добрались, а там уж трудно остановиться — зимой тут рыбалка обильная, в летом простор для охоты.

А вот зачем практичные охотники карабкались на скалы, зачем оставляли там рисунки? Что в душе жителя пещер открывают петроглифы? Эти пляски-заклинанья, о чём они рассказывают? Шаманы вытанцовывают с воздетыми руками, а на головах шапки-короны. Первые нимбы? В коронах не все шаманы, только самые сильные, те, что прошли несколько посвящений. У других волшебные трости — тоже знак власти над миром, но уже меньшей. У шамана — волшебная трость, а у зверовидного духа на голове рога в виде короны. Так это же первый ореол святости! Трость, пожалуй, служит громоотводом. Значит, это бог-громовник?

Палеолит в Якутии, стоянки возрастом в сорок пять тысяч лет!? Не верили, читать не хотели. Болтовня, мол, юмор гимназистов, да и всё тут. Или вот это: индейцы заселяли Америку через Сибирь. Опять несогласие: Новый свет заселён-де недавно. Наверно, американцам так удобнее, не хочется признавать, что они уничтожили народы с очень древней историей. Сами англосаксы подростки перед ними. И вдруг, нате вам, - стоянка в тридцать тысяч лет! Шли волны заселения, сшибки племён в Америке — с палеолита. Вот и взгляните в упор на расовую проблему: кто они, краснокожие, откуда взялись? Кто ближайшие предки, кто дальние? Краснокожие уже в палеолите... и спор пошёл о промежуточных расах.

Этапы, большие ступени, по ним шагал здесь человек. О стоянках на Лене, возрастом под сотню тысяч лет, теперь рассказывают учебники. А сколько боёв прошло в тридцатые-сороковые, да и пятидесятые годы! Признал учёный мир палеолит Якутии — изменилось представление о заселении северной Азии. Не сразу, но всё-таки прочитали европейцы книги «Петроглифы Средней Лены», «Шишкинские писаницы», «Петроглифы Ангары», «Неолит и бронзовый век Прибайкалья». А потом, с пятидесятых, были раскопки в Приамурье, они и принесли европейскую известность. Погружался в каменный век Приморья и Монголии: «Лики Древнего Амура», «Далёкое прошлое Приморья», «Палеолит Монголии». И обобщение всего — сказание о древнейших путях слова, любимая книга «Олень Золотые Рога».

По всей северной Азии рассеяна эта символика, а думали, что культ оленя был только у европейцев. Нет, лань на Шишкинских писаницах древнее скифских оленей, и это тот же сибирский звериный стиль. Тут следы народов, до нас не доживших, но потомков их ты встретишь по всей Евразии. Память о них в единую книгу ещё не уложились, порознь пока читают главы. Тысячелетия, вёрсты и вёрсты разделяют их, и не пришёл ещё сказитель, способный сложить главную книгу сибирской древности, Книгу Единства племён. Увы, не поэтом родился следопыт Окладников, но всё же взялся за книгу «Олень Золотые рога». Ждал нападок со стороны знатоков мифологии, а никаких наездов как раз и не было.

Кто предполагал в Сибири найти древнейшее искусство? Ну-ка, что из новой живописи переживёт десять тысячелетий? Вот чем велики эти шедевры — возрастом. Материал сам за себя говорит, на скальные картины от Монголии до устья Лены чем-то похожи. Олень и лось — знаки солнца и жизни. А символ зла — змей. Легенды и мифы юкагиров помогли расшифровать единство этого повествования. Книгу «Утро искусства» писал у костров и в палатках. Захватывающее занятие, древним рисункам посвятил пятнадцать книг.

И поныне влечёт ведь она, галерея каменного века. Тысячелетние музеи, и почти все по берегам рек. А где ж ещё могли селиться пещерные охотники и рыболовы? Никаких дат нет, радиоуглеродные измерения возможны лишь там, где есть угли. Вот писаницы Каменных островов — явно создания нескольких племён. Место смены сотен поколений, одно из первых мест обмена высшим опытом, художественным. Писаницы и помогли создать периодизацию древних культур Прибайкалья и Приамурья. Похоже, человек заселял Северо-Восток из Прибайкалья. Шёл за отступающим ледником? За мамонтами, за стадами оленей? Ведь не гений-одиночка рисовал тут, а жрецы, шаманы.

Да, в Прибайкалье и Саянах около сотни писаниц. И вот что интересно: нет военных сцен. Что, совсем не было стычек? Нет, встречи племён не бывают мирными. Всяк, пришедший незванным, враг. Так, может быть, как раз и просили мира у духов реки? Привёз другу Герасимову череп с Селенги, чтоб восстановил по нему древний байкальский тип. Здесь жили палеоазиаты, когда пришли предки тунгусов. А раньше считали, что палеоазиаты шли только берегом океана.

В Америке нашлись следы палеолита. Но туда люди шли и в

среднем каменном веке, мезолите, и в неолите, и в эпоху бронзы. А вот здесь, на берегу Ангары, близ села Буреть, вглядывался в портрет человека древнекаменного века и задумался: а вдруг это предок индейцев? Там, уходя, почему-то забыли статуэтку молодой женщины из бивня мамонта. Хоть личико монголоидное, назвали её сибирской Венерой. Так и обозначена в тысячах альбомов всего мира. Взгляни на палеолитическую красавицу из Бурети — ни на миг не усомнишься: глаза и скулы монгольские.

Есть среди археологов полицентристы: человек, мол, появился сразу в нескольких частях света. В Монголии, считают они, обезьяна раньше всего слезла с дерева: джунгли усыхали. Европейцы доказывают, что расы разделились 25 - 30 тысяч лет назад. Есть и другое мнение: 40 - 45 тысячелетий прошло с тех пор. Некоторые насчитали все семьдесят. Но синантроп отделился от общего ствола полуобезьян много-много раньше. Австралопитек появился около пяти миллионов лет назад, а скорее всего восемь миллионов лет прошло от той поры. Но что согнало его с деревьев, что бросило в опасную саванну, - не ясно. Ведь это же какой риск! Зов пространства, раздолье для охоты? Сокращение джунглей — вот, наверно, причина. Они, мясоеды, уже были крупными, тяжёлыми. Почему вот гориллы неохотно лезут на деревья? Тяжелы они, массивны. Бухнется с высоты — кости переломает. А в саванне ходить надо прямо, чтоб голова над травой, и палка в руках-лапах — плоды сбивать, и для обороны от хищников годится.

И вот подарок: берег Улалинки, речки в Горно-Алтайске, обнажил след нижнего палеолита. Обвалился берег в центре города, и обнажились странные булыжники. Камень отшлифован водой и обтёсан по краям. Сотни тысяч лет обкатывала его горная река, а мохнатый человек поднял гальку, раскалил на костре и обколол край с одной стороны. Годится дробить кости, чтоб высасывать лакомый мозг. Раньше такие орудия находили только в Африке (там жил питекантроп) и в Индонезии (там — синантроп).

Около трёхсот тысяч лет назад полулюди разводили костры недалеко от бурной Катунь. Мастерская была здесь, волосатые предки вытёсывали простейшие каменные рубила. Нижний каменный век — поразительный след, невероятный для Сибири! Откопали здесь около шестисот изделий из гальки, какие находили только в глубине Африки.

Могли питекантропы идти навстречу леднику? Возле ледника им не выжить, хотя охота там отличная: перепруженные реки разливаются широко, и возле них собираются стада мамонтов, бизонов и оленей. Летом вольготно охотнику, а зима-то — холод лютый. При очередном похолодании они обречены... Так кто же охотился на берегах Катунь — питекантроп или неандерталец? По грубым каменным рубилам сразу видно: нижний каменный век. Но, может быть, развитие шло везде с разной скоростью, и в Сибири глубокое отставание? Костей здесь не найдено. Перемычку-то, неандертальца, в азиатской глубинке долго не находили. Странный разрыв получался: питекантроп — и сразу человек разумный. И тут щедрый дар преподнёс Генисаретский хребет, Узбекистан приоткрыл каменный век Средней Азии. Грот Тешик-Таш — окно в поздний палеолит. Высоко в горах отверстие в скале: Тешик-Таш — Щель в камне. Грот просторный, явно обжитый. А вот и череп человека, подростка!

Неделю ходили по горным тропам, но узбеки-рабочие чуть было не сорвали раскопки. Осквернять могилу?! — Аллах накажет. Они мусульмане и ни за какие деньги копать не станут. Как объяснишь неграмотным крестьянам, что этот не совсем ещё человек не совсем ведь и похоронен? Так кто ж они неандертальцы — полулюди или вполне люди? Восемьдесят тысячелетий назад жили они здесь. Не может быть, аллах сотворил человека сразу! А если не могила, то что? И вот диво: подействовала ссылка на радиоуглеродный метод. Одно непонятное заслонило другое и перекрыло религиозный запрет. Нет, проще: поняли узбеки, что это не их единоведец, а до *язычников* им дела нет.

Да, замеры радиоуглеродные... Кто бы раньше признал, что в Средней Азии жили неандертальцы? Этот метод заставил поверить и в сибирский палеолит. Остатки живого вещества, изотопы углерода, разлагаются медленно, и точнее этой датировки природа ничего не предложила. Правда, если больше пятидесяти тысяч лет, точность теряется.

Что произошло здесь, восстанови-ка через семьдесят с лишним тысячелетий. Почему голова отделена от тела и раздроблена? Уж не людоедство ли? Европейские учёные убеждены: здесь жили каннибалы. Но твердого доказательства нет.

Сначала собрал раздробленный череп подростка, потом наткнулся и на скелет. Похоже, несчастный случай: сорвался камень с потолка пещеры и раздробил мальчишке голову. Её оставили здесь, закопали недалеко от очага, и

что-то заставило их покинуть удобное жильё.

Пещеры — тут шло отделение от первобытного стада, тут, может быть, трамплин в истории человека. Огонь дал чувство дома. От священного пламени тени по стенам скачут — духи велют подхватить священную пляску. А тут уж без шамана никак, он тенями повелевает. А там вон старый охотник говорит о минувшем, о сотворении реки и горы. В праздник сытого мяса не упомянешь их — потеряешь всё, останешься ребёнком в лесу. Самые занятные пещеры — на Алтае. И как долго не знали этого.

Троглодиты — слово стало ругательной кличкой, а означает: люди пещер. Жили они здесь долго: отложился немалый слой золы. В нём кости косуль, горных баранов и кабанов. Жили на одном месте, пока было на кого охотиться. В горах удобно бросать камни с высоты, опять же пещеры рядом, убежища для ночлега и зимовки. Ну, горные бараны и косули, эти на своём месте, а вот оленей и кабанов в горах нет. Значит, спускались вниз, туда, где растут большие деревья, где вода. Надо понять, как обходились они без воды. Наверно, научились собирать дождевую. Это уже культура, начатки хозяйства. Люди, во всём главном — люди. Вели межпещерные войны, а это — начало истории. Есть чёрная гипотеза: первые войны вели людоеды...

Книга «Гешик-Таш» вышла только через одиннадцать лет, и поначалу встретила недоверие: ну и загнул сибиряк на счёт древности. Радиоуглеродный метод тогда только-только начали

применять в археологии и пока измеряли в музеях возраст прежних находок. А потом старый друг Михаил Герасимов вылепил голову мальчика-неандертальца, изображение вошло в учебники.

Но куда же ушли эти горные охотники? В одной пещере Алтая нашли оббитые кости винторогой антилопы, а она исчезла раньше мамонта. Радиоуглеродный анализ указал возраст находок: от семидесяти до восьмидесяти тысяч лет. В стоянке на берегу Байкала — кости шерстистого носорога и яка вместе. Тут же найдены и пластины-нуклеусы, такие же, как в пещерах Алтая. И прочный вывод: неандертальцы заселяли северную Азию от ста до тридцати тысяч лет назад.

Раньше историки знать не знали климатологию, - зачем, мол, нам? Она же не о человеке рассказывает. Но недалеко без неё продвинется археолог: приливы и отливы тепла очень резко сказываются на судьбе племён. А дилетанты думают: так всегда было в Сибири, как сейчас. Трудно представить сибирские озёра и реки с кипарисами, вязами и платанами по берегам. 50 - 60 тысяч лет назад - тёплое межледниковье - в северной Азии появился неандерталец. Это вторая волна заселения после улалинцев. Потом всё холоднее и холоднее, и вот нижняя отметка - четвертичное оледенение. Нерешённый вопрос: человек разумный пришёл на юг Азии уже сложившимся или... неандертальцы сделали здесь скачок, переродились в более совершенный вид?

Была заметная прореха в археологии Сибири: долго не находили стоянок мезолита, среднего каменного века. Поселение на реке Белой — около пятнадцати тысяч лет: максимальное оледенение, исчезали мамонты. Потом ледники таяли, и на их месте вставала тайга. Копытные уже не ходят большими стадами. И начинается скотоводство: приручили волка, и он, став собакой, уже загоняет оленей в ловушки. Появилась одежда — шкуры-накидки, можно и на снегу переночевать.

След древнего человека вывел на другой континент. Когда переехал в Новосибирск, искал, как пышно выражаются на Западе, прародину человека. Раз уж в Монголии рано исчезли леса, то вот, наверно, где древопитеки спустились на землю. И в самом деле, в пустыне Гоби нашлись палеолитические стоянки. И опять везёт Окладникову, злились завистники, - больше двадцати следов палеолита нашёл его отряд. На удивление богата ими Монголия: больше сотни стоянок от нижнего палеолита до ранней бронзы. Предки многих сибирских народов прошли через гобийские ворота

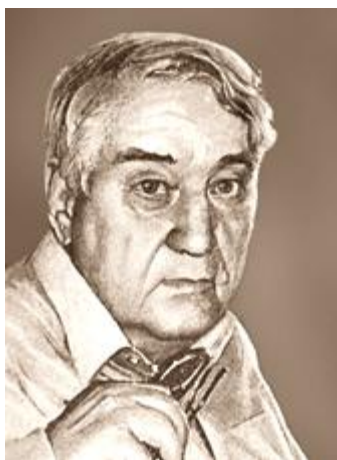
и оставили потомкам вести о себе. И закралась вдруг мысль: а не индейцы ли побывали в наших краях? Откуда же они попали на Аляску? Американцы побывали на байкальском острове Ольхон, изучили захоронения — и сам собою вырвался возглас: «Краснокожий человек!».

Так что же, у индейцев нашлись алтайские предки? Да, в том числе и саяно-алтайские. В Саянах самая древняя стоянка — тридцать четыре тысячи лет. В Якутии — двадцать девять тысяч. А там упёрлись в Ледовитый океан...и перемахнули на другой континент? Не в один прыжок, конечно, в несколько. Волна накатывала на волну, и ранние пришельцы отступали всё дальше на юг. Сотни племенных языков. И в средней Америке сложилась потрясающая цивилизация. А вот когда — тут гадания. Последний ледниковый максимум — около двадцати тысяч лет назад. Значит, большими волнами племена шли в Новый Свет до него и после. Если бы не европейцы, были бы там сейчас великие государства. Это же дело времени.

Эпоха бронзы — прорехи в сибирской истории. И наделали эти прорехи бугровщики, разорители курганов. Каждое лето шли в степь вооружённые артели — «копать бугры», прошлись и по руинам городов. Киргизы и джунгары отрубали гробокопателям головы: нет греха хуже осквернения могилы. А власти? — ловили и... брали взятки. Пётр Первый издал указ о доставке в Петербург предметов «зело старых и необыкновенных»: «Ежели кто найдет в земле какие старые вещи, а именно: каменья необыкновенные, кости скотские, рыбы или птичьи, не такие как у нас ныне есть, тако же бы приносили, за что давана будет довольная дача».

Всё больше, всё глубже интерес к началу истории. А оно всё отодвигается и отодвигается в дым тысячелетий. Как семейные реликвии, дорогими стали камни из пещер — знаки памяти далёких-далёких родичей наших. Не случайной была их жизнь, и смысла в ней было не меньше, чем в нашей.

Седая древность и детство рода человеческого — одно и то же.

Двухсердый (Лев Гумилёв)

«Там небо туманами щедро, там гнётся под ношей спина, но там высочайшие кедры, там воды вкуснее вина» — эта хвала Сибири выплеснулась в тяжком тридцать седьмом году. Как-то сама всплыла память о Байкале: синий водный простор в раме горного хребта, и вал за валом — таёжные дали в дымке. Вспоминал их на допросах, а потом на Беломорканале, где едва выжил.

А в тридцать восьмом вlepили студенту-историку десять лет за немарксистские вопросы лекторам и отправили на великую стройку пятилетки — рыть Беломоро-балтийский канал. Потом вдруг передумали чекисты: десять — маловато, у него же отец расстрелян как враг народа, значит, и сам такой же будет, выдернули в Ленинград на пересуд. А больше десяти лет тогда означало одно: расстрельная статья. Но вот ирония истории или шарады судьбы, есть же они, есть: к стенке поставили главного палача, Ежова, а недоученному студенту присудили пять лет взамен десяти. И закатали в азиатское Заполярье.

Сибирь, в которую влюбился ещё в байкальской экспедиции, проглотила поэта, подающего надежды. Через Евразию в вагоне, переполненном экаами, рядом с отпетыми урками — на восток. В Красноярске пересадка на баржу и вниз по Енисею, в Дудинку, а там рядом Норильск — конечный пункт назначения тысяч осуждённых. Немногие из них вернулись оттуда, сотнями за месяц ложились в вечную мерзлоту. Увидел, оценил запредельный размах каторжного режима. Сибирь-каторга — долго ещё будет она изживать это звание? Как и при царях, отдавала она своё богатство новой державе, империи навыворот.

Никель, молибден, редкие металлы, работа с киркой по

двенадцать часов. Богаты недра норильские, и удивительно население тамошних лагерей. Вольным людям счёт был на сотни, заключённых считали десятками тысяч: началось большое строительство. Такие лагеря дают ответ-подсказку: - Каков предмет науки этнологии? - Разнообразие лиц-народов. Господи, кого там только не было, даже персы и японцы, даже якуты и буряты, обвинённые в шпионаже.

Норильские невольники изощрялись в мрачной иронии: «Здесь великий революционный проект проверяется на всхожесть». В каторжном лагере, на самом дне, многие теряют страх. «Политики», взятые из руководящего состава, здесь начинали думать о последствиях большевистского переворота: что-то не по плану пошло, или утопия эта просто не подходит России, разрушительна для неё? Продубленный цингой политзэк, из эсеров, цедил сквозь прореженные зубы: «Не будь большевизма, не было бы и фашизма». Все, кроме коммунистов, понимающе кивали головами. За такую «пропаганду» полагался расстрел, но за полужизнь там уже не цеплялись.

А ещё раньше, в 1936 году, написалось стихотворение «История»: *«Чужие жизни и чужие смерти живут в чужих словах чужого дня»*. И сам неясно понимал тогда, что такое написал в двадцать четыре года, в пору великого террора. Тёмные вести чужих эпох... надо пропустить их сквозь душу.

Нас всех прядёт судьбы веретено
В один узор; но разговор столетий
Звучит, как сердце, в сердце у меня.
Так я, двухсердый, я не встречу смерти,
Живя в чужих словах чужого дня.

Дерзкий вызов, юношеский: «не встречу смерти»! Неизжитый дворянский романтизм? Так вот тебе три каторжных срока — за смелость в гипотезах. Ох, тяжкая притча российская! В те места, где отбывали простую ссылку бунтари, явные враги России, сейчас бросают на каторгу безвинно осуждённых, и живым возвращается один из десяти — блатной, бывалый уголовник...

Пророка Иону проглотил «великий зверь морской». Что внушал Бог пророку? Чтоб пошёл в город Ниневию и вразумил обезумевших жителей. И вышел Иона из чрева китова, и проповедовал, и покаялись одержимые, и отвратил Господь гнев свой, не предал огню грешный город. А бескрайнюю страну грешную постигла великая война.

Мать написала тогда, нет, кажется, позднее о «тишине сибирской земли»: *«И открылась мне та дорога, по которой прошло так много, по которой сына везли»*. Четырнадцать лет заключения — это ему, сыну, досталось. Придёт время, школьники узнают, кому она, Ахматова, посвятила трагическую поэму. А герой прочитал её после очередной отсидки и недоумевал: «...написала странную поэму, называемую Реквием». Реквием — поминовение мёртвого, поминки по-русски. А из морозного норильского ада, слава Богу, вышел живым...

Почему древние тюрки привлекли так рано? Ещё студентом начал думать о них, а в лагере, на третьем сроке, взялся за хуннов. Генетики скоро осветят тёмный подвал наследственности и про родословие скажут доказательно. Сама создала Анна Андреевна легенду о ханском роде — или всё-таки семейное преданье? Вот хазарские предки — это определённое: караимские черты на лице матери явно написаны.

Старая страшилка — набившая оскомину татарщина. В ней чуть не половина нашей истории, родословные нити многих русских туда ведут. И без татарщины Россия была бы совсем другая, с западной историей. Хорошо оно или плохо, — это уже выводы. А исходить-то надо из реальности: не только иго было, но и сожительство, влияние.

Только представить себе: предки, русские и ордынцы, с копьями несутся в бой друг на друга! Оторопь берёт. Не расшиблась Русь, научилась воевать и ставку перенесла из Сарая в Москву, а там и за Урал двинулась. Забыть себя — из подражанья чужакам?! Это же не платье чужое примерить, а чужую судьбу-душу! Советская мысль отвернулась от кочевников, точно так же, как и буржуазная. Историю легче излагать без географии, вот и не заметили узловое в судьбе Сибири: кочевые империи.

Великое переселение народов — вот что подсказало идею пассионарности: огромную энергию накопили восточные орды. Но сколько раздраженья вызвала эта идея! Один привередливый востоковед назвал книгу «Хунну» исторической повестью. Хотел обругать, а на деле похвалил. Историческая реконструкция — это основа её, как и книги «Древние тюрки». А книгу «Хунны в Китае» рецензировали десять лет и напечатали в урезанном виде. С большими душевными затратами, но же всё издана Степная трилогия. Семь книг и полторы сотни статей, они разрушили чёрную легенду о неспособности кочевников к культуре. Долгие

годы не замечали, а к концу века признали главным трудом в изучении кочевых культур.

И повела тропа на запад: от хуннов в Хазарию, в дельту Волги. Здесь жили аланы, наследники скифов, пришли сюда хунны, бежали сюда от преследований персидские и византийские евреи. И получилась первая в Евразии химера. Образ древний – мифический зверь с несовместимыми частями тела: лев с птичьей головой или крокодил с юным девичьим личиком. Открытие-озарение пришло как образ: когда правящая «голова» грызёт национальное тело, – это химера. И если тело втайне мечтает избавиться от головы, – это состояние химеры...

Поучительный исторический казус открыла дельта Волги – первую евразийскую химеру. Такой высказал диагноз: незаметно подменили в ней смысл исторического пути народа, очернили основное наследие, подорвали доверие к предкам. И стал народ врагом самому себе. А со стороны никто ведь не спасёт, излечить своё сознание расколотый народ только сам может. Правда, химеры неустойчивы, ломаются под собственной тяжестью и рассыпаются даже от малого толчка. А если химера укрепится, если через неё пройдёт несколько поколений, – вот это куда страшнее. Тогда она укоренится, самоузаконится, и это *антисистема*. Оглядишься кругом – увидишь портрет народа, подёрнутого сквозь неё: предают святыни, доносы пишут друг на друга, не верят ни во что и разворовывают дедово наследие. Горе честно думающему: заключают белую ворону, задавят доносами. Изжить антисистему страшно трудно. Это мы и видим у себя на родине: утопическая химера стала системой, вывернутой наизнанку. Но вслед печальному диагнозу идёт обнадеживающий прогноз...

«Открытие Хазарии» – эта книга вышла в год смерти матери, в шестьдесят шестом. Употребил там ещё одно запретное словосочетание: «зигзаг истории». Параллель с Советским Союзом бросалась в глаза, и партийные богодулы это разглядели. Ужалило их, охранителей «всепобеждающего учения», слово *химера*, сильно ужалило. Когда пришлое племя, не дружественное к основному народу, захватывает ключевые роли, дело плохо: возникает химера. Она высасывает жизненные соки народа, и лёгкого избавленья от неё нет.

Когда в народе поощряют самоликвидацию, и он азартно оплёвывает наследие предков, – это химера. Когда тупые и малограмотные преследуют образованных и одарённых, – химера.

Великий Рим на этом пути провалился в кровавую кашу, а новые народы складывались по окраинам империи. Параллель сама напрашивается, намёк на будущее Сибири.

А газетные горлопаны воспевали революционный бросок в небытие — «ускоренное развитие бесписьменных народов». Вот лозунг так лозунг: убыстряйте самоликвидацию! Бегом к концу, к исчезновению! Это же реликты, старички, а не юноши. Активную фазу истории прожили, сил им хватает уже только на сохранение в родной природе. Потому и войн больших в тайге не бывает, нет и богатырских сказаний. Долго сохраняться в тайге, в горах или тундре — это куда более вероятно, чем в степи. Уж в ней-то скрыться некуда, когда придёт захватчик. Не было и нет в таёжной полосе больших завоеваний: народы-пришельцы распадаются на малые племена, иначе тайга не прокормит. Выводить их из равновесия с природой — это же приговор. Не понимают, требуют революционных заклятий на самоликвидацию...

И чтобы все на одно лицо. В глаза же бьёт: степняки не похожи на горцев, таёжные охотники на земледельцев. А почему? Да потому, что сложился народ в своей полосе, в своём климате. Таков весь уклад его, об этом все песни и все сказания. Если отлучить от старого уклада, ещё одним народом на Земле станет меньше. И число их уменьшается. Новый народ решили создать по приказу и, главное, вопреки воле природы. «Это аннигиляция — не смерть, но хуже смерти» — пророческим слогом сказалось тогда.

Прогресс понимают как движение по заранее известному плану. Так это же непереваренный европейский шовинизм: отдайте всё, мы пришли. Вот кочевье — это не стадия, не переходная ступень куда-то, это совсем другая культура, щадящая природу, богатая песенным наследием. И вот конец ей. Отсечена половина истории! Тупик это, никак уж не показатель прогресса. И какая мешанина в общей теории аборигенных культур. Бродячая, кочевая, охотничья, пастушеская и земледельческая культуры! Одно и то же — по-разному, разное именуют одинаково. Рыболовы у начала оседлости, а их ставят ниже охотников.

А может быть, русские тоже растратили свою пассионарность? Пережитки сохранятся по окраинам, а центр не хочет и не может защищать национальные святыни...

Конец жизни пришёлся на самую мрачную пору России. Страна выходила из летаргического сна... и погружалась в клоаку. Как черти из табакерки, выскакивают визгливые писаки и твердят:

последние годы жизни народа, русские надорвались и вырождаются. Но все народы проходят одинаковые стадии развития, только в разные века, и все движутся в одну сторону — к закату: растрачивают энергию молодости.

Сформулировал однажды: «Сила этноса прямо пропорциональна количеству пассионариев и обратно пропорциональна числу субпассионариев». Числитель — энергичные и храбрые, знаменатель — вялые, ко всему безразличные. С такой энергией в тайге или пещере не выживали, а теперь их много, и не творцы они, потребители. Сам недавно заметил: мыслить-то стал по следам Руссо, не влюбил города. Они ведь поставляют небывалые массы отребья — отбракованных природой.

Как отец написал: *«И понял, что я заблудился навеки В слепых переходах пространств и времён»*. Ему, Николаю Гумилёву, которого почти не знала Россия, путь к читателю был закрыт. Но мало-помалу открывается. Когда досиживал второй срок заключения, мать-поэтесса заглянула в будущее. И поняла: «матери сын не узнает, и внук отвернётся в тоске». Какая там тоска, просто отворачиваются,жимают плечами. Затанцуют горе дедов в распутных танцульках, замажут серой краской в псевдороманах. И всё-таки судьба народов — конец и вновь начало.

Получается: народы на ощупь, почти вслепую нашаривают, каждый по-своему, это вечное бытие. Ну почему заперли в спецхран, в этот барак усиленного режима истин, главную книгу — «Этногенез и биосфера Земли»? Какой подтекст нашли? Немарксистский намёк: революции зависят от активности солнца, от вселенских ритмов. И есть ясный вывод: все народы пройдут одинаковые фазы, нет вечно активных. Нет их на Земле и не надо. Но что-то вечное должно быть. Об этом тоже писал — философствовал.

Охранители испугались: неужели остынет жар классовой ненависти?! И у каждого народа свой путь? Вертухай в лагере оказался понятливее: «Гуннов можно, стихи — нельзя». Он знал об отце-поэте и в стихах видел опасность для режима. А для прикормленных, с дипломами, и гуннов такому отщепенцу нельзя: не наш и всё тут. Вот она, работа антисистемы: шваль поднимается наверх, а лучший человеческий материал сбрасывают на самое дно.

Не могли начётчики задуматься над вопросом: а сами-то революции, когда они начинаются, на какой исторической

ступени? О чём говорят — о подъёме или упадке народа? Гражданская война — героическая пора истории или национальная катастрофа? А плод её на языке метафор называется *химера*. Антисистема — вот она: национальное самоуничтожение объявили великой исторической целью.

Но что движет малыми племенами и большими народами, что гонит их в смертельные сшибки? Энергия, страсть, пассио — вот что толкало скифов на восток, а гуннов и монголов на запад. И вот что теряют народы, старея. Озарило в тюрьме, нашёл ёмкое слово: пассионарность — вот что собирает грозные орды. «Эврика!» — заорал вдруг вчерашний студент и выскочил из-под нар. И товарищи по несчастью перекинулись взглядами от одной стены камеры к другой: ещё один съехал с катушек. Не мало таких чокнулось на следствии. А это было озаренье: пассионарность — это страсть молодого народа, самоутверждение его. Загадочна она: отменяет инстинкт самосохранения. Атаманы, вожди большие и малые ею отмечены. Но если бы эти взрывы энергии были только творческими! Чингисхан и Тамерлан, конечно же, пассионарии. Сталин и Гитлер — тоже. Взрыв энергии — начало больших перемен, а великие они или чудовищные — это увидится в судьбе живой природы. Если орды катили волнами на Запад, значит, высока была в них пассионарность.

Был на Ангаре в экспедиции Окладникова, перед затоплением деревень. Академик-оптимист не замечал химеры вокруг себя, не позволял себе вдуматься в это. А если бы высказался? Ха, так же скovyрнули бы с перового шага, ещё студентом. А вот Козырев — астроном, его взгляд уходит ещё дальше, а уродство диктатуры он видел хорошо. И поплатился за рассуждения каторжным сроком.

«Дар слов, неведомый уму, мне был обещан от природы» — это, наверно, о родителях-поэтах. И о поколениях предков, конечно. Не всем учёным даётся верхнее чутьё. Дар этот сродни поэтическому. Ох как нужна историку интуиция поэта, проникновение в чужое время. Не стал состязаться с родителями, задавил в себе поэта — всё ради науки. А если напрасно?.. Написал вот стихотворную драму о Чигисхане.

Мы непоправимое оплачем,
Но пройдем во все концы дорог,
Потому что с нами бог Удачи,
Бог победы, копыеносный бог.

Так могли думать монголы, гонимые и беззащитные до

Чингисхана.

«В поисках вымышленного царства» — получилась книга о *тайнах ремесла* историка, в ней поэзия гипотез и обобщений. Византийский император и папа Римский вздрогнули от послания восточного пресвитера Иоанна: «семьдесят два царя являются моими подданными». А богатства природные там — рай да и только. Исток легенды, возможно, в полемике несториан, изгнанных на Восток, с владыками христианских стран. Кидани (китаи) создали могучую державу Ляо, приняли несторианство, покорили север Поднебесной империи, и успех вскружил им головы. А как уж ванхан превратился в Иоанна, — это загадка. Поиски «царства попа́ Ивана» — это поэтический порыв, гипотеза на основе легенды. А почтенные академики встретили её как неприличный для учёного выпад.

Маловато всё же историков с художественным чутьём, совсем не видно. А как нужна поэма в прозе о втором открытии Сибири! Попытки были, да всё не то. Сибирь терпеливо ждёт, когда же придёт он, поэт открытий. Слово само подвернулось: *двухсердый*. А что за ним? Поэзия познания, когда наука даёт художественное вдохновение. Тут научный сотрудник средней руки криво усмехнётся. Он, описыватель, сделал своё дело, дальше — прорыв в понимании. Как поймёшь пути Сибири без веры в неё, в сильное сердце Евразии? Без учёта шкалы восхождения и нисхождения народов? Без представленья о том, что несущей конструкцией будущего государства становится северная Азия?

Вот вопрос: сможет ли выстоять Сибирь под катком глобализации? Всё больше и больше бездумных гимнопевцев её, а она делает мир свалкой, экологическое безумие принимает за прогресс. Вперёд — к неменяемости! Там не нужно понимание природы и истории, там — отмена их, расправа с ними. Там весь мир ждёт фаза тьмы. А кто поймёт и станет сопротивляться — смирительная рубашка найдётся.

Душу места, а значит и тайну Сибири, постигаешь только любовью. Как и душа человека, не даётся она поверхностному взгляду. В Сибирь можно только верить и больше, чем в основную Россию. Есть неприятягательное в её истории? Есть. А где его нет? Есть надежда, вопреки всему верить хочется. Человеческий материал здесь свой, не совсем испорченный.

Мыслить по-своему — это началось с расстрела отца. Никто ведь не написал новое «Убит поэт...», три поколенья советских людей

знать не знали, что обвинение ложное и казнь бессудная. Отца боготворил и с матерью не раз ссорился из-за него, хотя лицом-то в неё вышел. «Матери сын не узнает»?.. Вернулся после третьего срока — мать, не узнала, совсем остыла к сыну. Бесславление на родине давило её, а о мировой славе своей она знала. Но у отца-то судьба хуже: казнён, в сущности, по подозрению. Предчувствуя тёмную судьбу, он, Николай Гумилёв, написал: *«Это было, это было в той стране, о которой не загрезишь и во сне»*. А сын, тридцатилетний каторжник, тоже обвинённый облыжно, написал в Норильском лагере: *«Как любить такую страну, Где у всех мы будем в плену! У широкой синей реки, У бессонницы и пурги, И у сушащей кровь тоски, От которой в глазах круги...»*

Что это было, задавило отчаянье? Ведь каторжным сроком наградили за вину рода, за поколения предков-дворян. Переплелись русские корни с ордынскими — не разорвать. А что если и впрямь, как мать считала, Ахмат-хан был предком? Тогда ведь ты, Лев Гумилёв, — чингизид, потомок завоевателя Евразии! Вот тут интуиция и указала на евразийцев. Они, изгнанники, задались вопросом: а может быть, у нас главное-то ещё впереди? Может быть, прошли мы только половину отмеренного пути.

Границы эпох — вот где нужен *дар слов, неведомый уму*. Или проницательность, предвидение. Очень и очень важен этот вызов судьбе, несогласие казалось бы обречённых. Это ведь корень творчества, почтенные богодулы. А творчество надо видеть всё, не растаскивать на части, не анатомировать. Куда там! Вот, мол, история, а вот география. А экология, причём она тут? Тем более философия и поэзия истории. Народы у них не говорят как люди, как современники-однодеревенцы. Безголосыми и бездушными сделали их, потому что сами без души.

Но бояться этой страны
Мы не станем и в смертный час.
Беспощадный гнев сатаны
Несклонёнными встретит нас.

В Сибири начата новая страница истории. Что такое она, Сибирь, — видят и не понимают. Главное: позволить ей раскрывать себя, понять свою миссию. А в этом ей как раз мешают и будут мешать. Она отбирает жизнеспособных из всей России. В начале войны предсказал: перелом начнётся, когда в бой вступят сибиряки...

Противники спрашивают: а что он открыл-то? Место

кочевников в истории? Подумаешь, это же народы на обочине истории. Ритмы Евразии. Исторический масштаб Сибири, влияние её на континент — вот открытие.

Книга утрат — вот что такое история Сибири. «Этническое разнообразие Сибири в восьмом веке было значительно больше, чем в восемнадцатом» — печальный вывод. Немало племён ушло во тьму без преемников, но след свой все оставили, искать и понимать его надо. Книга утрат и книга возможностей, если историю Евразии увидеть с Востока. Открылся пульс, ритм жизни Евразии: от державы хуннов до Советского союза. Конец одной главы, начало другой — старинная мудрость.

А могла здесь, в Сибири, сложиться химера? Сейчас это всем в глаза бьёт, а не понимают. Первый признак, — если народ губит природу, взрастившую его. Чернят наследие предков, стимулируют ликвидацию своего племени — второй. Преследуют мыслящих и возвышают тупых — третий. Какие условия благоприятны для химеры? Инертность коренного населения, когда оно уступает своё место пришлому и тратит энергию на самоликвидацию. Вырваться из-под власти химеры — это задача для окраины. Туда и перемещается энергия народа.

С окраин приходят способные к творчеству, бескорыстные пассионарии. Наивные провинциалы, они тут же сталкиваются с имитаторами, с теми, кто подменит любую бескорыстную идею. Они избражают преданность вождям-основателям, а на собраниях сидят с кукишем в кармане. Пассионарность растрачена за два поколения — где же наследники «пламенных революционеров»? И главное, кровавая гражданская война говорит не о подъёме нации, а о разложении, о провале в кровавую тьму. Это природная данность. А они призывали к мировой революции — к ликвидации всех народов. Ведь *у пролетарии нет отечества*, нет лиц-национальностей. Безликость — вот их идеал!

Хочется не только размышлять об итоге блужданий, надо закрепить это в образах. Сибирь — буреломная поэма, пока трудно читаемая. Может быть, сибиряки теперь — ядро русских. В последний раз русские объединили Евразию и формируют новый национальный тип, который становится центром континента Евразия. Сибирь стала христианской, и это духовный переворот. Против него и восстали безбожники. Захотели веры с обратным знаком, а история под нос им — огромный кукиш.

Этнология помогает определить, на какой стадии сейчас народ:

очередная смута или фаза кровавой тьмы? Тогда станет понятно, какие проекты народу по плечу, а какие ведут к самоуничтожению. Даёшь рай на Земле, здесь и сейчас! Так вот же она, Сибирь, трудись, возделывай! Вот когда стала она раскрываться по-настоящему — к концу XX века.

Латинство с Запада, монгольство с Востока — вот какую вилку приставила история к горлу Руси. Не видели, не понимали главных этапов евразийской истории. Скифский этап — около полутора тысяч лет; столько же тюрко-монгольский. И вот теперь — российский. Чуть было не скомкали его, едва не укоротили свою историю. Свою, евразийскую, судьбу подменяли другой. А статью Западом без потери всего самобытно-русского — это вряд ли возможно. Был очень жёсткий монгольский вызов, но выжила Русь, ответила, перестроилась. Если народ подчинён ритмам природы, он удержит главные свои обычаи. Когда открытие Сибири завершится, — она станет новым центром мира.

«Дрениая Русь и великая Степь» — оглядка на дальнее прошлое и загляд в будущее. Одно без друго невозможно. А если исторический прогноз подтвердился, значит, был правильный диагноз. Чуть не половину жизни отдал за него: три срока заключения, четырнадцать лет жизни отнято, лучших лет, да двадцать лет рукописи не пропускали к печатному станку.

Счастливые дни можно пересчитать по пальцам, и все они в экспедициях. Где воля, там пробуждается, из горла рвётся поэзия. А статья поэтом-профессионалом сыну двух поэтов судьба не позволила. Хотя нет же, муза указала свой путь: поэзия познания, она требует особого таланта. Рассудок Запада не вмещает сибирскую оригинальность, шире она, разнороднее и мощнее. И в ней — последний выбор России...

Нет учеников, нет последователей. Так подытожил в семидесятые годы, когда писал главную книгу — «Этногенез и биосфера Земли». И в конце восьмидесятых насчитал их семь человек. А когда книги пошли по миру, обнаружили тысячи сторонников теории. Обвал России ещё раз подтвердил её: в эпохи упадка центр проваливается первым, здоровые устои сохраняются по окраинам. Прожил нищим и оставил большое богатство издателям. А потомкам — наследие духовное, опору в самосознании...

Исторг кит Иону из черева своего, и проповедовал спасшийся в толпе, потерявшей веру. Кого спас? Сначала — немногих, но число

их растёт. Дал ответ на вопрос, который никому не приходил в голову: когда, в какой фазе жизни народ уничтожает родную природу, ту самую, которая его и воспитала, подсказала мотивы песен и сказок. В главной, большой книге и показал эту связь: бывают периоды, когда народ воспевает саморазрушение, а большое государство поощряет уничтожение кормящей природы. Тогда спасение приходит с окраины. Она даёт надежду на возвращение — к здравому смыслу, к наследию предков.

Из камня расточённой веры
Никто не извлечёт огня.
Весь мир окутал сумрак серый,
Но нужно дожидаться дня.

О ПРОШЛОМ СИБИРИ, ДАЛЁКОМ И НЕДАВНЕМ

А ты знаешь Сибирь? Когда задаёшь этот вопрос земляку, ответ всегда один: «Так вот же она, я живу здесь». – Какие народы жили вот здесь три-четыре тысячи лет назад? - В ответ молчанье.

Мы гордимся богатствами наших недр, а о духовных залежах, о глубинах памяти задумываемся редко. Даже за время жизни города Томска безвозвратно ушли в прошлое многие легенды малых народов. Мифы и сказанья Сибири — это опыт веков, драгоценное наследие, но цену знают далеко не все. Вот с чего надо начинать знакомство с краем. Преданья эти ушли из устной памяти, теперь их хранят библиотеки. Увы, поздно спохватились, сибирское хранилище сказаний долго оставалось нераспечатанным. Эта книга адресована, в первую очередь, школьникам и краеведам, но нужна всем, кого волнует прошлое, а значит и будущее, северной Азии.

Александр Казаркин, профессор-филолог, загадками Зауралья увлечён давно. Есть в его «копилке» книги «Преданья старых трактов» и «Сибиреведение». Первая часть новой его книги — Сибирь мифов и легенд. «Второе открытие Сибири» — рассказ о подвижниках науки, о крупнейших исследователях. Они изменили представления о северной Азии, выделили главные страницы её истории. Томску, первому университетскому городу Зауралья, принадлежит здесь большая заслуга. Отсюда отправлялись экспедиции, и сюда стекались сказанья народов, даже не знавших письменности.

Спрашивают: зачем нам, молодым, знать древние сказанья? - Чтобы научиться жизнестойкости. Сибирь открывала своё лицо медленно. Грозными ордами, прибоем рас и культур – такой предстала она перед Западом. Европейцы думали, что живут здесь чудища-нелюди. Есть сказания-страшилки: сибиряки-де, потомки пещерных людей, в походы идут верхом на медведях. А под землёй там древние города, откуда по ночам выходят троглодиты и похищают невест. Подлинные сказанья — память земли, их надо отличать от подделок. Ведь второе открытие Сибири ещё не закончено.

Геннадий Скарлыгин, председатель
объединения «Томские писатели»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Голоса сказаний.....	3
Страна за Камнем.....	4
Ушли в легенду.....	11
Таёжный мир.....	21
Далёкое кочевье.....	29
Дети волчицы.....	36
Тень Чингисхана.....	42
Хан трёх орд.....	48
Томтура.....	60
Встреч солнцу.....	77
Ермаки-Кучумы.....	85
Путь сибирский дальний	91
Последний коч	100
Праведное Беловодье	107
Мы – староверы.....	112
Про Золотую бабу	124
Что сосна помнит.....	130
Второе открытие Сибири.....	132
Притяжение Востока (Г. Потанин)	134
Печальник Сибири (Н. Ядринцев).....	146
Золотое дно (Вл. Обручев)	154
Ждущее величие (Г. Гребнщиков).....	165
Лики каменного века (А. Окладников)	178
Двухсердый (Л. Гумилёв)	182
Г. Скарлыгин. О прошлом Сибири.....	193

Литературно-художественное издание

Александр Петрович Казаркин

Ермаки-Кучумы

Рассказы краеведа

Редактор Г. Колосова
Корректор Н. Куликова
Компьютерная вёрстка Ю. Глазин